

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Новосибирский государственный
университет экономики и управления «НИНХ»

**ПРАВО И ЭКОНОМИКА:
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ
И СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ**

Сборник статей
по итогам V Новосибирского
международного юридического форума
(24–26 мая, 22–23 июня 2023 г.)

Часть 2

Новосибирск
2024

ББК 67.021

П68

Ответственные редакторы:

канд. юрид. наук *О. Н. Шерстобоев*,

канд. ист. наук *М. С. Саламатова*,

канд. юрид. наук *Н. А. Кирилова*,

канд. юрид. наук *М. В. Громоздина*

П68 **Право** и экономика: национальный опыт и стратегии развития : сб. ст. по итогам V Новосиб. междунар. юрид. форума (24–26 мая, 22–23 июня 2023 г.) : в 2 ч. / Новосибир. гос. ун-т экономики и управления ; под ред. О. Н. Шерстобоева, М. В. Громоздиной, М. С. Саламатовой. — Новосибирск : НГУЭУ, 2024. — Ч. 2. — 256 с.

ISBN 978-5-7014-1129-4

ISBN 978-5-7014-1132-4 (ч. 2)

В сборнике представлены научные статьи, подготовленные участниками V Новосибирского международного юридического форума «Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития», который состоялся в г. Новосибирске 24–26 мая, 22–23 июня 2023 г.

Издание рекомендовано для научно-педагогических работников, сотрудников государственных и муниципальных органов, а также для всех читателей, интересующихся вопросами взаимодействия правовых систем.

Статьи представлены в авторской редакции.

ISBN 978-5-7014-1129-4

ISBN 978-5-7014-1132-4 (ч. 2)

ББК 67.021

© Новосибирский государственный
университет экономики
и управления «НИНХ», 2024

**МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО
И КОРПОРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ:
ПРОБЛЕМЫ ГАРМОНИЗАЦИИ
В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ»**

**ПРАКТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ПРИОБРЕТЕНИЯ
И ПРЕКРАЩЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ
ЕДИНОЛИЧНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА
ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА**

Е. Б. Абакумова

Новосибирский военный ордена Жукова
институт имени генерала армии И. К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации
Институт философии и права СО РАН
кандидат юридических наук
civilization1981@mail.ru

Аннотация. В статье освещается проблематика несовершенства правового установления момента возникновения и прекращения полномочий единоличного исполнительного органа хозяйственного общества. Автором проанализирована существующая практика применения норм корпоративного законодательства и показана противоречивость их толкования судами Российской Федерации; сделан вывод о неполном гражданско-правовом обеспечении правоотношений, складывающихся в связи с увольнением генерального директора хозяйственного общества; отмечается востребованность создания нормативного механизма защиты прав бывших директоров и предлагаются соответствующие правовые решения.

Ключевые слова: ЕГРЮЛ, возникновение и прекращение полномочий ЕИО, трудовой договор с генеральным директором.

Abstract. The article raises the problem of imperfection of the legal regulation of the issue of the moment of the emergence and termination of the powers of the sole executive body of a business company. The author examines the existing law enforcement practice and shows the inconsistency of interpretation of legislative norms in the courts of the Russian Federation.

The paper concludes that there is unsatisfactory legal support from the civil legislation of legal relations arising in connection with the dismissal of the general director of a business company. The necessity of creating a regulatory mechanism to protect the rights of former directors is noted and appropriate legal solutions are proposed.

Key words: Unified State Register of Legal Entities, occurrence and termination of powers of the CEO, employment contract with the CEO.

Единоличный исполнительный орган хозяйственного общества является правовым явлением, занимающим одно из центральных мест в системе корпоративного управления, что обуславливает особое к нему внимание как со стороны законодателя, так и со стороны профессионального и научного сообщества. В настоящее время в науке гражданского права далеко не все вопросы, касающиеся функционирования данного органа, решены однозначно. В частности, правовое обеспечение приобретения и прекращения полномочий единоличного исполнительного органа хозяйственного общества характеризуется наличием довольно существенных проблем правоприменения. Сложный правовой подтекст действий по избранию или назначению генерального директора хозяйственного общества, прекращению с ним правоотношений порождает возникновение спорных ситуаций, которые довольно часто переходят на уровень судебных разбирательств.

Возникновение полномочий единоличного исполнительного органа хозяйственного общества, так же как и прекращение его полномочий, сопряжено с рядом взаимосвязанных процедур, которые в настоящее время регламентируются различными отраслями права. Часть 1 ст. 53 ГК РФ устанавливает, что порядок образования и компетенция органов юридического лица определяются законом и учредительным документом. Соответствующие положения предусмотрены п. 1 ст. 40 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» и п. 3 ст. 69 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», согласно которым в обществе с ограниченной ответственностью единоличный исполнительный орган избирается общим собранием участников или советом директоров (наблюдательным советом), а в акционерном обще-

стве — общим собранием акционеров или советом директоров (наблюдательным советом) в порядке, предусмотренном уставом общества (для краткости далее будем использовать только термин «собрание участников»).

Обязательным юридическим действием после образования единоличного исполнительного органа является заключение трудового договора с лицом, избранным (назначенным) на соответствующую должность. Далее, согласно п. 5 ст. 5 Федерального закона от 08 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», в течение семи рабочих дней юридическое лицо обязано сообщить о новом единоличном исполнительном органе в регистрирующий орган по месту своего нахождения.

В повседневной практике обычно только после завершения всех этих действий новый генеральный директор приступает к совершению гражданско-правовых сделок от имени и в интересах хозяйственного общества. Вместе с тем российское законодательство не устанавливает зависимости между соблюдением перечисленных обязательных процедур и возникновением полномочий у единоличного исполнительного органа. Вопрос о моменте приобретения полномочий единоличного исполнительного органа некоторое время был предметом дискуссий в отечественной юриспруденции, но сегодня обсуждается достаточно редко, несмотря на сохраняющуюся актуальность и практическую значимость.

Поскольку правовое обеспечение начала деятельности генерального директора в хозяйственном обществе регулируется различными отраслями права, а соответствующие нормы существуют как бы независимо друг от друга, у судей порой возникает практическая возможность самостоятельно увязать все правила в единое требование. Так, например, в Постановлении Седьмого арбитражного апелляционного суда от 19 января 2016 г. № 07АП-379/2015 по делу № А45-20088/2014 судья пришел к следующему заключению: «Таким образом, из положений Федерального закона № 129-ФЗ следует, что новый руководитель считается вступившим в должность, а прежний — уволенным лишь со дня внесения соответству-

ющей записи в ЕГРЮЛ (с даты регистрации изменений, при этом не связанных с внесением изменений в учредительные документы)» [1]. Тем не менее следует отметить, что подобные судебные решения в современной правоприменительной практике являются исключением, и общепринятая позиция состоит в прямом толковании закона, который не связывает возникновение либо прекращение полномочий единоличного исполнительного органа с фактом внесения сведений о нем в ЕГРЮЛ. Это, в свою очередь, порождает множество проблем в гражданско-правовых отношениях между контрагентами, которые не имеют доступа к информации о решениях органов других юридических лиц и ориентируются на данные, содержащиеся в ЕГРЮЛ.

Считается, что закон защищает добросовестных участников гражданского оборота, устанавливая принцип публичной достоверности реестра, согласно которому лицо, полагающееся на данные ЕГРЮЛ, вправе исходить из того, что они соответствуют действительности, а юридическое лицо не вправе ссылаться на данные, не включенные в реестр, а также на недостоверность содержащихся в нем данных (п. 2 ст. 51 ГК РФ). В качестве исключения закон устанавливает случаи, когда соответствующие данные включены в ЕГРЮЛ в результате неправомерных действий третьих лиц или иным путем помимо воли юридического лица. Однако правоприменительная практика не всегда использует данную норму в пользу юридического лица, чьи сведения в реестре не соответствовали действительности не по его воле. Так, в деле № А40-82785/2017 истец ссылался на то, что оспариваемые им соглашения являются недействительными сделками, поскольку были подписаны неуполномоченным лицом — генеральным директором, назначение на должность которого и внесение соответствующей записи в ЕГРЮЛ было признано судом недействительным, поскольку было осуществлено помимо воли хозяйствующего субъекта. Подтверждая отказ в удовлетворении требований истца предыдущими инстанциями, Верховный Суд РФ указал, что признание судом недействительным решения общего собрания участников хозяйствующего субъекта об избрании или назначении единоличного исполнительного

органа по общему правилу само по себе не является основанием для признания договора недействительным, если сделка была совершена до вступления в силу решения суда [2]. Судебное решение было обосновано тем, что корпоративные споры о полномочиях лица, действовавшего от имени организации, не должны оказывать негативное влияние на стабильность гражданского оборота, а также на возможность возложения на добросовестного контрагента рисков последствий, связанных с заключением договора неуполномоченным лицом. В период спорных отношений еще не существовало вступившего в законную силу судебного акта, устанавливающего факт отсутствия у генерального директора полномочий действовать от имени общества, следовательно, по мнению суда, они являются действительными и порождают между сторонами права и обязанности, возникшие из договора.

Рассмотрим иную ситуацию — когда расторжение трудового договора происходит по инициативе генерального директора и он увольняется по собственному желанию. Согласно ст. 280 Трудового кодекса РФ руководитель обязан письменно предупредить работодателя (собственника имущества организации, его представителя) о намерении уволиться не за две недели, как установлено для обычных работников, а за месяц до предполагаемой даты увольнения. Этого срока должно быть достаточно, чтобы хозяйственное общество назначило и провело собрание участников для утверждения нового единоличного исполнительного органа.

На практике же может случиться, что увольняющийся директор сталкивается с необходимостью прекращения отношений по управлению обществом в отсутствие иного лица, замещающего его в указанной должности. При этом он не может никак повлиять на решение общества о созыве внеочередного собрания участников и избрании нового единоличного исполнительного органа. Такое возможно, например, в случаях фактической утраты участниками интереса к управлению обществом в связи с отсутствием у него значимых активов или перспективой ликвидации юридического лица. Возникает вопрос: расторжение трудовых отношений с обще-

ством может означать прекращение полномочий единоличного исполнительного органа?

Как известно, трудовой договор является документом, которым регулируются трудовые взаимоотношения между работником и работодателем. Он имеет значение только для сторон, которые его подписали, но не для третьих лиц, поэтому с теоретических позиций данный документ не может подтверждать полномочия генерального директора перед контрагентами. Правоприменительная практика в основном следует данному тезису [3, с. 148]. Причем десятилетие назад арбитражные суды в принципе не принимали в расчет наличие и действительность трудового договора между генеральным директором и обществом [4]. В последние годы судебная практика даже в случаях отсутствия нового единоличного исполнительного органа при определенных обстоятельствах может констатировать утрату легитимности полномочий руководителя после расторжения трудового договора с момента истечения предусмотренного законом срока уведомления работодателя. Так, Постановлением от 18 мая 2016 г. № Ф10-5887/10 Арбитражный суд Центрального округа указал: «По правилам ст. 80, 280 ТК РФ по истечении срока предупреждения об увольнении работник имеет право прекратить работу. <...> При прекращении трудового договора с генеральным директором полномочия последнего прекращаются вне зависимости от внесения соответствующих сведений в ЕГРЮЛ» [5].

Однако заявлять об изменении сведений о лице, выполняющем функции единоличного исполнительного органа общества, в ЕГРЮЛ может только новый директор [6]. Хотя при наличии решения о назначении нового единоличного исполнительного органа возможно обяание судом регистрирующего (налогового) органа исключить из ЕГРЮЛ сведения о бывшем генеральном директоре. Например, Постановлением Арбитражного суда Уральского округа от 7 октября 2016 г. № Ф09-9063/16 соответствующее требование истца, бывшего директора, удовлетворено, так как общество в течение длительного времени не совершало действий по внесению изменений в реестр, и у бывшего директора не было другой возможности восстановить свои нарушенные права [7].

Но при отсутствии нового единоличного исполнительного органа суды отказывают бывшим директорам в требовании об исключении сведений о них в ЕГРЮЛ. Так, Верховный Суд РФ Определением от 22 января 2016 г. № 305-КГ15-18162 заключил, что «законодательством не предусмотрена возможность отражения в ЕГРЮЛ информации о прекращении полномочий единоличного исполнительного органа юридического лица без одновременного внесения сведений о вновь назначенном на эту должность лице» [8].

Если общество бездействует и не назначает новый единоличный исполнительный орган, выходом из затруднительного положения для бывшего генерального директора могла бы стать законодательно закрепленная возможность внесения записей о недостоверности в ЕГРЮЛ по форме Р34001 (п. 5 ст. 11 Закона № 129-ФЗ). Однако судебная практика показывает, что даже это право бывшие директора не всегда могут реализовать. Так, Арбитражный суд Челябинской области в 2019 году отказал директору ООО в признании незаконным решения налоговой инспекции об отказе внесения записи о недостоверности сведений о нем в ЕГРЮЛ, мотивировав тем, что «истечение срока трудового договора не означает прекращение полномочий директора, и он обязан выполнять функции единоличного исполнительного органа до момента избрания нового руководителя» [9].

Более того, даже добившись внесения в ЕГРЮЛ записи о недостоверности сведений, бывший директор не может считать себя в безопасности от возможного привлечения, например, к субсидиарной ответственности, поскольку, как было указано в Постановлении Второго арбитражного апелляционного суда от 25 марта 2022 г. № 02АП-936/2022, «само по себе наличие в ЕГРЮЛ записи о недостоверности сведений о лице, имеющем право без доверенности действовать от имени юридического лица, не свидетельствует о прекращении полномочий такого лица» [10].

Таким образом, в современной российской правоприменительной практике принятие решения уполномоченным органом об образовании единоличного исполнительного органа хозяйственного общества считается юридическим

фактом, определяющим возникновение предусмотренных законом полномочий избранного (назначенного) лица по представлению интересов хозяйственного общества в отношениях с третьими лицами. Ни последующее заключение трудового договора с генеральным директором, ни внесение сведений о нем в ЕГРЮЛ не являются фактами, порождающими гражданско-правовые последствия.

Вместе с тем проведенный анализ показал, что правомерность полномочий единоличного исполнительного органа хозяйственного общества в отдельных случаях судами может связываться с действием трудового договора или с наличием записи в ЕГРЮЛ. И хотя такие судебские решения являются исключением, а не правилом, существование подобной практики свидетельствует об отсутствии однозначного подхода к проблеме легитимности полномочий уволившегося директора со стороны правоприменителя. В частности, невозможность одностороннего отказа генерального директора от своих полномочий в гражданско-правовых отношениях вынуждает суды выходить за их рамки и обосновывать прекращение полномочий единоличного исполнительного органа нормами трудового права. Такой выход из ситуации нельзя признать верным. Также не следует игнорировать факты нарушения конституционных и гражданских прав бывших директоров, которые могут стать заложниками своей должности после увольнения, в результате чего становится возможным умаление их права свободно распоряжаться своими способностями к труду, привлечение к ответственности за налоговые и иные правонарушения, совершенные обществом без их участия, и т. д.

Преодоление проблемы видится в устранении пробельности законодательства и создании правового механизма прекращения полномочий единоличного исполнительного органа без соответствующего решения участников общества и процедуры исключения из ЕГРЮЛ записи о данном лице. Приблизиться к достижению названной цели, на наш взгляд, возможно путем нормативного закрепления требова-

ния об образовании нового единоличного исполнительного органа хозяйственного общества в течение одного месяца после подачи генеральным директором заявления об увольнении. На случай невыполнения данного требования необходимо предусмотреть правовую возможность для обращения генерального директора в ФНС с заявлением об исключении общества из ЕГРЮЛ в связи с признанием юридического лица недействующим.

Литература

1. Постановлении Седьмого арбитражного апелляционного суда от 19.01.2016 № 07АП-379/2015 по делу № А45-20088/2014 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Определение Верховного Суда РФ № 305-ЭС18-21782 от 09.01.2019 по делу № А40-82785/2017 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Осипенко О. В. Актуальные проблемы системного применения инструментов корпоративного управления и акционерного права. М.: Статут, 2018. 446 с.
4. Постановление ФАС Поволжского округа от 03.03.2005 № А49-6258/04-250АО/25 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 18.05.2016 № Ф10-5887/10 по делу № А14-1209/2010 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. О направлении обзора судебной практики по спорам с участием регистрирующих органов: письмо ФНС России от 09.04.2020 № КВ-4-14/6053 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 07.10.2016 № Ф09-9063/16 по делу № А60-46635/2015 // Доступ из СПС «Гарант».
8. Определение Верховного Суда РФ от 22.01.2016 № 305-КГ15-18162 по делу № А40-6513/2015 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Решение Арбитражного суда Челябинской области от 28.02.2019 по делу № А76-1490/2019 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 25.03.2022 № 02АП-936/2022 по делу № А17-5446/2020 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТА ПРАВОВОГО СТАТУСА ПУБЛИЧНЫХ АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВ

Н. С. Берсенева

ООО «Центр корпоративного права»

юрист

nik.bersenev.2000@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено балансу прав и законных интересов держателей акций, публичных акционерных обществ и государства.

Ключевые слова: корпоративное управление, публичные акционерные общества.

Abstract. The study is devoted to the balance of rights and legitimate interests of shareholders, public joint stock companies and the state.

Key words: corporate governance, public joint stock companies.

Начавшиеся в конце 80-х — начале 90-х годов экономические реформы, поиск путей и способов их реализации — процесс «разгосударствления» и приватизации [1], а также переход к модели рыночной экономики, проблема государственного участия в корпоративном управлении не предвиделась, поскольку упомянутые процессы предполагали полное устранение государственного присутствия в качестве участника из перспективных областей прибыльного функционирования, оставляя за ним лишь роль регулятора с минимальным вмешательством [2].

Однако уже на современном этапе роль государства как участника рыночных отношений сохранилась.

Законодательство об акционерных обществах устанавливает, что члены совета директоров избираются общим собранием акционеров, каждый из которых независим от акционеров и должен действовать исключительно в интересах общества добросовестно и разумно, в противном случае такой член совета директоров может быть привлечен к ответственности за причиненные по его вине убытки обществу.

Однако Постановлением Правительства РФ от 03.12.2004 № 738 установлены особые права РФ как акционера на выдачу

обязательных директив членам совета директоров, за избрание которых в его состав РФ проголосовала в качестве акционера. С этой целью в указанном постановлении даже введено понятие представителей интересов РФ в совете директоров [3]. В качестве таких представителей выступают лица, кандидатуры которых были выдвинуты РФ для избрания в состав совета директоров или же заключившие договор о представлении интересов РФ в органах управления общества, акции которых находятся в федеральной собственности.

Сделанное указанным постановлением изъятие основывается на ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества», устанавливающим в качестве основания для применения РФ специального права «золотая акция», необходимость обеспечения обороноспособности и безопасности, защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан РФ [4], являющемся следствием основания для ограничения гражданских прав, отраженного в ст. 55 Конституции РФ [5], а избрание членов совета директоров, являющихся представителями РФ, носит экстраординарный порядок.

В 2021 году на федеральном портале проектов нормативных правовых актов был размещен проект федерального закона, вносящего изменения в ст. 68 ФЗ «Об акционерных обществах» и закрепляющего представителей интересов РФ, исполняющих обязательные директивы, исходящие от государства как акционера в составе совета директоров не для случаев, урегулированных ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» и Постановлением Правительства РФ от 03.12.2004 № 738, а в любом обществе, в котором РФ является акционером. Также устанавливается, что такой представитель интересов РФ не может быть привлечен к ответственности за действия в связи с принятием решения советом директоров, голосование по которому осуществлялось посредством исполнения директив, исходящих от государства как акционера. В таком случае к ответственности может быть привлечен орган власти, издавший указание. То есть его присутствие в совете директоров становится сугубо номинальным, а за фактическое принятие решений советом

директоров голосует акционер в лице РФ путем издания соответствующих директив представителю.

При этом обозначенный подход противоречит законодательству об акционерных обществах ввиду того, что оно не определяет лиц, избранных в состав совета директоров, в качестве представителей проголосовавших за них акционеров, к тому же процедура избрания членов совета директоров путем голосования на общем собрании акционеров не позволяет считать их представителями, а акционеров — представляемыми в гражданско-правовом смысле.

В российской цивилистической доктрине выделяют две концепции представительства, одна из которых — концепция правоотношения. Концепция правоотношения исходит из того, что в представительстве усматривается особое правоотношение, складывающееся между представителем и представляемым, в силу которого юридически значимые действия, совершаемые представителем в пределах предоставленных полномочий, порождают, изменяют или прекращают права и обязанности для представляемого [6].

К тому же гражданским законодательством и законодательством об акционерных обществах указывается на обязанность членов совета директоров действовать только в интересах общества [7]. Также Постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда от 30.07.2013 № 62 в п. 2 недвусмысленно указывается, что член коллегиального органа управления не признается действовавшим в интересах общества, если его действия были направлены в интересах одного или нескольких его акционеров, но в ущерб обществу [8].

Принятие такого изменения в ФЗ «Об акционерных обществах» приведет к нарушению принципа равного отношения к акционерам, интересы которых начнут приниматься во внимание в разной степени, а задача, возложенная на совет директоров, обеспечивать баланс, удовлетворяющий интересы и акционеров, и общества, в целом не будет достигнута.

В зарубежной доктрине соглашения членов совета директоров и акционеров о выполнении распоряжений по вопросам, относящимся к принятию решений на голосовании, также признаются противоречащими закону. Аргументиру-

ется такое противоречие, во-первых, нарушением соглашения о разграничении компетенций общего собрания акционеров и совета директоров, поскольку первые в таком случае формируют волю и определяют позицию совета директоров. Во-вторых, нарушением обязанности, установленной законом действовать в интересах общества, тогда как позиция члена совета директоров должна основываться исходя из его независимых суждений о возможностях достижения интересов общества. В-третьих, в случае заключения такого соглашения и возникающего вследствие этого правоотношения представительства отдавать директивы представителям правомочен только представляемый, то есть само общество в лице общего собрания его акционеров, — в свою очередь, указания действовать определенным образом от одного или группы акционеров приводило бы к подмене представляемого лица [9].

Такое положение государства противоречит принципу *par in parem non habet imperium*, так как, вступая в частноправовые отношения, оно не должно проявлять властные полномочия, извлекая из этого определенные преимущества, если это не вызвано необходимостью эффективного отправления публичной власти, как в случае с применением исключительного права «золотая акция».

Для решения данной проблемы, риск возникновения которой поставлен в зависимость от принятия федерального закона, вносящего изменения в ст. 68 ФЗ «Об акционерных обществах», законодателю следовало бы воздержаться от принятия соответствующих поправок и сохранить существующий подход, при котором члены совета директоров независимы от акционеров и в первую очередь при принятии решений руководствуются интересами общества и несут ответственность в случае причинения убытков обществу своими виновными действиями.

Литература

1. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. 5-е изд., стер. М.: Статут, 2011. 682 с.
2. Макарова О. А. Акционерные общества с государственным участием. Проблемы корпоративного управления: моногр. М.: Юрайт, 2022. 211 с.

3. Об управлении находившимися в федеральной собственности акциями акционерных обществ и использования специального права на участие Российской Федерации в управлении акционерными обществами («золотой акции»): постановление Правительства Российской Федерации от 31 марта 2004 г. № 738 (ред. от 8 апр. 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 14. Ст. 2098.
4. О приватизации государственного и муниципального имущества: федер. закон от 21 дек. 2001 г. № 178-ФЗ: принят Гос. Думой 30 нояб. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 5 дек. 2001 г. (ред. от 2 июля 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 4. Ст. 251.
5. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законом Рос. Федерации о поправке к Конституции Рос. Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 4. Ст. 445.
6. Егоров А. В., Папченкова Е. А., Ширвиндт А. М. Представительство: исследование судебной практики. М.: Статут, 2017. 383 с.
7. Степанов Д. И., Михальчук Ю. С. Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике. М.: Статут, 2018. 207 с.
8. О некоторых вопросах возмещения убытков лицам, входящим в состав органов управления юридического лица: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июля 2013 г. № 62 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 3.
9. Martinez Rosado J. Los pactos parasociales. Madrid, 2017. 434 p.

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНИЯ СДЕЛОК С ДОЛЯМИ В УСТАВНОМ КАПИТАЛЕ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

Е. А. Дорожнинская

Сибирский институт управления — филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
доцент кафедры гражданского права и процесса
кандидат юридических наук, доцент
dorozhinskaya-ea@ranepa.ru

Аннотация. Раскрываются особенности совершения сделок с долями в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью с учетом меняющегося российского законодательства.

Ключевые слова: доля в уставном капитале общества, преимущественное право, согласие участников.

Abstract. Reveals the features of transactions with shares in the authorized capital of limited liability companies, taking into account the changing Russian legislation.

Key words: share in the authorized capital of the company, pre-emptive right, consent of the participants.

С одной стороны, механизмы отчуждения доли в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью (далее — ООО) полностью урегулированы законом. С другой стороны, изменения законодательства и договорная практика демонстрируют актуальность развития доктрины в этой сфере, что поддерживает интерес к данной теме.

Для начала стоит упомянуть о политических аспектах, нашедших свое отражение в указе Президента РФ от 8 сентября 2022 года № 618 «Об особом порядке осуществления (исполнения) отдельных видов сделок (операций) между некоторыми лицами». Теперь в особом порядке осуществляются (исполняются) сделки с участием так называемых недружественных нерезидентов, влекущие «прямо либо косвенно установление, изменение или прекращение прав владения, пользования и (или) распоряжения долями в уставных капиталах ООО либо иных прав, позволяющих определять условия управления такими ООО и (или) условия осуществления ими предпринимательской деятельности» (п. 1 указа). Особый

порядок совершения сделок подразумевает получение разрешений Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в РФ, в которые «при необходимости» могут быть включены условия осуществления таких сделок. Наблюдаемое внедрение публичных ограничений в корпоративную сферу обусловлено потребностью исключения влияния на корпоративную деятельность иностранных субъектов и, скорее всего, носит временный характер. Тем не менее для сторон сделок из «недружественных» стран, а также для самих корпораций вышеупомянутый особый порядок порождает дополнительные сложности процедуры, которая уже сейчас непростая, но это оправданно, если не забывать, что именно такими сделками оформляется так называемая продажа бизнеса

Безусловно, совершение любых сделок имеет «базовый стандарт» подготовки, традиционно включающий подготовку правоустанавливающих документов на долю, документов самого ООО, проверку статуса и сделкоспособности контрагента, документов, подтверждающих полномочия представителей сторон, определения порядка оплаты, закрепления механизмов защиты интересов сторон сделки и т. д. Но, кроме того, процедура совершения сделок с долями предусматривает соблюдение преимущественного права покупки доли другими участниками общества, получение согласий и одобрений (при необходимости), а также иных обязательных требований.

Причем законодатель изначально предусмотрел механизм контроля за соблюдением этих требований, введя институт нотариального удостоверения сделок с долями. Нотариус не только удостоверяет договор, подписанный двумя сторонами, но и обеспечивает регистрацию изменений в ЕГРЮЛ. Именно на нотариуса возлагается необходимость проверки наличия права на распоряжение долей, факта оплаты доли в доле в уставном капитале ООО на момент совершения сделки.

Но гораздо важнее проверить именно соблюдение требований законодательства в отношении преимущественного права, а также получение согласий и одобрений, ведь проблемы, влекущие оспаривание сделок с долями, как правило, возникают в этой области.

Если речь идет о преимущественном праве, то необходимо проверить само содержание устава ООО, наличие надлежаще оформленной нотариально удостоверенной оферты, нотариально удостоверенных отказов (если таковые имеются) или справки за подписью единоличного исполнительного органа об отсутствии отказов, заверения об обстоятельствах и т. д. Участники пользуются преимущественным правом покупки доли другого участника по цене предложения третьему лицу пропорционально размерам своих долей. Получив от отчуждателя направленное через общество (за счет продавца) нотариально удостоверенную оферту, адресованную ему и содержащую указание цены и иных условий, участник может выбрать один из трех вариантов поведения:

- акцептовать оферту в течение 30 дней с даты получения;
- предоставить нотариально удостоверенный отказ;
- не дать ответа (бездействовать) до истечения указанного выше срока реализации преимущественного права. Во втором и третьем случаях продавец вправе продать долю в уставном капитале ООО третьему лицу по цене не ниже чем указана в оферте.

Стоит обратить внимание на возможность регулирования особенностей преимущественного права уставом ООО, в который можно изначально заложить:

- заранее определенную цену покупки доли в уставном капитале ООО (или механизм определения этой цены);
- возможность покупки участниками части доли, отчуждаемой третьему лицу;
- осуществление преимущественного права непропорционально размерам долей участников;
- переход преимущественного права к самому обществу, если другие участники не использовали свои права;
- особый порядок реализации преимущественного права (не противоречащий базовым требованиям закона).

Вызывает интерес тот факт, что пока уставом ООО даже при единогласном решении участников нельзя предусмотреть неприменение норм о преимущественном праве участников ООО на покупку доли, отчуждаемой третьему лицу, это не предусмотрено законодательством. Но при этом некоторые из

типовых уставов ООО, утвержденных Приказом Минэкономразвития России от 1 августа 2018 г. № 411 «Об утверждении типовых уставов, на основании которых могут действовать общества с ограниченной ответственностью», содержат данные положения. Например, типовой устав № 22 устанавливает, что «Участники Общества не обладают преимущественным правом покупки доли или части доли участника Общества, который производит ее отчуждение третьим лицам».

С другой стороны, давно известна ситуация, согласно которой п. 7 ст. 37 Федерального закона от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» устанавливает запрет на закрепление преимущественного права на приобретение доли, продаваемой участником, в уставе ООО, 100 % уставного капитала которого принадлежит Российской Федерации, субъекту Российской Федерации или муниципальному образованию. Видимо, данное положение нуждается в урегулировании путем внесения изменений в нормы об ООО.

Если законом предусмотрена необходимость получения согласий и одобрений, то в различных случаях проверяется наличие:

- согласия других участников на отчуждение доли третьему лицу (ст. 21 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»);
- нотариально удостоверенного согласия супруга стороны сделки;
- разрешения органа опеки и попечительства, если имеются проблемы со сделкоспособностью стороны сделки;
- согласия залогодержателя (поскольку в период действия залога права участника ООО осуществляются залогодержателем на основании ст. 358.15 ГК РФ);
- протокола общего собрания об одобрении крупной сделки и/или сделки с заинтересованностью (ст. 45, 46 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»);
- разрешения Правительственной комиссии (о чем говорилось выше);

- согласия антимонопольного органа (ст. 28 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции») и т. д.

Такие же требования предъявляются в случае, если продается часть доли в уставном капитале ООО, а не доля целиком, если проводится сделка по договору мены и т. д.

Отдельного внимания заслуживает возможность заключения соглашения о предоставлении опциона на заключение договора купли-продажи доли в уставном капитале ООО. При использовании данного инструмента одна сторона формирует безотзывную оферту, предоставляя другой стороне право заключить один или несколько договоров на условиях, предусмотренных опционом (ст. 429.2 ГК РФ, ст. 21 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»). Его удобно использовать, если сторонам неизвестен ряд условий и наступят ли они в будущем, если возможно возникновение корпоративного конфликта либо если учредители хотят таким образом дополнительно замотивировать руководителей органов управления общества, предоставив им возможность включения в состав участников.

Удобным является то, что на момент нотариального удостоверения безотзывной оферты нотариус не обязан проверять соблюдение преимущественного права участников ООО и иные нюансы, о которых было сказано выше (эта информация будет проверена только в момент акцепта, который по природе сделки отсрочен). В ЕГРЮЛ запись о наличии опциона не фиксируется, как и информация об акцептанте, что выгодно для них, но по факту является обременением, о котором ничего не может быть известно третьим лицам. И поскольку на момент удостоверения оферты нотариус не проверяет сам факт существования ООО и принадлежность доли оференту, возникают потенциальные проблемы индивидуализации предмета договора в будущем (на момент акцепта), что порождает риск признания договора незаключенным.

Можно сделать вывод о том, что правовое регулирование процедуры совершения сделок с долями в уставном капитале

ООО пока не соответствует запросам практики, поскольку местами является слишком императивным, а в определенных вопросах наблюдаются пробелы, что делает направление реформирования законодательства в исследуемой сфере весьма актуальным.

О ПРИОБРЕТЕНИИ ОБЩЕСТВОМ СОБСТВЕННЫХ АКЦИЙ

А. Ю. Кеклис

Санкт-Петербургский институт (филиал)
ВГУЮ (РПА Минюста России)
доцент кафедры предпринимательского права
кандидат юридических наук
a@keklis.ru

Аннотация. В статье отмечается, что правило запрета на выкуп более 10 процентов собственных акций не действует при использовании преимущественного права выкупа, а наиболее дискуссионным является порядок определения стоимости акций, подлежащих выкупу.

Ключевые слова: акционерное общество, выкуп акций, ограничения при выкупе акций.

Abstract. The article notes that the rule prohibiting the repurchase of more than 10 percent of own shares does not apply when using the preemptive right of repurchase, and the most controversial is the procedure for determining the value of shares to be repurchased.

Key words: joint stock company, share repurchase, restrictions on share repurchase.

В хозяйственной деятельности акционерного общества возникают случаи, когда появляется необходимость приобретения своих собственных акций. Причины этого могут быть совершенно различными, согласимся с утверждением, что основными из них являются «аннулирование части акций; повышение курсовой стоимости акций посредством сокращения их количества на вторичном рынке ценных бумаг; создание препятствий для определенных лиц в покупке долей, позволяющих иметь контрольный пакет акций данного акционерного общества; выплаты дивидендов акциями и т. д.» [1, с. 75].

Для того чтобы разобраться, в чем же заключается суть данного явления, необходимо ответить на некоторые вопросы, возникающие на практике.

Для начала следует определить стадии приобретения обществом своих собственных акций. В настоящее время представляется возможным выделить три стадии: стадия принятия решения о приобретении акционерным обществом размещенных им акций, стадия приобретения размещенных обществом акций и стадия внесения записи в реестр акционеров и приобретения обществом размещенных им акций или их погашения.

На стадии принятия решения необходимо выявить правомерность приобретения обществом размещенных им же самим акций. Законодатель допускает это в двух случаях. В первом, если общим собранием акционеров вынесено решение об уменьшении уставного капитала общества путем приобретения части размещенных акций в целях сокращения их общего количества. В данном случае изымаемые из оборота акции погашаются при их приобретении.

Во втором случае, если уставом предусмотрено право выкупа акций по решению опять же общего собрания акционеров или коллегиального органа управления. Приобретение обществом размещенных им же самим акций является правомерным, если собранием акционеров или советом директоров принято соответствующее решение и при этом номинальная стоимость акций, находящихся в обращении, не станет меньше 90 % от уставного капитала. Данное правило не действует в случае, если общество воспользовалось преимущественным правом приобретения собственных акций [2, п. 11], хотя до выхода указанного информационного письма суды занимали противоположную позицию, т. е. общество не могло приобретать по преимущественному праву более 10 процентов собственных акций [3, с. 4].

Одним из проблемных вопросов в данной процедуре является определение цены покупки собственных акций. Поскольку цена акций при выкупе определяется исходя из их рыночной стоимости, то вполне объяснимым может быть привлечение оценщика для ее определения. На цену может повли-

ять множество факторов, например публикуемые в печати сведения о цене их покупки или цене спроса и предложения или же цена, которую согласен уплатить за все обыкновенные акции общества покупатель, имеющий полную информацию о совокупной их стоимости [4, с. 124–125]. Кроме того, рыночная цена акций может колебаться из-за рыночной конъюнктуры, и в итоге споры по поводу выкупной цены могут привести к корпоративным конфликтам и дальнейшим судебным разбирательствам.

Следует также отметить, что с начала пандемии COVID-2019 в законодательство о деятельности акционерных обществ ежегодно вносятся поправки, смягчающие или, наоборот, ужесточающие те или иные положения закона, но носящие временный характер. Так, например, требования закона в части обязанности акционерного общества не позднее одного года с даты приобретения акционерным обществом собственных акций реализовать их либо принять решение об уменьшении своего уставного капитала не применяются в отношении публичных акционерных обществ, которые приобрели собственные акции в 2022 году [5].

Порядок принятия решения о приобретении обществом размещенных им акций зависит от того, к компетенции какого органа относится решение данного вопроса. Если решение принимает общее собрание акционеров, порядок принятия соответствует общему порядку принятия решений на годовом или внеочередном общем собрании акционеров. Если указанный вопрос относится к компетенции совета директоров (наблюдательного совета), то порядок принятия решения соответствует порядку принятия решений советом директоров (наблюдательным советом) по вопросам, отнесенным к его компетенции в соответствии с уставом общества и положениями законодательства.

Далее, перейдя к стадии приобретения акций, нужно сказать, что она также имеет свой определенный порядок. Так, акционерное общество обязано уведомить о решении приобрести размещенные им акции определенных категорий (типов) всех акционеров — владельцев акций соответствующей категории (типа) в срок не позднее чем за 20 дней до

начала течения срока, который отводится для подачи заявлений о продаже обществу принадлежащих им акций, а также для отзыва данных заявлений.

В данном уведомлении также необходимо отразить такие положения, как категории (типы) приобретаемых акций, количество акций каждой категории (типа), цена, форма и срок оплаты, а также срок, который отводится для подачи акционерами заявлений о продаже обществу принадлежащих им акций, а также для отзыва данных заявлений.

Каждый акционер — владелец акций определенных категорий (типов), решение о приобретении которых принято, вправе продать указанные акции, а общество обязано их приобрести. В случае, если общее количество акций, в отношении которых поступили заявления об их приобретении обществом, превышает количество акций, которое может быть приобретено обществом, акции приобретаются у акционеров пропорционально заявленным требованиям.

Ограничения на приобретение обществом размещенных акций аналогичны ограничениям по выплате дивидендов. Кроме того, общество не вправе приобретать размещенные акции до выкупа им акций по законным требованиям акционеров. Так, акционеры-владельцы голосующих акций вправе требовать выкупа обществом всех или части принадлежащих им акций как в случаях реорганизации общества или одобрения крупной сделки, так и в случаях внесения изменений в устав общества или принятия устава в новой редакции. Такое право они приобретают, если на общем собрании акционеров голосовали против принятия указанных решений или не участвовали в голосовании по этим вопросам.

В каких же случаях возникают ограничения на приобретение обществом размещенных им акций? Закон об акционерных обществах определяет случаи, когда акционерное общество не в праве приобретать размещенные им акции. Например, это возможно, если уставный капитал общества оплачен не полностью или на момент приобретения акций общество отвечает признакам несостоятельности (банкротства) или такие признаки появятся после их приобретения.

Согласно действующему законодательству, сделка, нарушающая требования закона, является оспоримой, если закон не предусматривает, что должны применяться другие, не связанные с ее недействительностью последствия нарушения. В случае, когда такая сделка посягает на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, она является ничтожной, если из закона не следует, что эта сделка оспорима или должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с ее недействительностью. Аналогичные правила применяются и к сделкам по выкупу обществом своих — сделка по приобретению обществом размещенных им акций с нарушением ограничений, установленных законодательством, является недействительной, что подтверждается судебной практикой [3, с. 6].

Завершающим и последним этапом при приобретении обществом собственных акций является стадия внесения записи в реестр акционеров и приобретения обществом размещенных им акций или их погашения.

Так, говоря о последствиях, можно упомянуть, что при уменьшении уставного капитала акции погашаются при приобретении, а, например, при создании специального фонда акционирования работников общества — не предоставляют права голоса и не учитываются при подсчете голосов. Эти акции должны быть переданы работникам общества на возмездной или безвозмездной основе (в случае приобретения за счет средств специального фонда акционирования работников) или реализованы по цене не ниже их рыночной стоимости (в случае приобретения по иным основаниям, предусмотренным уставом) не позднее срока, установленного законом. В противном случае общее собрание акционеров должно принять решение об уменьшении уставного капитала общества путем погашения указанных акций.

Таким образом, приобретение обществом собственных акций — это процедура, которая под собой подразумевает целую систему действий, регламентированных законом и требующих тщательного соблюдения. Приобретение обществом размещенных акций у нас в стране на данный момент не является распространенным явлением, а наиболее дискус-

сионным вопросом является порядок определения стоимости акций, подлежащих выкупу.

Литература

1. Салмин П. С., Салмина Н. А. Проблемы выкупа акционерными обществами собственных акций // Опыт и проблемы реформирования системы менеджмента на современном предприятии: тактика и стратегия: сб. ст. XVI Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 25–26 февраля 2016 года. Пенза: Пенз. гос. сельскохозяйст. акад., 2016. С. 75–79.
2. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров о преимущественном праве приобретения акций закрытых акционерных обществ: информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.06.2009 № 131. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90190/ (дата обращения: 07.05.2023).
3. Путеводитель по корпоративным спорам. Вопросы судебной практики: Приобретение обществом собственных акций. URL: https://www.consultant.ru/about/software/guide_4/PKS_10/ (дата обращения: 19.11.2022).
4. Копылов Д. Г. Приобретение обществом размещенных акций // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 3 (34). С. 116–127.
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 8 марта 2022 г. № 46-ФЗ. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/403620528/paragraph/10097:0> (дата обращения 07.05.2023).

КОРПОРАТИВНЫЙ ДОГОВОР: ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЕГО НАРУШЕНИЕ

Н. А. Кирилова

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
заведующая кафедрой административного,
финансового и корпоративного права
кандидат юридических наук, доцент
kirilovan@yandex.ru

Аннотация. Включение корпоративного договора в практику российских организаций и его закрепление в действующем законодательстве существенно расширило палитру возможностей участников кор-

пораций по ее управлению. В настоящее время корпоративную структуру можно оформить уставом или иным учредительным документом, а можно влиять на ее конфигурацию с помощью более гибкого средства — корпоративного договора. В связи с этим на практике возникают проблемы определения пределов договорной свободы в установлении правил корпоративной «игры», а также вопросы ответственности участников корпоративного договора за его нарушение. В статье дается правовая оценка мер гражданско-правовой ответственности за нарушение корпоративного договора с учетом корпоративной и судебной практики.

Ключевые слова: корпоративный договор, гражданско-правовая ответственность, убытки, неустойка, компенсация.

Abstract. The inclusion of a corporate contract in the practice of Russian organizations and its consolidation in the current legislation has significantly expanded the range of opportunities for corporate participants to manage it. Currently, a corporate structure can be formalized by a charter or other constituent document, and it is possible to influence its configuration with the help of a more flexible means — a corporate contract. In this regard, in practice there are problems of determining the limits of contractual freedom in establishing the rules of the corporate “game”, as well as issues of responsibility of the participants of the corporate contract for its violation. The article gives a legal assessment of measures of civil liability for violation of a corporate contract, taking into account corporate and judicial practice.

Key words: corporate contract; civil liability; losses; penalty; compensation.

Первые корпоративные договоры в России начали заключаться с конца 90-х годов, но суды, несмотря на закрепление в ГК РФ принципа свободы договора, как правило, квалифицировали их в качестве ничтожных сделок [4, с. 22–23]. Лишь с 2009 года, после внесения соответствующих изменений в ФЗ «Об акционерных обществах» (ст. 32.1) и ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ст. 8), стала складываться позитивная практика заключения данных договоров, а также начали проводиться научные исследования в этой сфере, результаты которых нашли отражение в работах И. С. Шиткиной [10], М. В. Урсовой [9], Н. Ода [11], чуть позже — В. А. Лаптева [7] и др.

В 2015 году закрепление нормы о корпоративном договоре в ст. 67.2 в ГК РФ ознаменовало своеобразную победу принципа диспозитивности в регулировании корпоративных отношений. С тех пор использование корпоративного договора вошло в практику российских корпораций.

В настоящее время вопросы ответственного корпоративного управления являются составной частью общепризнанной Концепции устойчивого развития ESG, правовой частью которой, по мнению профессора Е. П. Губина, является конституционный принцип экономической солидарности, который предполагает реализацию принципов справедливости, добросовестности, разумности в реальной экономической жизни и в праве [1, с. 37]. В идеале правовое регулирование корпоративного договора и гражданско-правовой ответственности за его нарушение должно являться воплощением данных подходов.

Правовое регулирование гражданско-правовой ответственности за нарушение корпоративного договора крайне лаконичное. Специальная норма содержится лишь в п. 7 ст. 32.1 ФЗ «Об акционерных обществах», закрепляющей, что «акционерным соглашением могут предусматриваться ...меры гражданско-правовой ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение таких обязательств», в качестве таких мер названы возмещение убытков, взыскание неустойки, выплата компенсации, а также иные меры ответственности (законодатель оставил перечень открытым). В ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», а также в ГК РФ специальные правила об ответственности за нарушение корпоративного договора отсутствуют.

В силу лаконичности законодательного регулирования в теории и на практике возникают вопросы о подлежащих применению норм, регулирующих ответственность за нарушение корпоративного договора. Анализ норм гражданского и корпоративного законодательства позволяет сформировать три возможных подхода к решению данного вопроса. Первый заключается в применении общих правил о гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств (ст. 307.1, глава 25 ГК РФ) к ответственности за нарушение корпоративного договора. Второй подход связан с применением специальных «корпоративных норм», в частности ст. 32.1 ФЗ «Об акционерных обществах» к акционерным соглашениям и по аналогии закона к договору об осуществлении прав участников общества с ограниченной ответственностью. Нако-

нец, третий подход заключается в возможности договорного регулирования вопросов ответственности, вытекающей из принципа свободы договора. Полагаю, данные подходы не противоречат, а дополняют друг друга, и в договорной практике участники прибегают к предоставленной свободе в формировании условий об ответственности, ограниченной лишь императивными нормами, а в процессе правоприменения суды исходят из системного применения общих норм гражданского законодательства, специальных норм корпоративного законодательства и толкования условий договора.

Как известно, мерами гражданско-правовой ответственности являются, прежде всего, меры имущественной ответственности. В то же время в научной литературе рассматриваются вопросы о допустимости применения мер неимущественной ответственности в корпоративных отношениях. В частности, О. В. Гутников, разрабатывая концепцию корпоративной ответственности, полагает, что «неимущественный управленческий характер корпоративных отношений, основанных на императивном методе регулирования, неизбежно должен отражаться и на специфике мер корпоративной ответственности» [2, с. 75], неимущественные санкции могут выражаться в прекращении или ограничении неимущественных прав или правомочий, возложении дополнительных обязанностей, в том числе обязанностей воздерживаться от осуществления определенных действий, в приостановлении на некоторое время определенных полномочий и т. д. Полагая, применением мер неимущественной ответственности за нарушение корпоративного договора, несмотря на их кажущуюся эффективность, не стоит злоупотреблять, в противном случае произойдет подмена понятий — использование в гражданском праве несвойственных ему мер личного воздействия на нарушителя представляется своеобразным откатом в прошлое. Нарушению корпоративного договора, влекущему за собой причинение имущественного ущерба его участникам, должны корреспондировать адекватные меры имущественного воздействия, их арсенал достаточно стабилен: возмещение убытков, взыскание неустойки и относительно новая мера — выплата компенсации.

Основным способом защиты гражданских прав является возмещение убытков, но к данной мере защиты нарушенных прав участники корпоративного договора обращаются нечасто, в силу сложности или невозможности доказывания имущественных убытков, несмотря на «смягчение» подходов к определению убытков, нашедших отражение в соответствующих нормах в ГК РФ и судебной практике. Как следует из анализа судебно-арбитражной практики, участники корпоративных договоров чаще всего предусматривают неустойку в качестве меры ответственности за его нарушение. Широкое применение данной меры обусловлено относительной простотой применения: в отличие от возмещения убытков, не требуется от потерпевшего доказывания наступления неблагоприятных последствий, причинной связи между возникшими убытками и противоправным поведением нарушителя, достаточно установить факт несоблюдения контрагентом условий договора. Ярким примером взыскания неустойки за нарушение корпоративного договора является Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.11.2017 № Ф05-17142/2017 по делу № А40-56243/2014, по которому с ответчика была взыскана неустойка за нарушение акционерного соглашения в полном размере 722 729 050 рублей. Действия акционера-участника были признаны судом умышленными, грубо и неоднократно нарушающими условия акционерного соглашения. В 2023 году арбитражный суд Северо-Западного округа [12] удовлетворил требования истца о взыскании 50 000 000 руб. неустойки по делу, установив факт несоблюдения одним из участников корпоративного договора. Суды, исследовав и оценив доводы, приведенные ответчиком в обоснование заявления об уменьшении неустойки, исходя из фактических обстоятельств дела, посчитали, что ответчик не подтвердил явную несоразмерность неустойки последствиям ненадлежащего исполнения обязательства, в связи с чем не установили оснований для ее снижения по правилам статьи 333 ГК РФ.

Безусловно, для взыскания неустойки должны иметься основания, а именно нарушение участником корпоративного договора его условий. Так, в деле № А40-217832/2020, рассмо-

тренном Верховным судом РФ 10.02.2022 года, суд, применив положения статьи 431 ГК РФ, произвел буквальное и системное толкование условий корпоративного договора и пришел к выводу, что в корпоративном договоре отсутствует обязанность ответчика-участника корпоративного договора принимать участие в общих собраниях участников и голосовать определенным образом по вопросу о досрочном прекращении полномочий генерального директора общества, кроме того, в соответствии с действующим законодательством, участие в общем собрании является правом, а не обязанностью участника, соответственно, основание для привлечения ответчика к ответственности в виде уплаты штрафной неустойки отсутствует.

Однако основной проблемой использования неустойки в качестве меры защиты интересов участников корпоративного договора является право суда на ее снижение, закрепленное в ст. 333 ГК РФ. Применение данной нормы носит массовый характер в договорных обязательствах, который подтверждается и данными судебной статистики арбитражных судов субъектов РФ за последние пять лет [6, с. 164–168], общим правилом является снижение размера неустойки в 2–3 раза от заявленных требований, даже несмотря на то, что в предпринимательских обязательствах суд вправе снизить неустойку в лишь исключительных случаях. При этом право суда на снижение неустойки оценивается учеными-правоведами неоднозначно. Так, если А. Г. Карапетов полагает что, право суда на снижение размера неустойки должно носить исключительно чрезвычайный характер, например в случаях недобросовестной эксплуатации неравенства переговорных возможностей сильной стороной либо вопиюще несправедливый размер неустойки [5, с. 384–385], то Е. П. Губин, рассматривая вопрос о том, следует ли учитывать реальную экономическую силу различных субъектов предпринимательской деятельности, полагает, что «...часто неустойка бывает столь велика, что участники экономического оборота вынуждены банкротиться, лишая трудовые коллективы возможности получения средств к существованию. ... что противоречит принципам экономической солидарности и социальной справедливости» [1, с. 37].

На применение ст. 333 ГК РФ существенно повлияли и сформулированные Конституционным Судом РФ правовые позиции о том, что предоставленная суду возможность снижать размер неустойки в случае ее несоразмерности последствиям нарушения обязательства является одним из способов, направленных против злоупотребления свободой определения размера неустойки, поэтому в ч. 1 ст. 333 ГК РФ речь идет не о праве суда, а, по существу, о его обязанности установить баланс между применяемой к нарушителю мерой ответственности и оценкой действительного, а не возможного размера ущерба, причиненного в результате конкретного правонарушения [13]. Данный подход активно используется судами при снижении размера неустойки по корпоративным договорам.

Полагаю, если участниками корпоративного соглашения являются предприниматели и чрезмерных нарушений равенства сторон не допущено в ходе заключения договора, суд не вправе подменять своей волей волю и свободу участников корпоративного договора. В противном случае договоренности участников будут игнорироваться и корпоративный договор станет скорее декорацией, чем реальным инструментом корпоративного управления.

Значительные риски снижения судом предусмотренной корпоративным договором неустойки активизировали поиск более действенного способа защиты прав участников договора от его нарушения. В качестве такого способа можно рассматривать выплату компенсации, закрепленную в п. 7 ст. 32.1 ФЗ «Об акционерных обществах». Лаконичность правовой регламентации новой для российского права меры ответственности предопределила развернувшуюся научную дискуссию о правовой природе компенсации, которая имеет не только гносеологическое значение, но и преследует сугубо практическую цель — решить вопрос о допустимости снижения размера компенсации судом по аналогии с неустойкой.

Если рассматривать компенсацию в качестве самостоятельной меры ответственности за нарушение корпоративного договора, то оснований для ее уменьшения на основании ст. 333 ГК РФ нет. Так, С. П. Степкин в своей диссертации пришел к выводу о сходстве компенсации с категорией заранее

оцененных убытков, известной правопорядкам стран англосаксонской правовой семьи [8, с. 150], аналогичной позиции придерживается и Т. В. Грибкова [3, с. 216–222]. Другие исследователи сочли правовую природу компенсации сходной с правовой природой компенсации за нарушение исключительного права, на этом основании делают вывод о том, что к требованию о выплате компенсации за нарушение условий акционерного соглашения не применяются нормы о необходимости доказывания размера убытков. В случае сравнения компенсации за нарушение корпоративного договора с компенсацией морального вреда ее размер может или должен определяться судом [2, с. 75]. Наконец, ряд авторов рассматривают компенсацию в качестве разновидности договорной неустойки, соответственно, при таком подходе суды вправе использовать предоставленное им право на уменьшение компенсации.

В отсутствие четко выраженной легальной позиции и противоречивости доктринальных подходов относительно правовой природы компенсации использование данной меры ответственности за нарушение корпоративного договора не гарантирует устойчивости такого договорного условия перед патерналистской позицией суда, нет никакой гарантии, что российские суды не будут применять к ней положения ст. 333 ГК РФ по аналогии, примером служит один из «свежих» судебных актов — решение Арбитражного суда Приморского края от 13 октября 2022 по делу № А51-14370/2022, по которому размер компенсации была снижен ровно в два раза с 10 000 000 руб. до 5 000 000 руб.

Полагаю, что компенсация как мера ответственности за нарушение корпоративного договора изначально моделировалась законодателем как дополнительная особая мера ответственности, отличная от неустойки и взыскания убытков, и если намерение законодателя было направлено на создание более мощного арсенала защиты прав участников корпоративного договора, то следует данный способ детализировать в соответствующих нормах ГК РФ.

В качестве вывода можно отметить, что четкого строительного правового регулирования гражданско-правовой ответ-

ственности за нарушение корпоративного договора в российском праве нет, соответственно, корпоративный договор как инструмент корпоративного управления нельзя признать надежным. Полагаю, внедрение в российскую практику корпоративного договора будет эффективным только с встроенным в него четко работающим механизмом защиты интересов участников в случае их нарушения. В любом случае развивать концепцию ответственного корпоративного управления без разработки института гражданско-правовой ответственности в корпоративных отношениях невозможно, и это задача ближайшего будущего для исследователей и правоприменителей.

Литература

1. Губин Е. П. Устойчивое развитие рыночной экономики и предпринимательства: вопросы права // Журнал российского права. 2022. № 1. С. 36–46.
2. Гутников О. В. Особые меры гражданско-правовой ответственности в корпоративном праве как базисная характеристика корпоративной ответственности // Журнал российского права. 2019. № 8. С. 75.
3. Грибкова Т. В. Акционерные соглашения как средство правового регулирования корпоративных отношений: дис. ... канд. юрид. наук. С. 216–222.
4. Иноземцев М. И. Акционерное соглашение: ответственность за нарушение по праву России и зарубежных государств: моногр. М.: Статут, 2020. 176 с.
5. Карапетов А. Г. Экономический анализ права. М., 2016. С. 384–385.
6. Кирилова Н. А., Дорожинская Е. А. Принцип свободы договора и его реализация при формировании условий договора об ответственности // Евразийский юридический журнал. 2022. № 7. С. 164–168.
7. Лаптев В. А. Корпоративный договор в системе источников регулирования корпоративных отношений // Предпринимательское право. 2016. № 1. С. 23–31.
8. Степкин С. П. Гражданско-правовое регулирование акционерных соглашений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 150.
9. Урсова М. В. Развитие правового регулирования соглашений акционеров в России // Гражданское право. 2014. № 1.
10. Шиткина И. С. Соглашения акционеров (договоры об осуществлении прав участников) как источник регламентации корпоративных отношений // Хозяйство и право. 2011. № 2. С. 38.
11. Oda H. Shareholders' Agreements in Russia // I.C.C.L.R. Issue 11. 2010.
12. Постановление АС Северо-Западного округа от 11 апреля 2023 г. по делу № А56-4130/2021. URL: <https://ras.arbitr.ru/>
13. Определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2000 г. № 263-О // КонсультантПлюс: справ. правовая система.

НАСЛЕДОВАНИЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ УЧАСТНИКОВ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ

Н. П. Ковалёва

УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»
старший преподаватель
кафедры гражданско-правовых дисциплин
npkovaleva@mail.ru

Аннотация. Проводится анализ законодательства, регулирующего вопросы наследования имущественных прав учредителей хозяйственного общества, и рассматриваются отдельные аспекты принятия наследства.

Ключевые слова: хозяйственное общество, наследство, доля, участник, учредитель, уставной фонд, наследодатель.

Abstract. An analysis of the legislation governing inheritance of the property rights of the founders of a company is carried out, and certain aspects of the acceptance of inheritance are examined.

Key words: business company, inheritance, share, participant, founder, share capital, testator.

Согласно обязательственному праву, в состав наследства должны включаться не только наследственное имущество, но и все права требования и долги наследодателя, в том числе и обязательства, которые вытекают из осуществления предпринимательской деятельности. В доктрине гражданского права нет единства в понимании категории имущественных прав, связанных с предпринимательской деятельностью. Понятие имущества в широком смысле охватывает любое имущество, которое связано с реализацией гражданином права частной собственности, а также имущественные права [7], в частности Е. Ю. Рыбачук к числу имущественных прав относит вещные, обязательственные (включая корпоративные) и исключительные права [6, с. 11], а в законодательстве других стран принято относить к имущественным правам в области предпринимательской деятельности корпоративные отношения. Стоит отметить, что в законодательстве Беларуси предусмотрены особенности наследования отдельных видов имущества:

1) наследование права на стоимость доли в хозяйственном товариществе и на стоимость пая в производственном кооперативе;

2) наследование доли (пая) вкладчика в коммандитном товариществе, участника (акционера) хозяйственного общества и члена потребительского кооператива [1, ст. 1087–1088].

В состав наследства участника ООО или ОДО входит доля этого участника в уставном фонде общества, если уставом общества не предусмотрено, что такой переход доли к наследникам допускается только с согласия остальных участников общества. Наследник участника ООО или ОДО становится участником соответствующего общества, за исключением случая, когда по уставу ООО или ОДО для этого требуется согласие участников общества и в такой согласии отказано.

Имущество, созданное за счет вкладов учредителей (участников), а также произведенное и приобретенное хозяйственным товариществом или обществом в процессе его деятельности, принадлежит ему на праве собственности. [1, п. 1 ст. 63].

В настоящее время особо актуальными являются вопросы правового регулирования наследственного правопреемства участников хозяйственных обществ. Только эффективное регулирование данных отношений может привести к непрерывному функционированию юридического лица, защите прав наследников умершего и остальных участников хозяйственного общества.

Информация о хозяйственном обществе предоставляется и раскрывается самим хозяйственным обществом в соответствии с законодательством [4, ч. 1 ст. 64] и, соответственно, к общедоступной информации относится информация, доступ к которой, распространение и (или) предоставление которой не ограничены [5, п. 1 ст. 16].

Предполагается, что информация о стоимости доли и части прибыли, которые имеет право получить наследник, есть информация о праве наследника. То есть, кроме того, что наследник имеет право быть информирован о его праве на получение указанных сумм, он также имеет право получить информацию об их конкретной величине. Если участник общества желает в полной мере позаботиться о своих

наследниках, он имеет право предложить, чтобы в устав общества была включена информация о правах на получение информации его наследников. Такое положение может выглядеть следующим образом: «в случае отказа наследника быть в составе участников общества ему по его запросу должна быть предоставлена информация о его правах, которые связаны с обществом». В частности, такому наследнику должна быть предоставлена информация о действительной стоимости доли, рассчитанной на момент открытия наследства, а также информация о причитающейся ему сумме прибыли. Информация о стоимости доли и сумме прибыли по усмотрению наследника может быть предоставлена в виде расчетов с приложением документов, которые явились основанием для таких расчетов, или в виде документов, с помощью которых наследник либо его представитель смогут произвести соответствующие расчеты.

Это необходимо для того, чтобы наследник имел не только право получить, например, копию бухгалтерского баланса, на основании которого был произведен расчет доли, но и при необходимости — возможность ознакомиться с соответствующими документами, которые легли в основу определенного расчета. Также такой вариант желателен для того, чтобы наследник в случае необходимости мог достоверно убедиться в том, что приходящаяся на его долю прибыль не была каким-либо способом искусственно занижена обществом [2].

В законодательстве Республики Беларусь не предусмотрено конкретное число участников ООО, но указано, что общество может быть учреждено одним лицом или может состоять из одного участника [1, ст. 87], и, как следствие, могут возникнуть два случая наследования доли в ООО: наследование доли в уставном фонде ООО, имеющего несколько участников, и наследование ООО, состоящего из одного участника.

В первом случае доли в уставном фонде общества переходят к наследникам граждан, являвшихся участниками этого общества, если уставом ООО не предусмотрено, что такой переход допускается только с согласия остальных участников общества. Согласие считается полученным, если в течение срока, установленного уставом ООО, но не более тридцати

дней с даты обращения к обществу наследников (правопреемников), получено письменное согласие всех остальных участников или не получено письменного отказа ни от одного из остальных участников [4, ч. 1 ст. 102]. Следовательно, возникают две ситуации: во-первых, к наследникам переходит доля в уставном фонде ООО, которую имел умерший участник общества, во-вторых, когда в уставе ООО предусмотрено, что переход доли умершего участника допускается только согласия остальных участников общества [3, с. 392].

Если с первой ситуацией все более или менее понятно, то со второй необходимо разобраться. Важным правовым актом, положения которого нельзя не учитывать, является устав общества, который регулирует все аспекты работы ООО, и, в частности, уставом может быть предусмотрен различный порядок перехода права собственности на долю уставного фонда, порядок получения согласия участников общества

Отказ в согласии на переход доли в уставном фонде общества влечет за собой обязанность общества выплатить наследникам умершего участника общества действительную стоимость доли в уставном фонде общества либо с согласия наследников (правопреемников) выдать им в натуре имущество, соответствующее стоимости доли [1, ч. 2 ст. 102]. В случае возникновения такой ситуации действительная стоимость доли определяется по бухгалтерскому балансу, который составляется на момент открытия наследства (на день смерти физического лица). Выплата действительной стоимости доли в уставном фонде ООО либо выдача в натуре имущества, соответствующего такой стоимости, производятся по окончании финансового года и после утверждения отчета за год, в котором произошли открытие наследства, в срок до двенадцати месяцев со дня отказа наследникам в согласии на переход к ним доли.

Доля в уставном фонде ООО, причитающаяся наследникам, переходит к обществу с момента выплаты им действительной стоимости доли в уставном фонде этого общества либо выдачи им имущества в натуре, соответствующего такой стоимости [1, ч. 3 ст. 102]. ООО в течение одного года со дня приобретения им долей участников в его уставном фонде

должно распределить эти доли (части долей) между всеми его участниками пропорционально размерам их долей в уставном фонде либо продать эти доли (части долей) в порядке осуществления преимущественного права приобретения доли в уставном фонде ООО.

Переход доли умершего участника, который допускается только с согласия остальных участников общества, достаточно затруднительный и длительный процесс, имеющий определенные этапы и условия, которые необходимо соблюсти.

Имеются и другие, на наш взгляд, важные особенности наследования доли в уставном фонде ООО, непосредственно влияющие на его деятельность. Как правило, наследство может быть принято в течение шести месяцев со дня открытия наследства [1, ч. 1, ст. 1071] и соответственно выдача документов, подтверждающих права наследников, происходит после истечения этого срока.

Следовательно, возникает проблема в деятельности общества, а именно в принятии решений, где требуется согласие общего собрания участников, а также еще больше усугубляется ситуация, когда ООО состояло из двух участников, уставной фонд которых был сформирован в размере 50 % на 50 %, и умерший участник, к примеру, являлся директором, а если общество состояло более чем из двух участников и умершему принадлежало 50 % уставного фонда, то не получится провести общее собрание, а если 70 %, то не получится даже организовать проведение собрания, до тех пор пока не решится вопрос о наследовании долей уставного фонда умершего участника. На наш взгляд, в данном случае есть один выход — это заключение договора доверительного управления имуществом с нотариусом по месту открытия наследства.

Сложнее складывается ситуация с деятельностью общества, когда оно имеет одного участника, обладающего 100 % доли уставного фонда, и тогда к наследнику переходит доля в уставном фонде ООО в 100 % размере. Законодательством не предусмотрено прекращение доли в уставном фонде общества, состоявшего из одного участника, в случае его смерти. В данном случае доля перестает быть закрепленной за конкретной личностью, а сохраняется за определенным лицом — наследником, права которого носят отсроченный характер.

Если в отношении наследуемой собственности нет наследников ни по закону, ни по завещанию, либо никто из наследников не имеет права наследовать, либо все они отказались от наследства, наследство признается выморочным и переходит в собственность государства [1, ч. 1–2, ст. 1039].

На наш взгляд, решающее значение будет иметь место то, что закреплено о наследовании доли в уставе ООО, а именно в уставе общества может быть предусмотрено следующее:

1) устав предусматривает беспрепятственную передачу доли уставного фонда по наследству. В этом случае наследование происходит по стандартной процедуре, которая предусматривает вступление наследника в состав членов общества;

2) устав предусматривает необходимость получения единогласного согласия всех участников общества, без которого наследник не может стать членом общества;

3) устав исключает возможность перехода права собственности на долю уставного фонда наследникам умершего участника.

Если согласно уставу для вступления в состав ООО обязательно нужно согласие всех участников и один или несколько из них не дали такого согласия, доля наследника переходит обществу, и в этом случае наследник получает компенсацию в размере причитающейся ему доли в обществе.

Ситуация, когда вступление в состав ООО невозможно, достаточно редкий случай на практике, но все же не исключена возможность полного запрета на переход права собственности на доли уставного фонда, закрепленного в уставе. В таком случае наследник, который получил свидетельство о праве на наследство, должен обратиться в ООО с требованием о выплате стоимости положенной ему по наследству доли в денежном или натуральном виде. Расчет стоимости доли, срок и форма выплаты утверждаются общим собранием или указываются в уставе. После проведения выплаты доля наследника переходит в собственность ООО и распределяется между его участниками пропорционально размерам их долей. Конечно, случай, при котором согласия участников ООО для вступления в общество не требуется, является наиболее упрощенным вариантом.

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобрен Советом Республики 19 ноября 1998 г.: в ред. Закона Республики Беларусь от 29.06.2020 № 33-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 2020. 2/2749.
2. Говоровский И. В. Предложения по некоторым положениям устава хозяйственного общества с учетом судебной практики. URL: <https://ilex-private.ilex.by/view-documentdpi&search> (дата доступа: 11.05.2023).
3. Зинкевич Е. В. Наследование доли в обществе с ограниченной ответственностью // Экономика, управление и финансы в XXI веке: факты, тенденции, прогнозы: материалы международной научно-практической конференции 07 апреля 2020 г. Курский институт кооперации (филиал) БУКЭП. Курск, 2020. С. 391–394.
4. О хозяйственных обществах: Закон Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. № 2020-XII // Эталон — Беларусь / Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. Минск, 2023.
5. Об информации, информатизации и защите информации: Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З // Эталон — Беларусь / Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. Минск, 2023.
6. Рыбачук Е. Ю. Наследование имущественных прав, связанных с предпринимательской деятельностью: автореф. М., 2013. 141 с.
7. Телюкин М. В. Наследственное право: Комментарий кодекса Российской Федерации. М., 2017. 216 с.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ОТ НЕПРАВОМЕРНОГО ЛИШЕНИЯ ПРАВА УЧАСТИЯ В УПРАВЛЕНИИ КОРПОРАЦИЕЙ: ВИДЫ И СООТНОШЕНИЕ

С. А. Краснова

Новосибирский государственный университет
доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики
Сибирский институт-филиал РАНХиГС
доцент кафедры гражданского права и процесса
кандидат юридических наук, доцент
s.krasnova@g.nsu.ru

Аннотация. Появление в рамках реформы гражданского законодательства норм о последствиях неправомерного лишения участника

корпоративной организации акций или доли участия, с одной стороны, позволяет избежать применения виндикационного иска, но, с другой стороны, вызывает новые вопросы о соотношении этих правил, условиях применения специальных способов защиты.

Ключевые слова: возврат доли участия, истребование имущества из незаконного владения, неправомерное списание акций со счета.

Abstract. Changes of Russian civil legislation led to some positive effects in protection of shareholders from illegal loss of their shares. On the other side new rules arise new questions about their correlation and conditions of application special remedies of protection shareholders.

Key words: return of the share of participation; vindication; unauthorized withdrawal of stock.

Основополагающим правом участника всякой корпоративной организации, вытекающим из факта членства, является *право на участие в управлении делами корпорации*. Упоминание о нем в ст. 65.2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) наряду с другими основными правами участников коммерческих и некоммерческих корпораций свидетельствует об исключительной важности права участия: оно позволяет его носителю оказывать влияние на деятельность общества, что, в свою очередь, обеспечивает реализацию различных имущественных и неимущественных интересов участника.

Нарушение права на участие в управлении может быть вызвано действиями третьих лиц (например, в рамках рейдерских захватов), действиями или бездействием органов управления организации (несообщение о проведении внеочередного общего собрания акционеров) либо других участников корпорации (наличие корпоративного конфликта, столкновение интересов участников в силу выраженной неоднородности размеров долей участия). При этом *наиболее болезненной для участника является ситуация уменьшения или полной утраты возможности влиять на принятие решений корпорации*. Во-первых, в силу тесной связанности всех корпоративных прав нарушение права участия неизбежно отражается и на других возможностях, обусловленных членством в корпорации, — получении информации о деятельности организации, заключении корпоративных договоров, получении части прибыли от ее деятельности, защиты интересов

корпорации в рамках охранительных отношений (требование возмещения убытков, причиненных корпорации ее органами управления, оспаривание сделок корпорации). Полная утрата права участия автоматически влечет прекращение указанных прав и изменение статуса пострадавшего лица: как бывший участник он может претендовать лишь на выплату задолженности по дивидендам, распределение которых произошло до утраты права участия.

Во-вторых, в коммерческих корпорациях право участия имеет экономическую ценность, будучи воплощенным в виде ценных бумаг (акционерные общества) или в виде иного оборотоспособного имущества (доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью или складочном капитале хозяйственного партнерства, пая в производственном кооперативе). Специфика этого актива выражается и в так называемом кумулятивном эффекте, производном от принципа пропорциональности: чем большей долей участия обладает лицо, тем больше у него возможностей повлиять на принятие корпорацией решений. Указанные особенности позволяют объяснить, почему в ситуации утраты права участия не по воле участников пострадавшие, как правило, заинтересованы не в выплате нарушителем компенсации, а в восстановлении утраченных корпоративных прав.

Следует отметить, что вплоть до 2014 года эти особенности защиты права участия не были учтены законодателем. Не располагая специальными способами защиты на случай неправомерного изменения записи в реестре акционеров или лишения доли участия в результате противоправных действий других участников или конкурентов по бизнесу, потерпевшие заявляли требования о возврате утраченного имущества, опираясь на нормы о виндикации. И если некоторые объективно существующие различия в правовой природе вещей и акций могли быть проигнорированы судами (отсутствие должной степени индивидуализации), то другие становились непреодолимыми препятствиями для удовлетворения иска. К примеру, конвертация акций одного типа в акции другого типа или конвертация акций в долю участия как результат реорганизации акционерного общества (далее — АО) в общество

с ограниченной ответственностью (далее — ООО) приводили к исчезновению объекта, который подлежал возврату и, как следствие, к отказу в виндикационном иске.

Подобная практика встретила обоснованную критику в научной литературе [2], а также получила негативную оценку в Концепции развития гражданского законодательства. Разработчики Концепции отмечали, что «ввиду особенностей юридической конструкции бездокументарной ценной бумаги использование виндикационного иска для защиты прав владельца, утратившего права на такую ценную бумагу, нежелательно, поскольку используемые в этом случае защитные механизмы основаны на традиционных представлениях о защите владения вещью. Восстановление прав предшествующих правообладателей бездокументарных ценных бумаг должно осуществляться посредством иска, предъявляемого лицом, утратившим формальную легитимацию в отношении прав, оформляемых бездокументарной ценной бумагой, к лицам, формально легитимированным посредством записей по счетам» [4]. Предложение о формировании особого механизма защиты владельцев бездокументарных бумаг было реализовано в проекте закона о внесении изменений в ГК, принятого депутатами 02.07.2013 в рамках реформирования раздела об объектах [5]. Одновременно была проведена дифференциация между правовым режимом вещей (документарные ценные бумаги) и иных объектов (бездокументарные ценные бумаги, безналичные средства).

Таким образом, *в настоящее время законодательство предусматривает особые способы защиты от неправомерного изменения записи по счету акционера и от лишения доли участия в коммерческой корпорации*, нормы о которых структурно расположены в соответствующих главах Гражданского кодекса о ценных бумагах (ст. 149.3), о юридических лицах (п. 3 ст. 65.2). Это позволяет рассматривать соответствующие способы защиты как специальные, имеющие приоритет над общими (ст. 12 ГК) и восполняющие тот дефицит регулирования охранительных отношений, который ранее вынужденно замещали посредством обращения к статьям 301–303. Такое

понимание преобладает в доктрине и разделяется судебными органами.

Вместе с тем одновременное существование указанных норм о последствиях неправомерного лишения участника права участия в разных главах ГК РФ, а также наличие не вполне совпадающих по содержанию норм в законах об АО и об ООО вызывает закономерные вопросы об их соотношении. Ни в специальной литературе, ни в судебной практике пока не сложилось четкого ответа на этот вопрос. Так, некоторые авторы считают, что при истребовании неправомерно списанных со счета владельца корпоративных ценных бумаг подлежат также применению правила п. 3 ст. 65.2 ГК РФ о восстановлении корпоративного контроля, которые устанавливают дополнительные ограничения их истребования от приобретателя [1]. Другие полагают, что сформулированный в ст. 21 закона об ООО как признание права собственности на утраченную долю способ защиты является частным случаем другого способа, установленного в п. 3 ст. 65.2 ГК, — требования о возврате доли участия [3, с. 310].

Нельзя не признать, что в значительной степени возникающая неопределенность спровоцирована самим законодателем, который не только использует разные обозначения для описания существующих восстановительных механизмов, но и по-разному описывает условия их действия, тем самым затрудняя установление действительного соотношения между ними. Многие исследователи отмечают очевидное сходство в описании последствий неправомерного лишения акций с формулировкой ст. 303 ГК, что приводит некоторых из них к выводам о тождестве требования о возврате акций с виндикационным иском либо о виндикационном характере такого требования [3, с. 357].

Представляется все же, что текстуальное сходство формулировок не означает совпадения сущности закрепленных указанными нормами способов защиты, на которую влияют основания и условия применения. Основания возникновения охранительных отношений различны: для виндикации это нарушение фактической связи с вещью или создание препятствий в осуществлении вещного права, требования о воз-

врате акций или доли участия основаны на факте нарушения корпоративных прав, которые не вызывают изменений в виде непосредственного перемещения имущества из хозяйственной сферы одного лица в сферу другого, не происходит утраты владения объектом. Права на акции как не бездокументарные эмиссионные ценные бумаги подлежат учету в информационной системе. При этом с записью в реестре связан не только момент возникновения права на ценную бумагу, но и возможность осуществления удостоверяемых ею прав (п. 2 ст. 149.2 ГК, ст. 29 закона «О рынке ценных бумаг»). Применительно к наиболее распространенному виду таких ценных бумаг — акциям — это означает, что приобретение или утрата статуса акционера обусловлено исключительно сведениями о нем как об обладателе определенного количества акций. Аналогичное значение имеет формальная легитимация в отношении участника ООО: по общему правилу доля участия переходит к приобретателю с момента внесения записи в ЕГРЮЛ (ст. 21 закона об ООО). Запись в реестре, таким образом, определяет, что: а) лицо является участником той или иной коммерческой корпорации (управомоченным в корпоративных отношениях); б) объем его корпоративных возможностей в силу действующего в корпоративных отношениях принципа пропорциональности.

В этой связи представляется ошибочным утверждение, что словосочетания «возврат бездокументарных ценных бумаг», «возврат доли участия» являются синонимами восстановления фактического владения вещью в рамках виндикации. Облачение корпоративных прав в «оболочку» ценной бумаги, доли или пая обусловлено потребностями оборота. *Признавая за участником корпорации право на возврат акций или доли участия, законодатель тем самым указывает не только на цель защиты — восстановление правового положения, но и на механизм восстановления — посредством изменения записей в системе учета участников корпорации* (погашения текущей и внесения новой). В ситуации неправомерного списания акций со счета или регистрации перехода доли участия защищаются интересы участника как субъекта корпоративных отношений. Об этом, в частности, свидетельствует формиру-

ющаяся в последние три года практика разрешения арбитражными судами споров по искам участников ООО, утративших свой статус из-за неправомерных действий других участников.

Истцы по таким спорам обычно предъявляют сразу несколько требований — о признании решений органа управления недействительным, о признании права истца на долю и признании ответчика утратившим право, о возврате доли. В случае, если нижестоящий суд отказывал в иске, ссылаясь на пропуск сокращенного срока исковой давности (несколько месяцев для оспаривания решения органа управления АО, ООО), вышестоящий суд отменял решение со следующей формулировкой: исходя из сути спора прослеживается интерес истца в восстановлении права на долю. При этом суды отмечают, что возможность возврата доли предусмотрена ст. 65.2 ГК и является частным случаем восстановления положения. Статья предусматривает специальный способ защиты, который направлен на восстановление корпоративного контроля. Права участника подлежат защите независимо от признания недействительными ранее совершенных юридически значимых действий с таким имуществом. На требование о восстановлении корпоративного контроля распространяется общий срок исковой давности, который и подлежит применению [6–8, 10]. Контроль в контексте возврата доли участия суды понимают как определенные возможности по принятию управленческих решений, корпоративных актов по управлению юридическим лицом. Такие возможности есть у любого участника независимо от размера доли. Соответственно, основанием для восстановления корпоративного контроля является полное лишение его этой возможности (утрата доли) или ограничение (снижение размера доли) как следствие неправомерных действий третьих лиц.

Изложенное приводит к следующим выводам. Несмотря на внешнее сходство рассмотренных способов защиты пострадавшего от неправомерной утраты права участия в деятельности корпорации с виндикацией, они представляют собой самостоятельные способы, сфера действия, основания и условия применения которых не совпадают. При этом сфера действия способа, описанного в п. 3 ст. 65.2 ГК, выглядит

как более широкая (восстановление утраченного участником любой коммерческой корпорации корпоративного контроля как следствие самых разных нарушений) по сравнению с возвратом акций по ст. 149.3 ГК и по логике должна включать все случаи утраты корпоративных прав, выраженных в акциях. Вместе с тем повышенная оборотоспособность акций, которые могут значительно быстрее переходить от одного обладателя к другому, возможность их приобретения на организованных торгах привели к созданию специального восстановительного механизма в ситуации утраты права участия посредством неправомерного (без воли самого акционера) изменения записи в реестре. *Этот механизм, описанный в статье 149.3 ГК, предусматривает иные условия возврата акций, а также включает альтернативные возврату акций их текущим владельцем способы защиты — приобретение акций на организованных торгах за счет нарушителя либо понуждение последнего к их приобретению.* Применение же акционерами предусмотренного п. 3 ст. 65.2 ГК способа защиты возможно в ситуации, когда формальная легитимация осталась неизменной, но принадлежащая акционеру доля размыта вследствие неправомерных действий других участников. В частности, к этому может привести принятие органом управления решения об увеличении уставного капитала без экономического обоснования, исключительно в целях снижения доли участия [9].

Литература

1. Абрамова Е. Н., Рудой А. А. Некоторые способы защиты нарушенных прав владельца бездокументарных ценных бумаг // Вестник арбитражной практики. 2022. № 2. С. 54–62.
2. Габов А. В. Проблемы виндикации ценных бумаг // Вестник гражданского права. 2011. № 1. С. 199–216.
3. Мурзин Д. В. Виндикационная модель защиты абсолютных имущественных прав в российском гражданском праве: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 388 с.
4. Концепция развития гражданского законодательства (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // СПС «КонсультантПлюс».
5. О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 2 июля 2013 № 142-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

6. Определение Верховного Суда РФ от 3 сентября 2020 г. № 307-ЭС20-209 по делу № А56-135927/2018 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsrfl.ru>
7. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 2 февраля 2023 г. по делу № А03-16359/2020 // СПС «Консультант-Плюс».
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 7 октября 2022 г. по делу № А41-72282/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 22 марта 2022 г. по делу № А43-43234/2018 // СПС «Консультант-Плюс».
10. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 26 ноября 2021 г. по делу № Ф03-6364/2021 // СПС «Консультант-Плюс».

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАДЛЕЖАЩЕГО ИСПОЛНЕНИЯ КОРПОРАТИВНОГО ДОГОВОРА

М. В. Мачула

ООО МКК «Страна Экспресс»
менеджер проектов отдела экспертизы и качества
machyla1307@mail.ru

Аннотация. Корпоративное соглашение относится к предпринимательским договорам организационно-правового характера и направлено на эффективную адаптацию особенностей экономической деятельности хозяйственного общества в правовом поле. Ненадлежащее исполнение или неисполнение обязательств по корпоративному соглашению одной из сторон может оказать негативное влияние на нормальное функционирование юридического лица и, как следствие, на гражданский оборот в целом. Гарантией исполнения взятых сторонами обязательств а также соблюдения достигнутых договоренностей будет являться закрепление в договоре мер ответственности в случае ненадлежащего исполнения или неисполнения обязательств.

Ключевые слова: корпоративное соглашение, обеспечение обязательств, ответственность, исполнение, предпринимательская деятельность.

Abstract. The corporate agreement refers to business contracts of an organizational and legal nature, and is aimed at effectively adapting the features of the economic activity of a business company in the legal field. Improper fulfillment or non-fulfillment of obligations under a corporate agreement by one of the parties may have a negative impact on the normal

functioning of a legal entity and, as a consequence, on civil turnover in general. The guarantee of fulfillment of the obligations assumed by the parties, as well as compliance with the agreements reached, will be the consolidation of liability measures in the contract in case of improper fulfillment or non-fulfillment of obligations.

Key words: corporate agreement, securing obligations, responsibility, performance, business activity.

Центральная проблема обеспечения исполнения корпоративного договора — отсутствие в отечественном законодательстве специфических мер ответственности применительно к обеспечению исполнения корпоративного договора.

Особое место в механизме обеспечения эффективности управления занимает порядок разрешения корпоративных конфликтов, а также положения, обеспечивающие гарантированную защиту интересов каждой из сторон. Таким образом, среди прочих проблем реализации корпоративных правоотношений особое внимание требуется уделить проблематике, связанной с неоднородностью правоприменительной практики по вопросу соотношения положений договора и норм законодательства в сфере обеспечения исполнения договора, а также применения последствий неисполнения или ненадлежащего исполнения условий корпоративного договора.

Для корпоративного договора наименее подходящим является такой способ обеспечения обязательств, как возмещение убытков. В одном из Определений Верховного суда РФ от 15.12.2015 № 309-ЭС15-10298 указано, что для наступления гражданско-правовой ответственности в виде возмещения убытков необходимо установить факт наступления вреда, вину причинителя вреда и причинно-следственную связь, противоправность поведения причинителя вреда, размер вреда [1]. Трудозатратный процесс доказывания при привлечении к ответственности в виде возмещения убытков существенно усложняет защиту интересов стороны корпоративного договора и влечет дополнительные расходы.

Самым распространенным способом стимулирования к исполнению условий корпоративного договора является неустойка. Чтобы неустойка работала в рамках корпоратив-

ного договора, положения о неустойке должны быть согласованы надлежащим образом, то есть наряду с размером суммы возмещения должно быть установлено, в каком порядке, размере она устанавливается и кто является ответственным субъектом. Если сторонами подразумевается определение деталей неустойки в зависимости от обстоятельств, то подобная оговорка также должна содержаться в корпоративном договоре. Указанный тезис подтверждается судебной практикой, к примеру Постановлением Пятого арбитражного апелляционного суда от 06.04.2015 № 05АП-1227/2015 по делу № А24-4503/2014 [2].

Договорные положения о неустойке действуют в контексте законодательных норм, и сложившаяся практика по данному вопросу нетривиальна ввиду абсолютно полярных подходов к применению статьи 333 Гражданского кодекса РФ в контексте влияния на размер компенсации, предусмотренный корпоративным договором.

Прогнозируемо, что сторона корпоративного договора, привлеченная к ответственности, будет требовать уменьшения размера неустойки, ссылаясь на статью 333 ГК РФ, что негативно влияет на гарантии защиты интересов другой стороны договора.

Даже в рамках одного дела имеют место полярные правовые позиции. Например, по делу № А45-12277/2015, рассмотренному Арбитражным судом Западно-Сибирского округа, предметом спора было взыскание неустойки солидарно за нарушение корпоративного договора. Корпоративным договором был установлен штраф в размере 5 млн руб. Суд первой инстанции, руководствуясь статьей 333 ГК РФ, уменьшил штраф до 50 тыс. руб. [3], далее в апелляции суд отменил решение нижестоящего суда и вынес постановление о взыскании в пользу общества с участников по 2,5 млн руб. [4]. Верховный суд РФ поддержал позицию апелляционной инстанции, не усмотрев оснований для применения статьи 333 ГК РФ [5].

В настоящее время формируется единообразный подход в практике, и нередко случаи, когда суды первой инстанции удовлетворяют требование о взыскании неустойки в крупном

размере, который был согласован сторонами в корпоративном договоре, отходя от применения статьи 333 ГК РФ [6].

Общей проблемой при применении на практике способов обеспечения обязательств, которые стороны согласовывают в рамках корпоративного договора, является недостаточная детализация положений о привлечении к договорной ответственности, отсутствие фиксации существенных условий, в результате чего суды приходят к выводу, что невозможно считать положения пунктов договора об ответственности согласованными, что не идет на пользу гражданскому обороту.

Применительно к обеспечению выполнения обязательств в корпоративных отношениях, вытекающих из корпоративного договора, возможно применять статью 406.1 ГК РФ. В соглашении стороны могут предусмотреть положение о возмещении потерь в случае наступления определенных обстоятельств. В данном случае важно предусмотреть размер потерь и обстоятельства, при которых они применяются.

Судебная практика по данной статье пока не особо богата, но имеется. Например, удалось возместить потери при нарушении акционерного соглашения. Согласно его положениям, стороны согласовали порядок голосования по сделке, зафиксировали ожидаемый размер выплаченных дивидендов. Обстоятельством для возмещения потерь являлся размер дивидендов ниже согласованного размера, в результате чего разница между ожидаемым и фактическим размером по существу являлась размером «потерь». Обстоятельство наступило, и одним из акционеров был подан иск с требованием возмещения. Суд признал условие согласованным в надлежащей форме, иск был удовлетворен [7]. Верховный суд РФ отказал в пересмотре дела [8].

Обеспечение надлежащего исполнения корпоративного договора является одной из ключевых задач для организации и ее акционеров. Чтобы обеспечить исполнение корпоративного договора, помимо различных форм ответственности за нарушение или ненадлежащее исполнение корпоративного договора, существует ряд специфических способов.

Использование механизмов голосования на собраниях акционеров заключается в том, что акционеры компании

могут принимать решения относительно заключения и исполнения корпоративного договора. В зависимости от условий договора такие решения могут быть приняты квалифицированным большинством или единогласно.

Использование специальных механизмов (например, гарантийных обязательств) актуально тогда, когда стороны могут заключить дополнительные соглашения, обеспечивающие исполнение корпоративного договора. Например, гарантийное обязательство может обеспечить выполнение определенных условий договора, в случае неисполнения которых одна из сторон будет обязана возместить убытки другой стороне.

Назначение независимого наблюдателя применяется, когда ему необходимо контролировать исполнение условий договора и выступать в качестве посредника при возникновении споров. Такой подход может уменьшить риск конфликтов между сторонами и способствовать более эффективному исполнению корпоративного договора.

Таким образом, надлежащее исполнение корпоративного договора является ключевым аспектом обеспечения стабильности и устойчивости корпоративной структуры компании. Проблемы, связанные с обеспечением надлежащего исполнения корпоративного договора, могут возникать на всех этапах его заключения и исполнения. Они могут заключаться в неправильном формулировании условий договора, недостаточном обеспечении исполнения, а также в спорах сторонами. Обеспечение надлежащего исполнения корпоративного договора не является задачей, которую можно решить однократно. Это постоянный процесс, который требует внимательного отношения к каждому этапу, начиная с заключения договора и заканчивая его исполнением и контролем.

Литература

1. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2015 № 309-ЭС15-10298 по делу № А50-17401/2014 // СПС «Консультант-Плюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 23.04.2023).
2. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 06.04.2015 № 05АП-1227/2015 по делу № А24-4503/2014 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 23.04.2023).
3. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 02.06.2016 № Ф04-2554/2016 по делу № А45-12277/2015 // СПС

- «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 23.04.2023).
4. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 01.03.2016 № 07АП-11870/2015, 07АП-11870/15(1) по делу № А45-12277/2015 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 23.04.2023).
 5. Определение Верховного Суда РФ от 03.10.2016 № 304-ЭС16-11978 по делу № А45-12277/2015 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 23.04.2023).
 6. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 02.09.2016 по делу № А40-65834/82011 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 23.04.2023).
 7. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 10.12.2018 по делу № А56-71620/2018 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 23.04.2023).
 8. Определение Верховного Суда РФ от 18.02.2020 № 307-ЭС19-28505 по делу № А56-71620/2018 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 23.04.2023).

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ПРАВИЛА ЭСТОППЕЛЬ В ПРАВООТНОШЕНИЯХ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ ОБОРОННОМУ ЗАКАЗУ

П. Е. Федоров

Новосибирский государственный университет
экономики управления
аспирант
pavel.evg.fedorov@yandex.ru

Аннотация. В статье автором предпринята попытка проанализировать возможность применения правила эстоппель к правоотношениям по гособоронзаказу. Рассмотрены судебные прецеденты, в которых указанная правовая конструкция нашла свое применение.

Ключевые слова: эстоппель, недобросовестность, поведение сторон, государственный оборонный заказ.

Abstract. In the article, the author attempts to analyze the possibility of applying the estoppel rule to legal relations under the state defense order. Judicial precedents in which the specified legal construction has found its application are considered.

Key words: estoppel, dishonesty, behavior of the parties, state defense order.

В правоприменительной практике Федерального закона от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» исследовательский интерес вызывает возможность использования в правоотношениях такого сравнительно нового для российского законодательства правового института, как эстоппель.

Эстоппель (от англ. «estop» — отводить, мешать, препятствовать) — общеправовой принцип, заимствованный из англосаксонской правовой традиции, он устанавливает, что лицо, которое выразило определенное намерение или совершило определенные действия, не может впоследствии отказаться от этого намерения или действий.

Иными словами, эстоппель — это правило или принцип, определяющий последствия недобросовестности действий субъекта правоотношения, которые выражаются в противоречивости действий либо их непредсказуемости в виде отказа такому контрагенту в праве ссылаться на благоприятные для себя обстоятельства или же заявлять обоснованные возражения в процессе гражданско-правового разбирательства.

Как верно заметил К. В. Нам, противоречивое, непоследовательное поведение само по себе правом не запрещается. Стороны правоотношения свободны менять свои взгляды на правовое положение, в том числе ссылаться на ничтожность своего волеизъявления или оспаривать заключенный договор [7, с. 38–46].

Представляется закономерным сделать вывод о том, что противоречивость поведения контрагента должна находиться в причинно-следственной связи с негативными последствиями для призывающей применить эстоппель стороны. При этом негативные последствия также не должны непременно иметь противоправный характер для стороны, на которую противоречивое или непредсказуемое поведение подействовало.

Кроме того, определяющим для применения принципа эстоппеля является такой элемент указанного института, как ожидания. Н. С. Лашков в своем исследовании вещного эстоппеля в России и Англии приводит, на наш взгляд, заслуживающий внимания прецедент из английской судебной системы:

«Ожидания являются ключевым элементом, который необходим для применения правил об эстоппеле в вещном праве. Они служат связующим звеном между заявлениями (обещаниями), сделанными обладателем вещного права, и расходами, потерями, которые лицо, на такие заверения положившееся, несет в результате нарушения своих ожиданий» [8, с. 107–115].

В России институт правила эстоппель получил свое частичное законодательное закрепление в 2013 году [3].

В силу п. 5 ст. 166 ГК РФ заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки.

Кроме того, в Гражданском кодексе РФ отнести к принципу эстоппель можно следующие нормы: пункт 3 статьи 432, пункт 2 статьи 431.1, пункты 5, 6 статьи 450.1 Гражданского кодекса РФ.

Представляется, что названные частные нормы не отражают доктринального понимания рассматриваемого института, при этом отсутствие общей нормы закона о запрете противоречивого поведения, которое может принести негативные последствия другой стороне, лишает участников гражданского оборота возможности прибегнуть к закреплению оговорок об эстоппеле в договорных правоотношениях. На сегодняшний день функцию законодателя в данном вопросе на себя берет суд, разрешая применение правила эстоппель в каждом конкретном деле.

Отметим, что применение института в судебной практике происходило и до 2013 года. Например, еще в 2010 году Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ отказался применить последствия недействительности сделки вследствие противоречивых действий страховщика, выраженных в заключении договора страхования, противоречащего закону, а также признал действительным условие договора страхования, которое в силу прямого указания закона считалось ничтожным [5]. В дальнейшем указанный прецедент во многом лег в диспозицию вышеприведенной нормы статьи 166 Граждан-

ского кодекса, согласно которой сторона, из чьего поведения явствует ее воля сохранить силу сделки, не вправе оспаривать сделку по основанию, о котором эта сторона знала или должна была знать при проявлении ее воли.

Рассмотрим пример судебного прецедента, где был применен принцип эстоппель в его «классическом» виде: дело № А60-9129/2018, суд первой инстанции — Арбитражный суд Свердловской области: Суд первой инстанции не принял во внимание указание стороны на недостоверность вещественного доказательства (акта ввода в эксплуатацию), поскольку эта же сторона ссылалась на указанное доказательство как на достоверное в прошлом гражданском деле с участием этой же стороны. Суд отметил, что в целях пресечения необоснованных процессуальных нарушений это должно расцениваться как потеря права на возражение (эстоппель). То есть ссылаться на недействительность доказательства суд запретил без экспертизы подлинности доказательства ввиду противоречивого поведения стороны.

Далее разберем применение правила эстоппель для отношений по государственному оборонному заказу. Показательным представляется позиция Арбитражного суда Западно-Сибирского округа, выраженная в Постановлении от 17.12.2019 № Ф04-5927/2019 по делу № А671284/2019.

Краткая фабула дела: головной исполнитель государственного оборонного заказа заключил договор поставки для выполнения государственного контракта с поставщиком. Цена поставляемого товара являлась ориентировочной (уточняемой) в силу действовавшего на момент рассмотрения дела «Положения о применении видов цен на продукцию по государственному оборонному заказу», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 13.12.2013 № 1155. Сделка состоялась, поставщик свои обязательства исполнил в полном объеме, получил причитающееся вознаграждение. Через некоторое время головной исполнитель обратился к поставщику с требованием заключить дополнительное соглашение, по которому стороны согласовывают уменьшение цены продукции, в связи с полученным от Министерства обороны РФ заключением о цене продукции. В связи

с этим у поставщика возникла бы задолженность перед головным исполнителем; закономерно получив отказ от поставщика, головной исполнитель обратился в суд с требованием об изменении условий договора.

Доводы стороны ответчика были сведены к апеллированию к нормам о прекращении обязательства исполнением (статья 408 Гражданского кодекса РФ), а также наличием зависимости ответчика от поведения третьего лица — Министерства обороны, с которым он в обязательственных отношениях не состоит.

Суд согласился с головным исполнителем, изменил условия договора поставки в части уменьшения цены продукции, несмотря на исполненность обязательства. Примечателен следующий вывод суда кассационной инстанции: «Действующим законодательством не допускается попустительство в отношении противоречивого и недобросовестного поведения субъектов хозяйственного оборота, не соответствующего обычной коммерческой честности (правило эстоппель)». Указанный вывод суда обоснован особым статусом правоотношения между сторонами — исполнением государственного оборонного заказа, обязательным согласованием цены продукции с Министерством обороны РФ, которое может быть выражено и в обоснованном ее уменьшении или увеличении по сравнению с изначально установленной.

Как видно правило эстоппель имеет широкое применение в различных областях права и является важным принципом для обеспечения стабильности и предсказуемости правовых отношений. Правильно эстоппель находит свое применение и в отношениях по государственному оборонному заказу, в связи с чем можно заключить, что эстоппель является достаточно универсальным инструментом, который может быть использован стороной правоотношения для защиты своих интересов от недобросовестного, а вместе с тем и противоречивого поведения другой стороны. В законодательстве, по нашему мнению, имеется недостаток правового закрепления правила эстоппель в более универсальном виде, который компенсируется судебными решениями, а также общеправовым принципом добросовестности и недопустимости злоупотребления правом (статья 10 Гражданского кодекса РФ).

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
2. О государственном оборонном заказе: федер. закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ // Рос. газ. № 303. 31.12.2012.
3. О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ // Рос. газ. № 99. 13.05.2013.
4. Об утверждении Положения о применении видов цен на продукцию по государственному оборонному заказу: постановление Правительства РФ от 13 декабря 2013 г. № 1155 // Собрание законодательства Российской Федерации от 23 декабря 2013 г. № 51 ст. 6865.
5. Постановление Президиума ВАС РФ от 13.04.2010 по делу № А43-27008/200839-731. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/cc07ed37-4966-4a0b-9670-0d58031ed9d4>.
6. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 17.12.2019 № Ф04-5927/2019 по делу № А67-1284/2019. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/1709db4b-4695-4977-96bf-9d9517ecf763>
7. Нам К. В. Эстоппель в контексте принципа добросовестности // Закон. 2020. № 4. С. 38–46.
8. Лашков Н. С. Возникновение вещных прав в обход формальностей: вещный эстоппель в России и Англии // Закон. 2020. № 4. С. 107–115.

ИСКЛЮЧЕНИЕ УЧАСТНИКА ИЗ НЕПУБЛИЧНОГО ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА — ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕЗАВИСИМО ОТ ВИНЫ?¹

А. А. Чукреев

Тюменский государственный университет
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
кандидат юридических наук
a.a.chukreev@utmn.ru

Аннотация. Анализируется вопрос о том, является ли исключение участника из непубличного хозяйственного общества ответственностью независимо от вины. Автор приходит к выводу о том, что истолкование правовых норм об этой мере ответственности, которое приводит

¹ Данная работа выполнена с использованием Справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

к выводу о том, что это ответственность независимо от вины, является неверным.

Ключевые слова: исключение участника из корпорации, непубличное хозяйственное общество, ответственность, независимо от вины, санкция.

Abstract. The question is analyzed whether the exclusion of a participant from a non-public company is a liability regardless of fault. The author comes to the conclusion that the interpretation of legal norms about this measure of responsibility, which leads to the conclusion that this is liability regardless of fault, is incorrect.

Key words: expulsion of a participant from a corporation, non-public company, liability, regardless of guilt, sanction.

Исключение участника из непубличного хозяйственного общества по российскому праву в последние годы и даже уже десятилетия стало востребованным способом защиты корпоративных прав и законных интересов [2, с. 354–360]. За это время накопился массивный объем правоприменительной практики по данной категории корпоративных споров, есть ряд разъяснений высших судебных инстанций [3, 5–7].

При этом нормативно-правовую основу исключение участника из непубличного хозяйственного общества у нас нельзя назвать обширной и развитой, это сегодня прежде всего абзац 4 п. 1 ст. 67 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК) [1]. Данные законоположения вступили в силу с 01.09.2014 [9], до этой даты из хозяйственных обществ можно было исключать участников только обществ с ограниченной ответственностью, а с тех пор еще и участников непубличных акционерных обществ. В связи с этим к нормативно-правовой основе рассматриваемого исключения относится и ст. 10 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» [8], однако ее содержание с 01.09.2014 лишь отчасти соответствует абзацу 4 п. 1 ст. 67 ГК [2, с. 361], в связи с чем обращаться к ней далее мы не станем.

Абзац 4 п. 1 ст. 67 ГК закрепляет следующее корпоративное право участника хозяйственного товарищества или общества: право «требовать исключения другого участника из товарищества или общества (кроме публичных акционерных обществ) в судебном порядке с выплатой ему действительной стоимости его доли участия, если такой участник своими действиями

(бездействием) причинил существенный вред товариществу или обществу либо иным образом, существенно затрудняет его деятельность и достижение целей, ради которых оно создавалось, в том числе грубо нарушая свои обязанности, предусмотренные законом или учредительными документами товарищества или общества». Как можно здесь увидеть, законодатель в качестве общего основания исключения участника из соответствующей корпорации предусмотрел нарушение этим участником одной из основных корпоративных обязанностей не затруднять существенно деятельность корпорации и достижение целей, ради которых она создавалась [2, с. 359]. Благо данная обязанность нашла с 01.09.2014 прямое закрепление в абзаце 6 п. 4 ст. 65.2 ГК. При этом нарушение еще одной из основных корпоративных обязанностей, нашедшей прямое закрепление с той же даты в абзаце 5 п. 4 ст. 65.2 ГК, обязанности не совершать действия, заведомо направленные на причинение вреда корпорации, в абзаце 4 п. 1 ст. 67 ГК упоминается в качестве разновидности нарушения обязанности, предусмотренной абзацем 6 п. 4 ст. 65.2 ГК, что само по себе выглядит нелогичным. Более того, в абзаце 4 п. 1 ст. 67 ГК грубое нарушение участником своих обязанностей, предусмотренных законом или учредительными документами товарищества или общества, соотносится с нарушением двух других корпоративных обязанностей, о которых говорилось выше, в качестве их частного случая, то есть грубость корпоративного правонарушения не отнесена законодателем к обязательным условиям исключения участника из хозяйственного товарищества или общества [2, с. 363, 364].

В заголовок настоящей статьи вынесен следующий вопрос: исключение участника из непубличного хозяйственного общества — ответственность независимо от вины? Чтобы ответить на него, нужно сначала разобраться с вопросом о том, является ли такое исключение мерой гражданско-правовой ответственности.

Полагаем, учитывая то, что уже было сказано выше, исключение участников из хозяйственного товарищества или общества в соответствии с абзацем 4 п. 1 ст. 67 ГК — это правовая санкция, применяемая за определенные правонарушения.

Так, О. В. Гутников обоснованно определяет эту меру в качестве санкции «в виде лишения участника корпоративных прав против его воли» [2, с. 356], а также в качестве меры гражданско-правовой и корпоративной ответственности.

Между тем заметим, некоторыми учеными подвергается сомнению не только то, что исключение участника из корпорации является мерой юридической ответственности [4, с. 40–46], но и то, что данная мера — санкция за правонарушение [10, с. 101–108]. Однако, полагаем, наиболее убедительным является вывод О. В. Гутникова о том, что анализируемое исключение участников (по крайней мере на основании абзаца 4 п. 1 ст. 67 ГК) обладает всеми теми признаками, которые в отечественной теории и практике признаются существенными для мер гражданско-правовой ответственности [2, с. 357–359].

Основываясь на этом, попытаемся ответить на вопрос, который вынесен в заголовок настоящей статьи: исключение участника из непубличного хозяйственного общества — ответственность независимо от вины?

Следует констатировать, что исключение участника из непубличного хозяйственного общества законодательно закреплено у нас, если толковать положения абзаца 4 п. 1 ст. 67 ГК буквально, в виде гражданско-правовой ответственности независимо от вины [2, с. 359, 364].

Однако истолкование этих специальных норм во взаимной связи с общими положениями ГК и господствующими теоретическими воззрениями позволяет прийти к выводу о необходимости признания анализируемой санкции не только в качестве меры гражданско-правовой ответственности, но и меры ответственности, применение которой должно основываться на началах вины. Ведь аксиомой в цивилистике является то, что гражданско-правовая ответственность зиждется не на принципе причинения, а на принципе вины. Другое дело, что в силу закона по особым политико-правовым соображениям у нас могут быть установлены исключения из общего правила, то есть ответственность независимо от вины. Но это исключения, пусть и охватывающие значительные сферы гражданско-правовых отношений. Прежде всего, как известно, речь

тут идет у нас об объективной ответственности за нарушение обязательств, связанных с предпринимательской деятельностью (п. 3 ст. 401 ГК), а также за причинение вреда владельцу источника повышенной опасности (п. 1 ст. 1079 ГК).

К аналогичным выводам приходит О. В. Гутников [2, с. 356–364]. И с ним, полагаем, нельзя не согласиться. При этом О. В. Гутников допускает возможность исключения участника из корпорации в порядке исключения и независимо от вины, но такие исключения должны быть прямо предусмотрены законом [2, с. 357, 359, 364]. И в качестве примера возможных здесь исключений ученый приводит ситуацию, когда существенное затруднение деятельности юридического лица наступило из-за бездействия участника, вызванного его физической или психической неспособностью исполнять возложенные на участника корпоративные обязанности. Между тем, на наш взгляд, последний вывод или предположение применительно к исключению участника из непубличного общества на основании абзаца 4 п. 1 ст. 67 ГК требует дополнительного обоснования.

К этому стоит добавить, что в разъяснениях высших судебных инстанций нет ясных ориентиров на счет того, является ли анализируемое исключение участников ответственностью независимо от вины или все-таки данная санкция должна применяться, пусть только по общему правилу, на условиях вины. Однако в указанных разъяснениях есть немало косвенных указаний на то, что вина исключаемого участника имеет значение.

Так, п. 2 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 24.05.2012 № 151 содержит правовую позицию о том, что совершение участником общества с ограниченной ответственностью действий, противоречащих интересам общества, при выполнении функций единоличного исполнительного органа может являться основанием для исключения такого участника из общества, если эти действия причинили обществу значительный вред и (или) сделали невозможной деятельность общества либо существенно ее затруднили. При этом обозначенные действия, как там указано, должны заведомо противоречить интересам обще-

ства. Полагаем, заведомость здесь должна толковаться в том смысле, что участник знал или должен был знать о противоречии его действий интересам общества, то есть в данном случае высшая судебная инстанция настраивает нижестоящие суды на необходимость в подобных случаях оценивать субъективную сторону правонарушения. На установление заведомости противоречия интересам общества поведения исключаемого участника указывает в другом контексте и п. 3 названного выше письма.

А например, п. 6 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 24.05.2012 № 151 содержит правовую позицию о том, что требование об исключении участника из общества с ограниченной ответственностью в связи с систематическим уклонением от участия в общих собраниях подлежит удовлетворению, если такое систематическое уклонение заведомо влекло существенное затруднение деятельности общества или делало ее невозможной. Помимо указания здесь снова на заведомость (как полагаем, в смысле, аналогичном тому, в котором данный термин использован в п. 2 и 3 анализируемого письма) о необходимости оценивать субъективную сторону правонарушения говорит тут и то, что суду, согласно данному пункту, необходимо установить отсутствие уважительных причин неявки участника либо его представителя на общие собрания.

Кроме того, и в п. 35 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 в качестве возможного основания исключения участника из непубличного общества указывается на такое правонарушение, как систематическое уклонение без уважительных причин от участия в общем собрании участников общества, лишаящее общество возможности принимать значимые хозяйственные решения по вопросам повестки дня общего собрания участников, если непринятие таких решений причиняет существенный вред обществу и (или) делает его деятельность невозможной либо существенно ее затрудняет. Также в этом пункте указанного постановления приводятся такие примеры оснований анализируемой ответственности: совершение участником действий, противоречащих интересам общества, в том числе при

выполнении функций единоличного исполнительного органа (например, ... недобросовестное совершение сделки в ущерб интересам общества, ... голосование за одобрение заведомо убыточной сделки), если эти действия причинили обществу существенный вред и (или) сделали невозможной деятельность общества либо существенно ее затруднили. Полагаем, указание в данном контексте и на недобросовестность совершения сделки, и на заведомую убыточность сделки — все это призвано ориентировать нижестоящие суды на оценку по таким спорам субъективной стороны правонарушения.

В заключение сделаем основные выводы. Во-первых, исключение участника из непубличного хозяйственного общества — это особая мера гражданско-правовой ответственности. Во-вторых, истолкование правовых норм об этой мере ответственности, которое приводит к выводу о том, что это ответственность независимо от вины, является неверным.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гутников О. В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: моногр. М.: ИЗиСП, 2019. 488 с.
3. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24.05.2012 № 151 (Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2012. № 8.
4. Кузнецов А. А. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью. М.: Статут, 2014. 141 с.
5. Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25.12.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 5.
6. О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 09.12.1999 № 90/14 // Специальное приложение к Вестнику Высшего Арбитражного Суда РФ. 2005. № 12.
7. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

8. Об обществах с ограниченной ответственностью: федер. закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.
9. О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: федер. закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.
10. Цепов Г. В. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью как принудительное расторжение «корпоративного контракта» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 10. С. 96–113.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЭВОЛЮЦИЯ СЕМЕЙНОГО ПРАВА: ТРАДИЦИИ И ОЖИДАЕМЫЕ НОВЕЛЛЫ СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА»

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СЕМЕЙНОГО ПРАВА В ФЕДЕРАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТАХ ОСНОВНОГО ОБЩЕГО И СРЕДНЕГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Г. К. Балабушевич

МАОУ города Новосибирска «Образовательный центр —
Гимназия № 6 «Горностай»
учитель обществознания
юрисконсульт

Аннотация. В настоящее время внимание различных государственных институтов и общественности акцентируется на необходимости укрепления семьи, уважения к традиционным семейным ценностям, формировании у молодежи осознанного отношения к вопросам брака, рождения и воспитания детей. Где, как ни в школе, закладываются основы знаний о правовом регулировании вопросов семьи и брака, в частности через преподавание обществознания! Знания по данным вопросам должны быть у любого гражданина независимо от того, изучает он обществознание на базовом или профильном уровне, будет сдавать ЕГЭ по обществознанию или нет. Однако авторы федеральных образовательных стандартов подошли к вопросам семейного права иначе. Предмет «Право» в стандартах отсутствует. Правовое образование будет осуществляться только в рамках учебного предмета «обществознание». Времени на формирование правовой культуры и правосознания выделено чрезвычайно мало. Кроме того, существует дифференциация: что из семейного права нужно знать на базовом уровне, а что на профильном.

Ключевые слова: Федеральные государственные образовательные стандарты основного общего образования, Федеральные государственные образовательные стандарты среднего общего образования, семейное право, брак, семья, семейные ценности.

Abstract. Currently, the attention of various state institutions and the public is focused on the need to strengthen the family, respect for traditional

family values, and the formation of a conscious attitude among young people to issues of marriage, birth and upbringing of children. Where, if not at school, the foundations of knowledge about the legal regulation of family and marriage issues are laid, in particular, through the teaching of Social studies! Any citizen should have knowledge on these issues, regardless of whether he studies Social studies at the basic or profile level, will take the Unified State Exam in Social studies or not. However, the authors of the federal educational standards approached the issues of family law differently. The subject of "Law" is not included in the standards. Legal education will be carried out only within the framework of the academic subject "Social studies". Extremely little time has been allocated for the formation of legal culture and legal awareness. In addition, there is differentiation: what of family law you need to know at the basic level and what at the profile level...

Key words: Federal State educational standards of basic general education, Federal State educational standards of secondary general education, family law, marriage, family, family values.

В настоящее время внимание различных государственных институтов и общественности акцентируется на необходимости укрепления семьи, уважения к традиционным семейным ценностям, формировании у молодежи осознанного отношения к вопросам брака, рождения и воспитания детей. Где, как ни в школе, закладываются основы знаний о правовом регулировании вопросов семьи и брака, в частности через преподавание обществознания!

Делясь с читателями «Российской газеты» своими соображениями по поводу преподавания обществознания в школе, возникшими в ходе Всероссийского съезда учителей обществознания, ректор Санкт-Петербургского государственного университета, член-корреспондент РАН Николай Кропачев отметил: «Все мы озабочены тем обстоятельством, что преподаванию обществознания уделяется в нашем профессиональном сообществе неоправданно мало внимания. На наш взгляд, это вступает в противоречие с миссией предмета в контексте его роли в формировании мировоззрения наших школьников... Не буду скрывать: вузовское сообщество (в частности, мои коллеги по СПбГУ: юристы, социологи, историки, экономисты и т. д.) не удовлетворено качеством подготовки абитуриентов по обществознанию» [1].

Известно, что школьный предмет обществознание составлен из отдельных модулей (элементов наук): права, эконо-

мики, философии, социологии, политологии, психологии. Причем, право, например, представлено в учебниках «Обществознание» в виде вольного изложения статей законодательства без объяснения, почему, с какой целью и при каких обстоятельствах принималась та или иная норма, каково ее значение в настоящее время и в обозримой перспективе.

Отсылая читателя к Указу Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», Николай Кропачев говорит: «Указ о традиционных ценностях... четко определил ценностное содержание российского права (а значит, и ценностное содержание всего того, что в соответствии с требованиями российского права должно происходить, включая преподавание обществознания)» [1].

«Ценностное содержание права определяет содержание (толкование) всех видов правовых норм: как регулятивных (управомочивающих, обязывающих и запрещающих), так и охранительных. Но более того, ценностное содержание права, таким образом, определяет... и содержание предмета обществознания [1].

Обратившись к Указу как к программному, по сути, документу, видим, что «К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России... Государственная политика по сохранению и укреплению традиционных ценностей реализуется в области образования и воспитания, работы с молодежью, культуры, науки, межнациональных и межрелигиозных отношений, средств массовой информации и массовых коммуникаций, международного сотрудничества... Решение проблем в области сохранения и укрепления традиционных ценностей должно осуществляться по следующим основным направлениям: ... совершенствование

форм и методов воспитания и образования детей и молодежи в соответствии с целями государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей». Одной из основных задач в данном направлении является «Сохранение, укрепление и продвижение традиционных семейных ценностей (в том числе защита института брака как союза мужчины и женщины)» [2].

Очевидно, что в рамках среднего образования эта задача решается в первую очередь через систему воспитания и, конечно, через преподавание обществознания, в частности права.

И в то же время мы имеем весьма несовершенные учебники по обществознанию и довольно странные образовательные стандарты.

В очередной раз хочу сослаться на авторитетное мнение Николая Кропачева: «Действующие учебники ориентируют учащихся и педагогов не столько на осмысление и применение знаний в области обществознания на практике (гражданская позиция, вот чего не хватает!), сколько на запоминание и воспроизведение». Анализируя некоторые разделы учебников по обществознанию, Николай Кропачев пишет: «В качестве еще одного примера назову материалы, посвященные вопросам семьи и брака. С одной стороны, авторы корректно описывают понятие брака как признанную обществом форму отношения между мужчиной и женщиной с целью создания семьи», а с другой — говорят об альтернативных формах семейных отношений, главным образом в историческом аспекте. При этом оценка современных альтернатив, которые известны большинству школьников, в учебнике не дается. И речь идет не только об однополых семьях, но и о семьях сознательно отказавшихся от рождения детей, о полигамных семьях и т. п. Даже проблема незарегистрированного сожительства (так называемый гражданский брак) лишь обозначается авторами, но никакой оценки описанному явлению нет» [1].

Очевидно, что в зависимости от фактической формы отношений зависит правовой статус их участников, и с элементарными правовыми последствиями таких отношений учащиеся должны быть ознакомлены. Это необходимо не для сдачи экзаменов, а для осознанного построения личной жизни.

С учебниками есть проблемы, но существуют еще и государственные образовательные стандарты, которым должны следовать учителя...

В настоящее время приняты следующие государственные образовательные стандарты:

1. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования: утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 17 декабря 2010 г. № 1897 (с последующими изменениями) [4].

2. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования: утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 17 мая 2012 г. № 413 (с последующими изменениями) [3].

Какие же требования к знаниям из области семейного права содержат они?

В соответствии с Федеральными государственными стандартами основного общего образования 16.11.2022 приказом № 993 Министерство Просвещения РФ утвердило Федеральную образовательную программу основного общего образования, которая включает в том числе Федеральную рабочую программу учебных предметов. Федеральная рабочая программа основного общего образования предмета обществознание (для 6–9-х классов образовательных организаций) разработана и опубликована ФГБНУ Институтотом стратегии развития образования Российской академии образования.

На основании данных нормативных документов основы права должны изучаться в 7-м классе, а на вопросы семейного права отводится 2 часа. Содержательная часть программы включает следующее: «Важность семьи в жизни человека, общества и государства. Условия заключения брака в РФ. Права и обязанности детей и родителей. Защита прав и интересов детей, оставшихся без попечения родителей» [5].

Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования, Федеральная образовательная программа среднего общего образования, утвержденная 23.11.2022 приказом № 1014, а также Федеральная рабочая программа среднего общего образования предмета обществознание базового уровня (для 10–11-х классов обще-

образовательных организаций), разработанная ФГБНУ Институтом стратегии развития образования Российской академии образования, отводит на изучение вопросов семейного права вместе с трудовым и гражданским всего 6 часов (!). Содержательная часть данной программы включает: «Семейное право. Порядок и условия заключения и расторжения брака. Правовое регулирование отношений супругов. Права и обязанности детей и родителей». Это в программе для 11-х классов [6].

Причем в п. 22.2.5 Федеральной образовательной программы среднего общего образования указывается: «Отличие содержания обществознания на базовом уровне среднего общего образования от содержания предшествующего уровня заключается в изучении нового теоретического содержания, рассмотрения ряда ранее изученных социальных явлений и процессов в более сложных и разнообразных связях и отношениях» [6].

Много ли отличий можно обнаружить в программах для 7-х и для 11-х классов? Тем более что на семейное право приходится также 2 часа. Где уж тут можно найти место для нового теоретического содержания?

Чуть лучше обстоят дела с Федеральной рабочей программой среднего общего образования по предмету обществознание углубленного уровня (для 10–11-х классов общеобразовательных организаций), разработанной ФГБНУ Институтом стратегии развития образования Российской академии образования. Здесь на основные отрасли частного права отводится 10 часов! Содержательная часть Семейного права: «Семейное право. Источники семейного права. Семья и брак как социально-правовые институты. Правовое регулирование отношений супругов. Условия заключения брака. Порядок заключения брака. Прекращение брака. Брачный договор. Права и обязанности членов семьи (супругов, родителей и детей). Институт материнства, отцовства и детства. Ответственность родителей за воспитание детей. Усыновление. Опекунство. Приемная семья» [7].

Разработчики, видимо, считают, что если молодой человек не изучает обществознание углубленно, не готовится сдавать ЕГЭ по обществознанию, то и «засорять свою голову» знани-

ями о брачном договоре, ответственности родителей за воспитание детей и прочими вопросами для «избранных» не стоит. И везде отсутствуют вопросы регулирования отношений между другими членами семьи.

Вот и получается, что все меньше и меньше внимания в образовании отводится правовому образованию, формированию правосознания, правовой культуры молодежи, даже относительно такого важного для человека института, как семья.

Я вижу выход из сложившейся ситуации только в том, чтобы «не охваченное» ФГОС перенести в область научно-популярной литературы: правовое регулирование семейных и брачных отношений с элементами исторического правоведения, сравнительного правоведения, с использованием художественной литературы, изобразительного искусства.

В таком случае основное правовое содержание будет подкреплено живыми примерами и обретет необходимый смысл и значимость для молодого человека.

Литература

1. Кропачев Н. С кого начинается Родина // Рос. газ. 21 апр. 2023 г. № 87 (9032). URL: www.rg.ru (дата обращения: 24.06.2023).
2. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 // Система Гарант. URL: <http://www.base.garant.ru> (дата обращения: 24.06.2023).
3. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования: утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 17 мая 2012 г. № 413 // Система Гарант. URL: <http://www.base.garant.ru> (дата обращения: 24.06.2023).
4. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования: утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 17 декабря 2010 г. № 1897 // Система Гарант. URL: <http://www.base.garant.ru> (дата обращения: 24.06.2023).
5. Федеральная рабочая программа основного общего образования предмета «Обществознание» (для 6–9-х классов образовательных организаций). URL: https://edsoo.ru/Predmet_Obschestvoznanie.htm (дата обращения: 24.06.2023).
6. Федеральная рабочая программа среднего общего образования предмета «Обществознание» базового уровня (для 10–11-х классов общеобразовательных организаций). URL: https://edsoo.ru/Predmet_Obschestvoznanie.htm (дата обращения: 24.06.2023).
7. Федеральная рабочая программа среднего общего образования по предмету «Обществознание» углубленного уровня (для 10–11-х классов общеобразовательных организаций). URL: https://edsoo.ru/Predmet_Obschestvoznanie.htm (дата обращения: 24.06.2023).

ПРОБЕЛЫ В ИНСТИТУТЕ АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Е. С. Брылякова

Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
кандидат юридических наук, доцент
kots_es@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается ряд правовых пробелов и проблем, связанных с реализацией института алиментных обязательств в контексте анализа норм Семейного кодекса Российской Федерации, правовой позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2017 № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов», а также воззрения ученых.

Ключевые слова: алиментные обязательства, пробелы, права ребенка, фактические воспитатели, пенсия по случаю потери кормильца.

Abstract. The article examines a number of legal gaps and problems related to the implementation of the institution of alimony obligations in the context of analyzing the norms of the Family Code of the Russian Federation, the legal position of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 26.12.2017 № 56 «On the application of legislation by courts when considering cases related to the collection of alimony», as well as the views of scientists.

Key words: alimony obligations, gaps, child rights, actual caregivers, survivor pension.

Современное государство должно базироваться на эффективной правовой системе, которая находит свое воплощение в формировании актуальной системы правовых норм, реализуемых в соответствующих сферах жизнедеятельности общества, обеспеченных деятельностью государства в лице властных органов и должностных лиц. Согласно статье 2 Конституции Российской Федерации государство обязано обеспечить реализацию и защиту прав и свобод человека и гражданина. И как справедливо отмечено в статье 18 Конституции Российской Федерации, именно они «...определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием».

И здесь возникает уместный вопрос: а всегда ли своевременно законодатель реагирует на изменение тех или иных жизненных аспектов в обществе, что обуславливает возникновение многочисленных ситуаций, не урегулированных отраслевым законодательством? Напрашивается ответ: не всегда. Как справедливо отмечает А. А. Храмов, «...объясняется это, прежде всего, чрезмерной громоздкостью и длительностью процедуры разработки, рассмотрения и утверждения законодательных актов, которая может затягивать процесс урегулирования спорной ситуации на несколько лет... и приводит к появлению правового пробела...» [6, с. 213].

Под пробелом в данном случае следует понимать полное или частичное отсутствие нормы, необходимой для урегулирования конкретных общественных отношений, или противоречивость действующих в аналогичных отношениях норм и нуждаемость в юридической оценке со стороны правоприменителя. И в семейном законодательстве Российской Федерации также возникает ряд правовых пробелов и проблем правового регулирования общественных отношений, складывающихся между субъектами семейного права. Институт алиментных обязательств не остается в данном вопросе в стороне. Рассмотрим несколько существующих пробелов и противоречий исследуемого института.

Во-первых, согласно статье 1 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ) в целях реализации отраслевых принципов семейного законодательства со стороны государства обеспечивается приоритетное семейное воспитание детей, забота об их благосостоянии и развитии. Кроме того, запрещается любая форма ограничения прав граждан в семейных отношениях по признакам социальной... принадлежности.

Напрашивается правовой вопрос: а как быть с соотношением прав детей, которые прекращают получать алименты со стороны своих родителей при достижении возраста 18 лет (пункт 1 статьи 80 СК РФ), и в то же время в случае потери кормильца у ребенка сохраняется право получения пенсии по данному основанию до достижения возраста 23 лет при условии обучения по очной форме... (пункт 1 части 2 статьи 10

Федерального закона от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях»).

Если анализировать Семейный кодекс Российской Федерации, а именно институт алиментных обязательств, то родители обязаны содержать своих несовершеннолетних детей до 18 лет (статья 80), а в ряде случаев и нетрудоспособных совершеннолетних детей, нуждающихся в помощи (статья 85). При этом в пункте 38 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 56 разъяснено, что трудоспособные дети старше восемнадцати лет, обучающиеся по очной форме..., не относятся к лицам, имеющим право на алименты на основании статьи 85 СК РФ. Кроме того, статья 86 СК РФ говорит нам о возможности привлечения каждого из родителей судом к участию в несении дополнительных расходов, вызванных исключительными обстоятельствами. Перечень исключительных обстоятельств в статье 86 СК РФ примерный, и к таким обстоятельствам относится обучение (пункт 40 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 56).

В свою очередь, анализ пункта 1 части 2 статьи 10 Федерального закона от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» нам говорит о полной реализации обязанности государства позаботиться о детях, оставшихся без попечения родителей, с переходом 18-летнего барьера до 23 лет. Весьма интересна позиция О. С. Рыбаковой, которая отмечает, что «...роль кормильца олицетворяется с основным источником жизнеобеспечения ребенка. Тем самым потеря кормильца для ребенка — это не только боль утраты близкого человека (психологическая травма), но и одновременно прекращение источника средств к существованию...» [5, с. 25–26]. Положения анализируемого закона согласуются с реализацией конституционного права ребенка на получение образования. Конституционный Суд РФ указал, что «...термин “ребенок” в исследуемом контексте может рассматриваться в соответствии с положениями международно-правовых актов в области социального обеспечения». Так, в соответствии с подпунктом «h» пункта 1 статьи 1 Конвенции МОТ 1967 года № 128 «О пособиях по инвалидности, по старости и по случаю потери

кормильца» (Российской Федерацией не ратифицирована) «...термин “ребенок” может охватывать не только лиц, не достигших возраста окончания обязательного школьного образования, но и перешагнувших данный возрастной рубеж — при условии, что они проходят курс ученичества или продолжают учебу...» При освоении лицом образовательной программы в очной форме — в отличие от других форм — устанавливается максимальный объем аудиторной учебной нагрузки, что «...ограничивает возможность приобретения детьми умершего кормильца постоянного источника средств к существованию за счет самостоятельной трудовой деятельности...» [4].

Таким образом, получается, что ребенок, достигший возраста 18 лет и обучающийся по очной форме обучения, лишается права на алиментное содержание при наличии у него родителей и может только «уповать на милосердие последних в финансовом обеспечении его обучения». Налицо социальная несправедливость и нарушение конституционных и семейных начал (статьи 19 Конституции Российской Федерации и статьи 1 СК РФ).

Следует полагать целесообразным не ограничивать алиментные обязательства 18-летним возрастом, при условии получения ребенком образования по очной форме обучения и поступления в образовательное учреждение до достижения последним 18 лет, так как в данном случае решение о выбранной форме обучения возлагается совместно с ребенком и на родителей (законных представителей). Особенно если речь идет об обучении на платной основе. Данные положения необходимо законодательно закрепить в Семейном кодексе Российской Федерации посредством внесения изменений в институт алиментных обязательств со стороны родителей в отношении своих детей.

Такой опыт прослеживается в ряде стран Европы. В Германии по закону содержание полагается как несовершеннолетним, так и совершеннолетним детям, если они проживают в родительском доме и получают образование или приобретают профессию [2, с. 12]. Еще одним примером может служить законодательство Италии. В частности, согласно ст. 337

Гражданского кодекса Италии «...судья может назначить выплату алиментов в пользу совершеннолетних детей, которые, однако, не являются экономически независимыми. При этом судья должен использовать ситуационный характер обстоятельств, которые оправдывают продолжение уплаты алиментов, например, получением образования...» (например, Решение Кассационного суда по гражданским делам № 18076/2014) ...» [1, с. 126].

Во-вторых, не останавливаясь так подробно, выделим еще один пробел в действующем семейном законодательстве Российской Федерации. Частично на данный пробел обратила внимание И. С. Мерзлякова, обозначив дискриминацию мужчины и женщины в контексте получения женщиной алиментов в течение трех лет со дня рождения общего ребенка от бывшего супруга согласно статье 90 СК РФ [3, с. 15]. Следует отметить, что такое право есть и у супруги на получение алиментов от супруга согласно статье 89 СК РФ. Бесспорно, как и было отмечено в начале статьи, законодатель не успевает отреагировать на меняющиеся жизненные общественные отношения, и на сегодняшний день есть отцы, которые уходят в отпуск по уходу за ребенком до трех лет и имеют такое же право на алименты, как и женщины. То же самое касается и бывших мужей, воспитывающих несовершеннолетних детей, однако законодатель им право на алименты в отношении себя не предоставляет.

В-третьих, дискуссионными представляются вопросы относительно содержания фактических воспитателей со стороны своих воспитанников. В частности, не понятен правовой статус фактического воспитателя. В пункте 50 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 56 дается разъяснение, кто может выступать в роли фактического воспитателя, а именно «...родственники ребенка, так и лица, не состоящие с ним в родстве, которые осуществляли воспитание и содержание ребенка, не являясь при этом усыновителем, опекуном (попечителем), приемным родителем или патронатным воспитателем ребенка...» Тогда сразу встает вопрос: а где законный представитель ребенка, который должен осуществлять воспитание и содержание последнего?

Почему органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации не обращают внимания на тот факт, что ребенок находится на содержании без соответствующего правового основания? Ведь весьма сомнительным представляется такая ситуация, при которой при живых законных представителях кто-то будет содержать ребенка длительное время (более 5 лет), чтобы потом получить встречное право на алименты на стороны воспитанника.

Кроме того, воспитанник может быть освобожден по усмотрению суда от обязанности содержать фактических воспитателей, если последние содержали и воспитывали их менее пяти лет, а также если они содержали и воспитывали своих воспитанников ненадлежащим образом. Встает вопрос: а если фактический воспитатель осуществлял содержание с 15 лет и воспитанник продолжает после 18 лет проживать с фактическим воспитателем и обучаться на очной форме обучения. Соответственно фактический воспитатель продолжает содержать своего воспитанника. Не возникает ли аналогия с рассмотренной выше ситуацией относительно родителей и детей? Не обязан ли тогда воспитанник, в свою очередь, при обращении фактического воспитателя в суд за предоставлением содержания автоматически обязываться содержать последнего при наличии на это соответствующих условий? И остается пробел в вопросе сущности такой правовой категории, как «содержание» со стороны фактического воспитателя. Что под ним понимает законодатель: постоянное и непрерывное содержание, периодическое содержание в течение 5 лет? И каким образом фактический воспитатель должен в суде доказывать осуществление содержания воспитанника? Все эти вопросы требуют ответа на законодательном уровне или как минимум в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 56.

Резюмируя вышеизложенное, следует констатировать обоснованную необходимость внесения изменений и дополнений на федеральном уровне, а именно в Семейный кодекс Российской Федерации, которые устранят обозначенные выше правовые пробелы и разрешат существующие проблемы в институте алиментных обязательств.

Литература

1. Артемьева Ю. А. Особенности института алиментных обязательств в отношении ребенка в Италии // Социально-политические науки. 2021. Т. 11. № 4. С. 122–127. DOI: 10.33693/2223–0092-2021-11-4-122-12.
2. Максимович Л. Б. Алиментное соглашение: проблемы законодательства и правоприменения // Семейное и жилищное право. 2020. № 3. С. 11–12.
3. Мерзлякова И. С. К вопросу о несовершенстве семейного законодательства Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 12. С. 10–16.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 ноября 2009 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности пункта «а» части третьей статьи 29 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей», пункта 3 статьи 57 Закона Российской Федерации «Об образовании» и подпункта 1 пункта 2 статьи 9 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Н. С. Лаппы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 49 (2 ч.). Ст. 6041.
5. Рыбакова О. С. Реализация конституционного права ребенка на пенсионное обеспечение по случаю потери кормильца // Социальное и пенсионное право. 2018. № 4. С. 25–29.
6. Храмов А. А. Пробелы в уголовно-исполнительном законодательстве как следствие динамического развития уголовной политики // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 213–215.

ДОЛЯ ПЕРЕЖИВШЕГО СУПРУГА В ДОЛЕ В УСТАВНОМ КАПИТАЛЕ ООО

О. А. Герасимова

Сибирский федеральный университет
кафедра гражданского права
старший преподаватель

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о судьбе доли пережившего супруга в доле в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. Обосновывается вывод о том, что супруг не приобретает право на часть доли в уставном капитале, являющейся супружеской долей, на основании сделки. Сделан вывод о том, что в отсутствие

специальных правил в уставе общества относительно доли пережившего супруга в доле в уставном капитале распространение правил устава о необходимости получения согласия на переход доли к наследникам является обоснованным.

Ключевые слова: доля в уставном капитале, доля пережившего супруга, наследник, переход доли в уставном капитале, согласие участников ООО на переход доли.

Abstract. The article discusses the fate of the surviving spouse's share in the share in the authorized capital of a limited liability company. The conclusion is substantiated that the spouse does not acquire the right to a part of the share in the authorized capital, which is a marital share, on the basis of the transaction. It is concluded that in the absence of special rules in the company's charter regarding the surviving spouse's share in the share in the authorized capital, the dissemination of the rules of the charter on the need to obtain consent for the transfer of the share to the heirs is justified.

Key words: share in the authorized capital, the share of the surviving spouse, the heir, the transfer of the share in the authorized capital, the consent of the LLC participants to the transfer of the share.

Согласно п. 2 ст. 34 Семейного кодекса РФ (далее — СК РФ) доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью (далее — ООО, общество) относится к общему имуществу супругов [3]. Вместе с тем участником общества является только тот супруг, который указан в Едином государственном реестре юридических лиц в качестве участника.

В соответствии с п. 1 ст. 1176 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) доля в уставном капитале входит в состав наследства участника ООО [2]. В то же время согласно п. 6 ст. 93 ГК РФ и п. 8 ст. 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — Закон об ООО) доля переходит к наследникам граждан, если иное не предусмотрено уставом общества [1; 4]. Кроме того, согласно указанным нормам, устав может предусматривать необходимость получения согласия всех участников общества на переход доли к наследникам, а если таковое не дано, то доля переходит к обществу, а наследникам выплачивается ее действительная стоимость (п. 5 ст. 23 Закона Об ООО).

Противоречивость формулировок указанных норм вызывает вопрос о том, что именно входит в состав наследства участника ООО, учитывая то, что уставом может быть запрещен переход доли к наследникам вообще или он может быть обусловлен согласием всех участников общества. Данный

вопрос является предметом непрекращающейся дискуссии, анализ которой не входит в задачи настоящей работы.

Однако следует отметить следующее. О переходе доли от участника к иному лицу (кроме самого общества) в том значении, которое придает ему корпоративное законодательство, можно говорить тогда, когда лицо приобрело статус участника. Поэтому устав может исключать приобретение наследниками статуса участника или обуславливать его приобретение согласием остальных участников, а наследники, по всей видимости, приобретают имущественное право на долю, при переходе которой к обществу ввиду предусмотренных уставом ограничений оно выплачивает им действительную стоимость.

Если в уставе нет прямого указания на то, что к наследникам доля умершего участника не переходит, то приобретение наследниками статуса участника в принципе возможно. Последнее зависит от того, включено ли в устав условие о том, что вступление в общество (в терминологии рассматриваемых норм — переход доли) возможно только при согласии остальных участников общества, если да — то дано ли такое согласие. Диспозитивное регулирование вопроса о переходе доли к наследникам означает, что в отсутствие положений устава, исключающих переход доли к наследникам или обуславливающих ее переход к ним согласием остальных участников, наследники имеют право вступить в общество или получить действительную стоимость доли, принадлежавшей умершему наследодателю (п. 66 Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о наследовании» [6]).

Согласно ст. 1150 ГК РФ в состав наследства входит доля умершего супруга в имуществе, относящемуся к совместной собственности, равная по общему правилу (если иное не предусмотрено брачным договором) одной второй. Переживший супруг сохраняет права на общее имущество, и его доля, соответственно, равна по общему правилу также одной второй. Указанные правила в полной мере применимы и к доле в уставном капитале, если она входит в состав общего имущества. Следовательно, переживший супруг имеет право на половину доли в уставном капитале общества — так называ-

ему супругескую долю— независимо от того, унаследует ли он другую половину доли.

Законодательство регулирует вопросы отчуждения доли, ее перехода в порядке правопреемства (к которому, как известно, относится и наследование), но не регулирует отдельно вопрос о судьбе супружеской доли, доли принадлежащей пережившему супругу участника. В связи с этим возникают вопросы о том, может ли переживший супруг претендовать на вступление в общество, какими правилами необходимо в данном случае руководствоваться — о наследовании или какими-то иными.

Определением от 06.04.2023 № 305-ЭС22-26611 Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ (далее — СКЭС ВС РФ) отменила судебные акты нижестоящих судов, которыми было отказано в удовлетворении требований ООО Юридическая компания «ТопЛайн» и участника этого общества о передаче обществу доли в уставном капитале в размере 25,5 % [8]. Поводом для предъявления иска послужило то, что ответчик — супруга умершего участника —на основании нотариально удостоверенного свидетельства о праве собственности на одну вторую доли в общем имуществе супругов, к которому относилась и доля в уставном капитале в размере 51 %, подала заявление в регистрирующий орган о внесении о ней сведений в ЕГРЮЛ как об участнике общества, в результате чего соответствующая запись регистрирующим органом и была внесена. После этого ответчик — супруга умершего— подарила долю в размере 25,5 % своей матери. Истцы, полагая, что сведения в ЕГРЮЛ об ответчице — супруге умершего участника —были внесены в нарушение положений Закона об ООО и устава общества, предусматривающего необходимость получения согласия участников на переход доли к наследникам, в выдаче которого другим участником было отказано, требовали на основании п. 18 ст. 21 Закона об ООО передачи доли обществу.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении иска, апелляционный суд и суд округа поддержали его позицию, мотивировав свои решения тем, что устав предусматривает необходимость получения согласия участников общества

только при переходе доли к наследникам и к правопреемникам юридических лиц; супруге умершего участника право на долю принадлежало в силу закона, а не возникло в порядке наследования.

Суд первой инстанции указал, что сделки и правопреемство являются самостоятельными основаниями перехода доли со своими особенностями правового регулирования. Приобретение ответчиком доли в порядке выдела супружеской доли в составе общего имущества супругов в связи со смертью одного из них является переходом доли на основании сделки. Далее в тексте решения приведена цитата из Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» о понятии сделки вообще и односторонней, в частности. Затем суд указал, что раздел имущества супругов квалифицируется судебной практикой как сделка. А поскольку устав общества — истца — не содержит требований о получении согласия участников на переход доли на основании сделки, то суд принял решение об отказе в удовлетворении иска [9].

Как следует из постановления апелляционного суда, согласие других участников в силу устава требовалось только при продаже, залоге доли и вхождении в общество наследников [10].

Тем не менее СКЭС ВС РФ отменила судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав, что «в настоящем деле участники выразили волю на то, чтобы признание прав участника за иными лицами (пережившая супруга либо наследники) после смерти одного из них происходило только с согласия остальных участников (пункт 3.24 Устава)».

Получается, что суды трех инстанций не обнаружили в уставе положений, специально регулирующих переход доли к пережившему супругу участника, а высшая судебная инстанция, напротив, их обнаружила.

Не располагая уставом, однозначный вывод о том, содержит ли он прямое указание именно на долю доли в уставном капитале, принадлежащую пережившему супругу участника,

сделать невозможно. Однако ввиду более конкретных формулировок в постановлениях нижестоящих судов в части перечисления случаев, когда требуется согласие участников на переход доли, они представляются более достоверными, и, видимо, устав, действительно, не содержал никаких оговорок относительно вступления в общество пережившим супругом участника ввиду обладания правом именно на супружескую долю.

В связи с этим возникает вопрос об обоснованности распространения правил устава о переходе доли к наследникам к супружеской доле.

Верховный Суд РФ неоднократно указывал, что ни раздел доли между супругами [см., например: 13], ни переход к наследникам права на долю [см., например: 14], ни выдел доли пережившего супруга в общем имуществе супругов [см., например: 15] не влекут автоматически приобретение супругами и наследниками статуса участника общества. Таковой может возникнуть у них исключительно в порядке, предусмотренном корпоративным законодательством. То есть супруг, наследники обладают правом на долю, и на основании этого они могут вступить в общество, если устав этого не запрещает и участники дали согласие на это (если таковое требуется в силу устава). И такая позиция представляется обоснованной.

Вместе с тем необходимо учитывать следующее. У пережившего супруга право на долю не возникает после смерти супруга — участника общества, в отличие от наследников. Оно у него существовало с момента поступления доли в состав общего имущества, а после смерти супруга-участника доля автоматически делится: одна вторая является супружеской долей, одна вторая входит в состав наследства. Точнее говоря, переживший супруг с момента смерти супруга-участника обладает правом на половину доли в уставном капитале, входившей в состав общего имущества, а наследники приобретают право на другую половину доли.

В рассматриваемом деле суды нижестоящих инстанций квалифицировали выдел супружеской доли в общем имуществе после смерти супруга — участника общества — в качестве сделки, причем, судя по ссылкам на п. 2 ст. 154 ГК РФ, сделки

односторонней. Такой подход нельзя назвать оригинальным. Так, например, Арбитражный суд Северо-Кавказского округа в одном из своих постановлений указал, что выдача нотариусом свидетельства о праве собственности на долю в общем имуществе осуществляется на основании заявления пережившего супруга, «которое с точки зрения теории гражданского права представляет одностороннюю сделку, направленную на ликвидацию совместной общности в части обозначенного в заявлении имущества». Судом также указано, что в отсутствие такого заявления совместная общность сохраняется, а доля пережившего супруга устанавливается нотариусом при выдаче наследникам свидетельств о праве на наследство [16].

Однако такой вывод представляется неверным. Во-первых, режим совместной собственности не может сохраняться после смерти одного из супругов. Нет второго участника совместной собственности — нет и совместной собственности. Иное означало бы, что наследники умершего супруга «заступают» на его место сособственника, то есть с момента открытия наследства они с пережившим супругом становятся совместными собственниками. Но это невозможно ввиду того, что совместная собственность возникает только в случаях, установленных законом (п. 3 ст. 244 ГК РФ), а раздел V ГК РФ не предусматривает образование совместной собственности с участием пережившего супруга и наследников. С момента открытия наследства переживший супруг и наследники становятся участниками долевой собственности, т. е. совместная собственность автоматически трансформируется в долевую, и единственным юридическим фактом, вызывающим такую трансформацию, является смерть одного из супругов.

Во-вторых, квалификация заявления пережившего супруга, подаваемого нотариусом в порядке ст. 75 Основ законодательства о нотариате в качестве односторонней сделки, также видится ошибочной. Действительно, в соответствии с указанной нормой нотариус выдает пережившему супругу свидетельство о праве собственности на долю в общем имуществе на основании его заявления [5]. Однако такое заявление не влечет правовых последствий в виде установления, изменения или прекращения прав и обязанностей. Право соб-

ственности на общее имущество пережившему супругу принадлежало и до подачи заявления, и до выдачи свидетельства, поэтому заявление супруга не может повлечь возникновение какого-либо права. Нет оснований говорить о возникновении у него права на долю в общем имуществе в силу этого заявления, так как, как указывалось выше, трансформация совместной собственности в долевую происходит в силу такого события, как смерть супруга, независимо от чьего-либо волеизъявления. По этой же причине нельзя сказать, что заявление супруга нотариусу влечет изменение или прекращение прав и обязанностей.

В качестве сделки, как представляется, можно квалифицировать заявление супруга об обратном — о том, что в имуществе, приобретенном в период брака, отсутствует его доля, которое согласно п. 33 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о наследовании» переживший супруг вправе подать. Данное заявление означает отказ от права [17, с. 322], т. е. влечет правовые последствия в виде прекращения у пережившего супруга прав в отношении имущества, приобретенного в период брака, следовательно, является сделкой.

Как указал Верховный Суд РФ в Обзоре судебной практики № 2 (2018), имущество супругов входит в состав наследства после смерти одного из них лишь в случае, если переживший супруг заявил об отсутствии его доли в имуществе, приобретенном в период брака (п. 9) [7].

Таким образом, в отсутствие заявления пережившего супруга об отсутствии его доли в имуществе, приобретенном в период брака с умершим супругом, он был и остается собственником такого имущества, с той лишь разницей, что до смерти другого супруга он являлся участником совместной собственности, а после его смерти стал участником долевой собственности наряду с наследниками умершего супруга.

Доля в уставном капитале в силу своей специфики не может находиться в долевой собственности нескольких лиц, после смерти умершего участника она буквально делится: каждый из наследников и переживший супруг (если она являлась общим имуществом) становится обладателем права на соответствующую

щую часть доли, т. е., по сути, на долю меньшего размера. А это означает, что каждый из них может претендовать на вступление в общество с учетом соответствующих положений устава. До смерти участника его супруг (в отсутствие раздела доли соглашением или в судебном порядке), как и наследники, не мог ставить вопрос о приобретении статуса участника.

Но такое последствие как появление потенциальной возможности вступления в общество для пережившего супруга наступает не на основании сделки (как было обосновано выше) или наследования доли, а на «ином законном основании», о котором говорится в п. 1 ст. 21 Закона об ООО, и это основание содержится в ст. 1150 ГК РФ, предусматривающей сохранение права пережившего супруга на часть общего имущества.

В рассматриваемом деле о переходе доле умершего участника ООО Юридическая компания «ТопЛайн» нижестоящие суды пришли к выводу о том, что к данному спору положения устава, предусматривающие необходимость получения согласия участников общества на переход доли к наследникам, не применяются к супружеской доле. Иное, по мнению судов, означало бы ограничение принципа диспозитивности и свободы договора (под которым в данном случае, очевидно, понимался устав). Верховный Суд РФ, наоборот, посчитал, что участники выразили волю на установление соответствующих ограничений на переход доли не только к наследникам, но и к пережившим супругам.

Чья же позиция является обоснованной?

Действительно, исходя из ст. 93 ГК РФ и ст. 21 Закона об ООО по умолчанию (т. е. в отсутствие иного регулирования уставом) доля (ее часть) может переходить к третьим лицам. Императивное правило о переходе доли с согласия участников сформулировано только для случаев продажи доли с публичных торгов (п. 9 ст. 21 Закона об ООО). Поэтому, если участники не воспользовались правом установить соответствующие ограничения в уставе для определенных оснований перехода доли, следует исходить из того, что их воля была направлена на то, чтобы этих ограничений не было.

Вместе с тем следует учитывать следующее. Законодатель разграничивает переход доли в порядке наследования и на

ином законном основании (п. 1 ст. 93 ГК РФ, п. 1 ст. 21 Закона об ООО). При этом законодателем переход доли третьим лицам «на ином законном основании» не регулируется.

Схожесть положения пережившего супруга и наследников заключается в том, что, как указывалось выше, именно по причине смерти у них возникает право ставить вопрос о вступлении в общество. И смотря на данный вопрос с позиции остальных участников общества, можно рассуждать следующим образом: определяющим в этой ситуации является именно выбытие по причине смерти конкретного участника, а по какому из оснований кто-либо приобретает право занять его место, большого значения не имеет. Следовательно, раз уставом на случай смерти участника предусмотрена необходимость получения согласия остальных участников на вступление в общество его наследников, то подразумевается, что участники в принципе хотели ограничить возможность вступления в общество других лиц в таком случае.

Отсутствие в уставе специальных положений о судьбе супружеской доли можно объяснить тем, что на момент утверждения устава участники своих супругов подразумевали и в качестве наследников. Кроме того, вряд ли участники на момент утверждения устава просчитывают возможный «расклад сил» после смерти одного из участников в зависимости от того, будет ли переживший супруг обладать супружеской долей или еще и долей, входящей в состав наследства, поскольку с момента утверждения устава до неопределенного во времени момента смерти участника размер долей может измениться в силу разных причин (увеличение уставного капитала, отчуждение части доли и т. п.). Поэтому участники общества, предусматривая в уставе необходимость получения согласия на переход доли к наследникам, скорее всего, подразумевают и переживших супругов. Иными словами, они их отождествляют ввиду отнесения законом супругов к наследникам первой очереди.

В связи с этим, как представляется, именно позиция Верховного Суда РФ в рассматриваемом деле является обоснованной.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023, с изм. от 16.05.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Об обществах с ограниченной ответственностью: федер. закон РФ от 08.02.1998 14-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ от 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 28.04.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2018): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.07.2018) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.04.2023 по делу № А40-284789/21-159-1926 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 26.04.2022 по делу № А40-284789/21-159-1926 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18.07.2022 по делу № А40-284789/21-159-1926 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 06.04.2021 по делу № А40-324092/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Определение Верховного Суда РФ от 08.08.2018 по делу № А84-2753/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Определение Верховного Суда РФ от 09.01.2019 по делу № А55-31820/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Определение Верховного Суда РФ от 20.11.2018 по делу № А63-12424/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Определение Верховного Суда РФ от 07.04.2022 по делу № А83-18085/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
16. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 16.12.2022 по делу № А32-34711/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
17. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / отв. ред. Е. Ю. Петров. М.: М-Логос, 2018.

К ВОПРОСУ О РЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ СЕМЕЙ, ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ

Н. С. Голосова

Уральский государственный юридический университет
им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург)
преподаватель кафедры трудового права
nata_sotnikova@inbox.ru

Аннотация. Семьи с детьми, наряду с пенсионерами, инвалидами, безработными, являются одной из социально незащищенных категорий населения. Наличие детей в многодетных, малоимущих, приемных семьях является одним из критериев дифференциации правового регулирования отношений по социальной защите и имеет своей целью усиление социальной защищенности таких семей, в связи с чем законами закрепляются дополнительные виды социального обеспечения, которые могут быть обусловлены состоянием здоровья ребенка, отсутствием родителей, количеством детей в семье, низким доходом.

Ключевые слова: многодетные семьи, дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, малоимущие семьи, результативность мер социальной защиты.

Abstract. Families with children, along with pensioners, the disabled, the unemployed, are one of the socially unprotected categories. The presence of children in large, poor, foster families is one of the criteria for differentiation of legal regulation in social protection relations and aims to strengthen social protection in relation to such families, in connection with which the laws fix additional types of social security, which are due to such reasons as the state of health of the child, the absence of parents, the number of children in family, low income.

Key words: large families; orphans; children left without parental care; poor families; effectiveness of social protection measures.

Основные положения социальной защиты семей с детьми зафиксированы в Конституции Российской Федерации, гарантирующей государственную поддержку семьи в РФ (статья 7), защиту государства (статья 38); социальное обеспечение для воспитания детей (статья 39). Таким образом государство подчеркивает значимость семьи, заинтересованность в ее поддержке.

Классификация семей, представленная в различных научных исследованиях, многообразна. Единообразная классифи-

кация критериев отнесения той или иной категории семей с детьми к нуждающимся в предоставлении мер социальной защиты законодательством не определена, предоставление мер осуществляется на основе принадлежности семей с детьми к той или иной социально-демографической группе: многодетная семья, малообеспеченная (малоимущая) семья, семья, имеющая ребенка (детей) с ограниченными возможностями здоровья, приемная семья (опекунов/попечителей).

Многие авторы, изучая те или иные проблемы в сфере трудового права и права социального обеспечения, рассматривают детей и семьи с детьми как субъектов, нуждающихся в повышенной социальной защите и социальном обеспечении, предлагая при этом установление для них дополнительных трудовых гарантий, повышенных размеров социальных выплат, специальных условий при выходе на пенсию и дополнительных мер социальной поддержки. Наряду с такими проблемными вопросами, упоминаемыми авторами в своих исследованиях, посвященных семьям с детьми, как повышение размеров денежных выплат [15], необходимость установления размера некоторых видов единовременных пособий застрахованным гражданам соразмерно с величиной прожиточного минимума [8], регулирование труда работников с семейными обязанностями [9, 14], введение алиментного пособия [1, 13], были затронуты вопросы региональной дифференциации в отношении мер социальной защиты, применяемых в отношении многодетных семей [6], семей, воспитывающих детей-инвалидов [12].

Защита семьи, создание условий для достойного воспитания детей в семье находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (статья 72). Данные нормы Конституции РФ конкретизируются в нормативно-правовых актах Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, регулирующих отношения в сфере социальной защиты семей с детьми (включая детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей).

В соответствии с Федеральным законом № 414-ФЗ от 21.12.2021 «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (статья 44 п. 49, 50)

к полномочиям органов государственной власти субъекта Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации относятся социальная поддержка и социальное обслуживание граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации; социальная поддержка семей, имеющих детей (в том числе многодетных семей, одиноких родителей); организация оказания государственной социальной помощи, в том числе на основании социального контракта, малоимущим семьям.

Дифференциация отношений по социальной защите семей с детьми в субъектах РФ проявляется в объеме, видах мер, условиях их предоставления в зависимости от региона проживания, устанавливаемых на основании таких критериев, как категория семей, количество детей в семье, их возраст, материальное положение и обусловлена целями и задачами, установленными для решения тех или иных проблем в отношении семей с детьми.

Социальная защита и социальное обеспечение семей с детьми осуществляется как в денежной (пенсии, пособия, субсидии на оплату жилищно-коммунальных услуг, компенсации), так и в натуральной формах (лекарственные препараты, технические средства реабилитации), это также может быть предоставление услуг (социальное обслуживание), прав или преимуществ при предоставлении услуг/прав (поступление в образовательные учреждения, санаторно-курортное обеспечение).

Сбережение народа России как стратегический национальный приоритет подразумевает поддержку семьи, материнства, отцовства и детства, ...повышение рождаемости как обязательное условие для увеличения численности населения России [21]. Укрепление семьи как основы государства, ... формирование условий, при которых семья ощущала бы себя защищенной от рисков, связанных с появлением детей в семье, являются приоритетами государственной семейной политики [10]. Это позволяет избежать перехода благополучной семьи в статус кризисной и не допустить возможного детского сиротства.

Семейная политика (а вместе с ней и демографическая как часть политики социальной) представляет собой интеграцию региональных политик, поэтому усилия и ресурсы субъектов РФ в зависимости от степени и характера существующих в них проблем, с учетом уровня и особенностей экономического развития регионов, их ресурсных возможностей, традиций и пр. должны быть сориентированы на достижение региональных целей и задач, увязанных с национальными целями развития и осуществляемых путем проведения мероприятий, направленных на поддержку семьи, увеличение численности населения.

В контексте стимулирования рождаемости при предоставлении мер социальной защиты приоритет должен отдаваться многодетным семьям как семьям с более низкой материальной обеспеченностью по сравнению с семьями с меньшим количеством детей, особенно в тех регионах, где присутствует отрицательный прирост населения (а их подавляющее большинство, за исключением г. Москвы, Московской области, Ленинградской области, Северо-Кавказского округа, Тюменской области и еще девяти регионов с положительным приростом населения в 2022 году) [48] и суммарный коэффициент рождаемости ниже среднего уровня по России (в 2021 году — 1,5, в 2022 году — 1,42 [49], при необходимом значении 2,15, обеспечивающем простое воспроизводство населения [17, с. 294]. При этом выше этого уровня суммарный коэффициент рождаемости только в Дальневосточном, Уральском и Северо-Кавказском федеральных округах, в Республике Тыва наибольшее значение коэффициента — 2,51).

Е. Жилинский подчеркивает, что «многодетность автоматически относит семью к группе малообеспеченных, даже если такая семья является полной по своему составу и социально благополучной...» [цит. по 6, с. 43]. Таким образом, помощь семье должна быть дифференцирована в зависимости от количества детей.

Многодетные семьи рассматривались в публикациях ученых-юристов как особая социальная группа, характеризующаяся высоким риском бедности. По мнению Е. Г. Азаровой, воспитание детей, их содержание и уход за ними в много-

детной семье подразумевают наличие повышенной нагрузки на родителей и сокращение возможностей для получения средств к существованию за счет оплачиваемой работы, что обуславливает необходимость социального обеспечения многодетной семьи [1].

Как показал анализ нормативно-правовых актов ряда регионов, в них предусмотрены различные по объему, видам, категориям граждан, имеющим право, меры социальной защиты многодетных семей и часто установлены «абстрактные» цели социальной защиты (социальной поддержки или социального обеспечения).

Так, в законах Краснодарского края [31], Приморского края [38] и Свердловской области [31], посвященных мерам социальной поддержки многодетных семей, цель не названа, в Нижегородской области целью (назначением) социальной поддержки многодетных семей является улучшение их положения и обеспечения условий для полноценного воспитания, развития и образования детей из многодетных семей [29], в Новосибирской области целью провозглашено обеспечение защиты семьи, материнства, отцовства и детства [35]. В Мурманской области меры направлены на улучшение социального и материального положения многодетных семей [37]. Таким образом, в тех регионах, где не сформулирована цель предоставления мер социальной поддержки многодетным семьям, сложно оценить и конечный результат от их предоставления. Цель, определяемая как «защита семьи, материнства, отцовства и детства», достаточно абстрактна и может вызывать неоправданно завышенные ожидания у населения, так же как и цели, направленные на «улучшение положения семей».

В отношении многодетной семьи в научной литературе указывалось на отсутствие единообразной трактовки понятия «многодетная семья» и условий, определяющих право субъектов — получателей социального обеспечения, в связи с чем было предложено ввести понятие многодетной семьи на федеральном уровне [6, с. 274].

Так, в ряде субъектов РФ в состав многодетной семьи включаются дети (три и более) в возрасте до 18 лет (Свердловская область), в других — возраст детей увеличен до 23 лет

в случае получения ими образования по очной форме обучения (Нижегородская область, Новосибирская область, Краснодарский край, Приморский край) и при условии, что они находятся на иждивении (Нижегородская область). В Мурманской области приемные дети старше 18 лет исключены из состава многодетной семьи. В Приморском крае исключены дети в возрасте до 23 лет, обучающиеся по очной форме обучения в образовательных организациях, если они вступили в брак. Не во всех законах указывается в качестве условий наличие гражданства (Краснодарский край, Свердловская область, Мурманская область) и место жительства/пребывания (Свердловская область). Различается в регионах и состав многодетной семьи: не указан конкретный ее состав — не уточнено, какие именно дети «находятся на воспитании и/или содержании». Исключение составляют законы Новосибирской области и Приморского края, согласно которым в составе многодетной семьи учитываются и усыновленные дети, и взятые под опеку (включая и приемных детей), и падчерицы, и пасынки.

Таким образом, отсутствует единообразная трактовка понятия «многодетная семья» (отсутствует единый подход к определению ее состава), что приводит к тому, что не во всех регионах семья может быть признана многодетной при ее равном количественном составе, и, соответственно, будет обеспечен разный уровень социальной защищенности многодетных семей в зависимости от региона проживания.

То же самое можно сказать и в отношении влияния на уровень защищенности многодетных семей разных объемов и видов мер социальной поддержки и социального обеспечения, которые обусловлены экономическим положением каждого конкретного региона.

Виды мер социальной поддержки для многодетных семей разнообразны, они связаны с содержанием жилья (компенсации расходов на оплату за жилое помещение, за коммунальные услуги), предоставлением земельных участков и жилых помещений; образованием детей (денежные выплаты на приобретение школьных принадлежностей, внеочередное предоставление мест в образовательных организациях, компенсация части родительской платы за обучение детей,

выплата социальных стипендий и т. д.), лечением (льготное получение лекарств по рецептам) [2, с. 36]. В большинстве своем они идентичны, однако в некоторых регионах присутствуют особые меры. В качестве таковых можно отметить предоставление в Нижегородской области ежегодных выплат к началу учебного года на детей — учащихся общеобразовательных организаций (в сумме 1097 рублей на каждого ребенка), единовременных выплат (в размере 2013 рублей на каждого ребенка — выпускника общеобразовательной организации, получившего аттестат о среднем общем образовании с отметками только «4» и «5») [29, 51]. В Свердловской области предусмотрено единовременное пособие женщине, родившей третьего и последующих детей в сумме 5000 рублей [22]. В Новосибирской области установлено единовременное дополнительное пособие при рождении третьего ребенка в размере 19 800 рублей, материальная помощь при поступлении ребенка в первый класс общеобразовательной организации — 5000 рублей, материальная помощь при поступлении ребенка в образовательную организацию высшего образования — 11 000 рублей, ежегодная компенсация (20–30 %) части стоимости обучения детей из многодетных семей по образовательным программам среднего профессионального образования на платной основе [25, 52], единовременная денежная выплата на ремонт, строительство и приобретение жилья многодетным семьям, имеющим пять и более несовершеннолетних детей в размере 100 000 рублей [35, 52]. В Приморском крае возмещаются расходы на посещение организаций, осуществляющих деятельность в области физической культуры и спорта, в размере 50 процентов от стоимости посещения, но не более 1000 рублей в месяц на каждого ребенка [38, 55]. Законом Нижегородской области, кроме выплат, предусмотрено первоочередное оказание услуг родителям и детям из многодетных семей в организациях социального обслуживания [29].

Что касается социального обслуживания, правовое регулирование и организация которого относится к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Феде-

рации, нужно отметить, что объемы, сроки и условия предоставления социальных услуг в субъектах РФ тоже будут разниться.

Каждый регион самостоятельно устанавливает стандарт социальной услуги, в котором отражены ее объем, сроки и условия предоставления, показатели качества предоставления социальной услуги [20]. Объем социальной услуги выражается в составе действий, входящих в услугу, в продолжительности предоставления услуги (в единицах времени: часы, минуты, дни или количество раз) и включает также периодичность предоставления услуг. Так, например, в Свердловской области объем социально-бытовой услуги «обеспечение кратковременного ухода за детьми», осуществляемой в форме социального обслуживания на дому, составляет до 3 часов за одно посещение с периодичностью предоставления не более 2 раз в неделю [47]. Аналогичная услуга и ее конкретный состав, условия предоставления содержатся в стандарте социальных услуг, предоставляемых в форме социального обслуживания на дому поставщиками социальных услуг в Ханты-Мансийском автономном округе. Кратковременный присмотр за детьми осуществляется путем обеспечения контроля работником поставщика социальных услуг за действиями и поведением детей, обеспечения соблюдения ими личной гигиены, режима дня (в том числе осуществление прогулок, проведение игр, соблюдение режима питания). Объем данной услуги, состоящей из нескольких действий, составляет не более 60 минут за одно посещение, периодичность — до 10 раз в месяц [41]. А такая услуга, как «социально-психологический тренинг для несовершеннолетних», предоставляемая в Свердловской области, в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре предусмотрена только для инвалидов и детей-инвалидов. А в Ульяновской области такой услуги нет совсем [42].

Отсутствие в субъектах РФ единообразия в составе, объеме и показателях качества социальных услуг для детей приводит к существующим региональным различиям в объеме их права на получение социальных услуг. При этом отсутствие единых показателей качества и оценки результатов предоставления социальных услуг не позволяет вовремя принять меры

и скорректировать услуги по видам в части объема, продолжительности и периодичности предоставления. Поэтому следует более четко урегулировать этот вопрос на федеральном уровне. Необходимо на федеральном уровне установить обоснованное минимальное и максимальное время, необходимое на предоставление услуги, минимальные необходимые действия, входящие в состав услуги, и границы периодичности. В целях совершенствования системы социального обслуживания возможна корректировка объема услуги, в связи с чем можно пойти по пути сокращения (увеличения) времени, отведенного на предоставление услуги и (или) корректировки периодичности ее предоставления и (или) путем внесения изменений в состав услуги.

Кроме того, необходимо установить в федеральном законодательстве основополагающие показатели, характеризующие качество социальных услуг. При этом показатели должны различаться для разных категорий получателей, так как, по справедливому замечанию некоторых авторов, использование сравнительного подхода при оценке результатов реализации индивидуальной программы не может быть одинаковым для разных категорий граждан: «следует учитывать, что если он адекватен по отношению к инвалидам, возможности которых ограничены, то его использование для детей, оказавшихся в социально-опасном положении, остается под сомнением» [18]. Например, одной из проблем в работе с несовершеннолетними в социально опасном положении является возврат к привычному уровню жизни без контроля соответствующих служб, поэтому частичное улучшение ситуации может быть временным, возможно быстрое возвращение в прежнее состояние. При оказании социальных услуг детям, оказавшимся в социально опасном положении, результатом должно быть изменение ситуации, выход из сложившегося положения. Оценка степени полноты предоставления социальных услуг в данном случае не будет являться показателем эффективности, так как услуги могут быть оказаны в полном объеме, а несовершеннолетний по-прежнему будет находиться в социально опасном положении, так как его семья не стремится к изменению образа жизни. Поэтому при оценке

эффективности следует опираться и на такой показатель, как устойчивость результата [58]. Еще одним показателем эффективности следует выделить минимизацию последствий социально опасного положения [18].

Если виды мер социальной поддержки в субъектах РФ близки к единообразию, то их количество, объем (размер), форма и условия предоставления различаются от региона к региону. В денежной форме многодетным семьям предоставляются периодические (ежемесячные, ежеквартальные) выплаты в твердой сумме, которые могут производиться, в том числе, в виде ежемесячного пособия (ежемесячной денежной выплаты) на проезд (Нижегородская область, Свердловская область) или питание (Нижегородская область). Размер выплат различный — от 486,25 рубля в месяц [50] (Краснодарский край) до 988 рублей в месяц [51] (Нижегородская область)¹.

Также в денежной форме многодетным семьям предоставляются компенсация расходов на оплату жилья и коммунальных услуг, размер которой отличается в зависимости от региона (от 30 % — Свердловская, Новосибирская области, до 50 % — Нижегородская, Новосибирская области, Приморский край), субсидии (установление для многодетных семей сниженного по сравнению с другими категориями граждан размера максимально допустимой доли собственных расходов на оплату жилья и коммунальных услуг в совокупном доходе семьи в 15 % в Краснодарском крае).

В натуральной форме предусмотрено 1) лекарственное обеспечение детей (бесплатное обеспечение лекарственными препаратами детей в возрасте до 6 лет в фармацевтических организациях по рецептам врачей), 2) льготное (бесплатное) питание (при этом в некоторых регионах питанием обеспечиваются только школьники — Свердловская область, Новосибирская область, а в других регионах кроме школьников еще и учащиеся профессиональных образовательных организаций — Краснодарский край, Мурманская область), 3) приобретение единого социального проездного билета для обучаю-

¹ 2023 год.

щихся в образовательной организации (стоимость 350 рублей в Мурманской области на неограниченное число поездок, 230 рублей в Новосибирской области), 4) земельные участки в целях индивидуального жилищного строительства (предусмотрено во всех рассматриваемых регионах) или единовременная денежная выплата взамен предоставления земельного участка (Новосибирская область) для семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий.

В форме услуг предусмотрено оздоровление и отдых детей в виде освобождения от платы за содержание детей в детских оздоровительных лагерях системы социальной защиты или предоставления компенсации, бесплатное посещение музеев, театров, выставок.

При этом в Приморском крае, например, все меры социальной поддержки предоставляются только многодетной семье, имеющей доход ниже прожиточного минимума, в Новосибирской области и Краснодарском крае — вне зависимости от этого, в Свердловской области предоставление некоторых мер многодетной семье зависит от дохода семьи (например, предоставление компенсации расходов на приобретение комплекта одежды для посещения ребенком общеобразовательной организации в размере не более 2000 рублей один раз в два календарных года на каждого ребенка, обучающегося в общеобразовательной организации).

Важное значение для улучшения демографической ситуации имеет предоставление такой меры, как материнский капитал, который считается наиболее значимым, особенно для вторых и третьих рождений (57, с. 191]. В регионах установлены разные размеры, отличается реализация права на региональный материнский капитал, условия его предоставления. В отличие от федерального материнского (семейного) капитала, в субъектах направления расходования средств регионального капитала существенно шире. Из всех рассмотренных законов, посвященных этому виду выплаты в регионах, разнообразие направлений расходования средств регионального капитала выявлено в Нижегородской и Новосибирской областях. В Нижегородской области предусмотрена единовременная выплата из средств регионального капитала, проведение

ремонта жилых помещений, оснащение жилых помещений индивидуальными приборами учета используемых энергетических ресурсов, отдых и оздоровление детей, приобретение нового легкового автомобиля, автобуса (микроавтобуса) [29]. В Новосибирской — приобретение сельскохозяйственной техники, автотранспорта, оборудования для сельскохозяйственного производства и подключение (технологическое присоединение) жилого дома (части жилого дома) к сетям инженерно-технического обеспечения [23]. Размер регионального капитала на 2023 год установлен в диапазоне от 100 тыс. рублей (Нижегородская область) [51] до 232 тыс. руб. (Приморский край) [55]. Хотя в Нижегородской области суммарный коэффициент рождаемости ниже российского (1,42) и составлял в 2022 году 1,32, в Приморском крае — 1,43 [49], т. е. на одну женщину детородного возраста приходится менее чем 1,5 ребенка. В связи с этим демографические меры поддержки надо направлять на рождение вторых, а не третьих детей.

Как верно заметили Л. М. Прокофьева и С. И. Рыбальченко, при установлении размера регионального материнского капитала регионы, очевидно, руководствуются не текущей демографической ситуацией, а возможностями бюджета и собственными расчетами [56, с. 24]. Поэтому в целях стимулирования рождаемости необходимо расширить направления использования материнского капитала в регионах, так как ограниченное число направлений использования не дает семье возможности выбрать то, в котором она действительно нуждается, а также предоставлять материнский региональный капитал начиная с рождения второго ребенка.

В отношении малообеспеченных семей во избежание иждивенческих настроений применяются обычно поддерживающие меры, позволяющие семье пережить «временные трудности». Если в целом по РФ уровень бедности в 2022 г. составлял 9,8 %, то по регионам РФ от 4,5 % (Ямало-Ненецкий АО) до 30,5 % (Республика Ингушетия) [48], поэтому меры социальной защиты в регионах с высоким уровнем бедности должны быть направлены в первую очередь на снижение этого уровня.

В своем назначении законы, связанные с оказанием социальной помощи малоимущим семьям, в регионах схожи и дублируют федеральное законодательство (Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи») в части предоставления социальной помощи малоимущим семьям и малоимущим гражданам. В этом отношении вышеназванный закон, устанавливающий основы оказания государственной социальной помощи малоимущим семьям, малоимущим одиноко проживающим гражданам на федеральном уровне, служит неким образцом для регионального законодательства, которое в результате содержит схожие положения применительно к условиям и срокам предоставления помощи на основании социального контракта, видам мероприятий программы адаптации. Список мероприятий программы в регионе может быть и расширен (как, например, в Приморском крае).

В качестве основного критерия дифференциации при предоставлении социальной помощи малоимущим семьям применяется уровень их материального положения. При определении права на те или иные виды пособий величина среднедушевого дохода может устанавливаться в размере 50 % или 100 % прожиточного минимума в регионе. Например, в Нижегородской области при наличии среднедушевого дохода семьи ниже 50 процентов величины прожиточного минимума по основным социально-демографическим группам населения выплачивается социальная помощь в виде ежемесячного социального пособия, если от 50 процентов до 100 процентов величины прожиточного минимума — социальная помощь в виде единовременного социального пособия на первоочередные нужды [24].

В качестве положительного момента можно отметить установление приоритетного порядка оказания государственной социальной помощи на основании социального контракта по мероприятиям, связанным с поиском работы и мероприятиям, направленным на оказание государственной социальной помощи в целях удовлетворения текущих потребностей граждан в приобретении товаров первой необходимости, одежды, обуви, лекарственных препаратов и т. п. в первую

очередь семьям, имеющим детей (Нижегородская область, Краснодарский край, Новосибирская область) [24, 34, 23]. Следует обратить внимание на отсутствие в законах Нижегородской и Мурманской областей расшифровки понятия «трудная жизненная ситуация» [24, 28].

Кроме предоставления государственной социальной помощи поддержка малоимущих семей осуществляется в виде единовременных и ежемесячных пособий (выплат), обеспечения питанием или компенсации его стоимости. Размер, порядок назначения и выплаты, индексации пособий различны, что порождает неравенство прав граждан на получение меры поддержки в зависимости от места жительства. Размер ежемесячных пособий на детей малоимущих семей незначителен и составляет, например, от 244 рублей до 477 рублей в месяц в Краснодарском крае [50], от 718 рублей до 2873 рублей в Свердловской области [53], от 100 до 200 рублей в Нижегородской области [52], от 446 рублей до 669 рублей в Новосибирске [43]. Кроме пособий для малоимущих семей в Нижегородской области предоставляется ежемесячное пособие на питание беременным женщинам (600 рублей), единовременное пособие на рождение ребенка (8000 рублей на рождение первого и второго ребенка, 10 000 рублей — на рождение третьего ребенка и следующих детей) [26], обеспечение бесплатным питанием детей первого и второго года жизни [40], также дети обеспечиваются ежегодной единовременной выплатой к началу учебного года в размере 1097 рублей и ежемесячной денежной выплатой на обеспечение питанием на детей из малоимущих семей 988 рублей [32]. В Новосибирской области предусмотрена ежегодная выплата на приобретение школьно-письменных принадлежностей на каждого ребенка школьного возраста из малоимущей многодетной семьи — 330 руб. и единовременная денежная выплата малоимущей семье, в которой одновременно родились двое или более детей — 5500 руб. [30].

Вряд ли установленные в таком размере пособия на детей позволяют поддерживать достойный уровень жизни в семье и помогают выйти из трудной жизненной ситуации, и, кроме

того, вряд ли целесообразно «распылять» таким образом столь незначительные суммы между малоимущими семьями.

По мнению некоторых авторов, установление критериев нуждаемости может иметь и негативные последствия, когда часть граждан, желая получить/сохранить право на то или иное пособие, на период, связанный с его выплатой, будут соглашаться на «серую» заработную плату, неполную занятость, занятость в неформальном секторе экономики и т. д. Семьи, в которых доход немногим выше нормативно установленных требований для получения выплат, рассматривают отказ в их предоставлении как социальную несправедливость [16, с. 224]. Ориентация помощи малоимущим семьям на достаточно скромный прожиточный минимум оставляет без помощи тех, чьи доходы незначительно превышают его, хотя их тоже можно считать малоимущими [57, с. 194].

Обращает на себя внимание слабая ориентация назначаемых региональным законодательством мер социальной поддержки на малообеспеченные семьи, в отличие от мер, предназначенных для многодетных семей. Например, в Новосибирской области предусмотрено более 20 различных мер для многодетных семей, в остальных регионах — около 10 мер, в отношении малоимущих семей наибольшее количество мер в Приморском крае — немногим более 10, в остальных — менее 10. Соотношение количества мер для многодетных и малообеспеченных семей дает основание полагать, что меры сфокусированы в большинстве своем на многодетных семьях и направлены, таким образом, на стимулирование рождаемости. Для улучшения социально-экономического положения малообеспеченных семей, снижения уровня бедности в семьях с детьми видится удачным введение нового вида пособия, связанного с рождением и воспитанием детей из малоимущих семей.

Е. Г. Азарова совершенно справедливо делит детей на имеющих семью и воспитываемых в ней, а также лишенных попечения родителей, так как это различие существенно отражается на их правовом положении, условиях жизнедеятельности, а также на их социальном обеспечении. Дети, оказавшиеся вне родной семьи, являются социальной группой,

находящейся в трудной и (или) опасной жизненной ситуации и нуждающейся не только в повышенном внимании, но и в особом социальном обеспечении [1].

В приемных семьях, семьях опекунов (попечителей) основные меры предоставляются в виде денежных выплат на содержание ребенка в семье, вознаграждения приемным родителям и освобождения от платы за содержание жилого помещения и коммунальные услуги. Кроме того, в большинстве субъектов Российской Федерации на замещающие семьи, имеющие троих и более детей, включая родных и усыновленных, распространяются меры социальной защиты, установленные региональным законодательством для многодетных семей.

За время пребывания в семье опекуна, попечителя, приемных родителей, детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, предоставляется полное государственное обеспечение — бесплатное питание, бесплатный комплект одежды, обуви и мягкого инвентаря, проживание в жилом помещении без взимания платы или возмещение их полной стоимости, а также бесплатное оказание медицинской помощи [19]. Полное государственное обеспечение предоставляется в виде денежных выплат — пособий на содержание детей (при проживании в «новых» семьях).

Предусмотренные законодательством дополнительные гарантии для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (за исключением детей, обучающихся в федеральных государственных образовательных организациях), являются расходными обязательствами субъектов Российской Федерации, т. е. уровень полного государственного обеспечения будет устанавливаться субъектами РФ в зависимости от их финансовой возможности.

В настоящее время размеры денежных средств на содержание детей, находящихся под опекой и попечительством, в приемных семьях, установлены в законах субъектов РФ в твердой сумме и в разных размерах в зависимости от региона проживания и выплачиваются они, как правило, до 18-летия. В некоторых регионах объем денежных средств дифференцируется в зависимости от возраста ребенка и состояния здоро-

вья (инвалидности). Дифференциация размеров денежных средств на содержание ребенка приветствуется, так как позволяет учесть особенности здоровья (хронические болезни, инвалидность) и возрастные изменения, подразумевающие повышенный объем денежных средств на содержание, так как потребности в зависимости от возраста и у нездоровых детей отличаются. Отсутствие каких-либо минимальных норм или нормативов, относящихся к правовым гарантиям, обеспечивающим реализацию социальных прав детей в семьях опекунов и попечителей, приводит к тому, что дети находятся в разном положении в зависимости от региона проживания. То же самое относится и к приемным семьям. Например, в Краснодарском крае прожиточный минимум для детей в 2023 году составил 13 386 руб., [39] размер денежных средств на содержание ребенка, находящегося под опекой, — 13 675 руб. [50], в Свердловской области установлен размер денежных средств от 11 639 руб. до 18 158 руб. в зависимости от возраста и наличия инвалидности у ребенка [53] при прожиточном минимуме 14 623 руб. [44]. В Нижегородской области — от 8786 руб. до 10 982 руб. в зависимости от возраста [52] при прожиточном минимуме 13 108 руб. [45]. В Новосибирской области от 12 127 руб. до 14 440 руб. в зависимости от возраста [52] при прожиточном минимуме 15 261 руб. [43]. Таким образом, далеко не во всех регионах размер денежных средств на содержание ребенка соответствует прожиточному минимуму. При этом надо иметь в виду, что согласно статье 67.1 Конституции РФ государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения.

Кроме того, непонятно, каково основание для установления размеров или сумм денежных средств на ребенка, находящегося под опекой. Постановлением Правительства Российской Федерации от 20 июня 1992 года № 409 «О неотложных мерах по социальной защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (утратило силу) были установлены для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, находящихся в детских лечебно-профилактических учреждениях, воспитывающихся и обучающихся

в учебно-воспитательных учреждениях и учебных заведениях, нормы питания, обеспечения одеждой, обувью, мягким инвентарем и необходимым оборудованием, суммы расходов на культурно-массовую работу, приобретение хозяйственного инвентаря, предметов личной гигиены, игр, игрушек, книг на каждого воспитанника из числа детей-сирот и детей оставшихся без попечения родителей. Данные нормы на основании этого же документа распространялись на детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, переданных под опеку (попечительство) в семьи граждан, в приемные семьи и детские дома семейного типа. Приказом Министерства образования Российской Федерации от 16 февраля 1993 г. № 50 «Об утверждении Положения о порядке выплаты денежных средств на детей, находящихся под опекой (попечительством)» (утратил силу) было установлено, что местные органы управления образованием выплачивают опекунам (попечителям) денежные средства на питание, приобретение одежды, обуви, мягкого инвентаря подопечным, исходя из установленных натуральных норм, по фактическим ценам данного региона, что не нашло отражения в действующем законодательстве рассматриваемых регионов. В настоящее время обоснование сумм денежных средств на содержание ребенка, находящегося под опекой и попечительством, присутствует, например, в г. Москве, где законом установлены нормы и нормативы на содержание детей, находящихся под опекой и попечительством, и, кроме того, указано на недопустимость несоответствия денежных средств на содержание ребенка величине прожиточного минимума в регионе [46].

Таким образом, необходимо закрепить на федеральном уровне обязанность установления в субъекте РФ размера полного государственного обеспечения для детей, проживающих в семьях опекунов, попечителей, приемных семьях, не ниже полуторной величины прожиточного минимума, установленного в регионе (по аналогии с установлением размера предельной величины среднедушевого дохода для предоставления социальных услуг бесплатно, который не может быть ниже полуторной величины прожиточного минимума, установленного в субъекте Российской Федерации для основных

социально-демографических групп населения). А далее субъекты РФ могут увеличивать этот минимально установленный размер, учитывая специфику социально-экономического развития региона, практики правоприменения, наличия финансовых средств, необходимости решения наиболее насущных проблем в регионе в сфере социальной защиты замещающих семей.

Как указала в своем исследовании Ю. В. Васильева, «децентрализация правового регулирования отношений по социальному обеспечению, оцениваемая известными российскими учеными как недостаток российской системы законодательства в целом, а тем более в условиях неравномерного и недостаточного уровня социально-экономического развития большинства субъектов РФ, чревата нарушением конституционного принципа равенства прав и свобод российских граждан» [5, с. 262]. Это заставляет задуматься о необходимости закрепления федерального минимального уровня гарантий, обеспечивающих достойный уровень социального обеспечения семей, имеющих детей.

Уровень гарантий может выражаться в виде минимальных государственных социальных стандартов [4], единых минимальных норм (стандартов) социального обеспечения, «гарантируемых государством, в размере, обеспечивающем каждому человеку жизненный уровень, достаточный для поддержания его здоровья и благосостояния». Такие стандарты могут ориентироваться на величину прожиточного минимума [11].

Например, можно гарантировать определенный размер выплат независимо от места жительства детей, воспитывающихся в семьях, на территории России, независимо от регионов проживания, т. е. меры социальной защиты должны быть предоставлены в минимально гарантированном объеме, одинаковом вне зависимости от региона проживания детей, подтверждающем конституционный принцип равенства прав и свобод российских граждан.

Подводя итог, можно отметить следующее. Правовое регулирование отношений по предоставлении мер социальной защиты семьям, имеющим детей, в субъектах РФ подтверж-

дает наличие как субъектной дифференциации (в отношении многодетных, малообеспеченных, замещающих семей), так и внутривидовой [59, с. 407] (установление особенностей в предоставлении того или иного вида социального обеспечения в зависимости от конкретной ситуации) при определении размеров мер и при установлении условий их предоставления.

Таким образом, внутри категории многодетная семья как субъекта — адресата, нуждающегося в повышенной социальной защите, дополнительно выделяются критерии дифференциации в зависимости от количества детей в семье, их возраста, гражданства, уровня получаемого ребенком образования. Категория «малоимущая семья» содержит такие критерии дифференциации, как гражданство, уровень дохода. В замещающих семьях в качестве критериев дифференциации выступают возраст детей, состояние их здоровья. С одной стороны, такая «многоступенчатость» критериев расценивается положительным образом, так как в полной мере учитывает все возможные особенности. Однако идентичные критерии дифференциации будут отличаться в зависимости от региона проживания, что приводит к различному уровню реализации прав семей, имеющих детей. Для выравнивания данного уровня необходимо:

- 1) закрепить единообразную трактовку понятия «многодетная семья» на федеральном уровне;

- 2) соотносить цели предоставления тех или иных мер социальной защиты в регионе с национальными приоритетами, целями и задачами, ориентируясь при этом на проблемы и возможности региона;

- 3) установить единые показатели качества и оценки результатов предоставления социальных услуг;

- 4) предоставлять региональный материнский капитал в том числе и на второго ребенка;

- 5) установить на федеральном уровне минимально гарантированный объем мер социальной защиты независимо от места жительства детей, воспитывающихся в семьях, в раз-
мере, например, не ниже полуторной величины прожиточного минимума в регионе.

Литература

1. Азарова Е. Г. Социальное обеспечение детей: теоретические подходы: моногр. М.: Контракт, 2012. 256 с.
2. Анализ правовых механизмов предоставления мер социальной поддержки семьям с детьми в Российской Федерации на федеральном уровне и в субъектах Российской Федерации / под ред. канд. экон. наук В. В. Трубина. Научный доклад. М.: Научно-исслед. фин. ин-т, 2015. 94 с.
3. Архангельский В. Н., Зинькина Ю. В., Коротаев А. В., Шульгин С. Г. Современные тенденции рождаемости в России и влияние мер государственной поддержки // Социологические исследования. 2017. № 3 (395). С. 43–50.
4. Бондарева Э. С. Социальные стандарты по трудовому праву и праву социального обеспечения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 27 с.
5. Васильева Ю. В. Кодификация российского законодательства о социальном обеспечении: теоретические и практические проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 55 с.
6. Гусева Т. С. Социальное обеспечение семьи, материнства, отцовства и детства в России: теоретические и практические проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 347 с.
7. Елизаров В. В., Джанаева Н. Г. Материнский (семейный) капитал как программа поддержки семей с детьми: итоги реализации и перспективы развития (Часть вторая) // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16. № 4. С. 21–35.
8. Корсаненкова Ю. Б. Российская система социальных пособий на детей (правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 27 с.
9. Москвичева Т. М. Особенности правового регулирования труда женщин, работников с семейными обязанностями и опекунов (попечителей) несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2005. 28 с.
10. Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р // Собрание законодательства РФ. 01.09.2014. № 35. Ст. 4811.
11. Самарина О. А. Российское законодательство о социальном обеспечении и роль в его развитии конституционного (уставного) правосудия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2014. 27 с.
12. Семянникова Д. А. Правовое регулирование социального обеспечения детей-инвалидов в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 214 с.
13. Соловьева Е. В. Социальное обеспечение семей с детьми как элемент социальной защиты населения России в переходный к рыночной экономике период: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. 32 с.
14. Харитоновна А. О. Работники с семейными обязанностями: дифференциация правового регулирования как средство обеспечения

- международным трудовым и российским трудовым правом равных возможностей: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Пермь, 2003. 24 с.
15. Шаманаева И. И. Вопросы соотношения российского законодательства о социальном обеспечении с международными актами о правах человека: дис. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. 235 с.
 16. Герасимова Е. А., Еремин В. В. К вопросу о совершенствовании государственных мер поддержки граждан, имеющих детей // Вестник СГЮА. 2022. № 5 (148). С. 220–226. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sovershenstvovanii-gosudarstvennyh-mer-podderzhki-grazhdan-imeyushih-detey> (дата обращения: 07.06.2023).
 17. Липухин Д. Н. Территориальные различия рождаемости населения современной России. Журналистика и география: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Воронеж: Факультет Журналистики; Факультет Географии, геоэкологии и туризма ВГУ, 2020. Т. 1. 332 с. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44357935_10587441.pdf (дата обращения: 12.06.2023).
 18. Новоселова К. С. Специфика оценки эффективности индивидуальной программы предоставления социальных услуг детям, оказавшимся в социально-опасном положении // Цифровизация образования: теоретические и прикладные исследования современной науки: мат-лы XXVII Всерос. науч.-практ. конф. (Ростов-на-Дону, 25 января 2021 года). В 2-х ч. Ч. 1. Изд-во: Южный университет (ИУБиП), ООО «Издательство ВВМ», 2021. С. 174–178. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44740677_54562966.pdf (дата обращения: 15.02.2023).
 19. О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: федер. закон от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ (ред. от 29.05.2023) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12778/ (дата обращения: 14.06.2023).
 20. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: федер. закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 11.06.2023).
 21. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 16.06.2023).
 22. О защите прав ребенка: закон Свердловской области от 23 октября 1995 г. № 28-ОЗ (с изм. на 24 мая 2023 года) // АО «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/801111999?section=status> (дата обращения: 03.06.2023).
 23. О социальной помощи на территории Новосибирской области: закон Новосибирской области от 05 декабря 1995 г. № 29-ОЗ (с изм. на 1 декабря 2020 года) // АО «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/5401707?marker§ion=text> (дата обращения: 13.06.2023).
 24. Об адресной государственной социальной поддержке малоимущих семей или малоимущих одиноко проживающих граждан в Нижего-

- родской области: закон Нижегородской области от 8 января 2004 г. № 1-3 (с изм. на 5 августа 2022 года) // АО «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/944919342> (дата обращения: 12.06.2023).
25. О молодежной политике в Новосибирской области: закон Новосибирской области от 12 июля 2004 г. № 207-ОЗ (с изм. на 16 декабря 2022 года) // АО «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/5415960> (дата обращения: 10.06.2023).
 26. О мерах социальной поддержки граждан, имеющих детей: закон Нижегородской области от 24 ноября 2004 года № 130-3 (с изм. на 16 мая 2022 года) // АО «Кодекс» URL: <https://docs.cntd.ru/document/944922052?marker=65C0IR§ion=text> (дата обращения: 13.06.2023).
 27. О пособии на ребенка: закон Краснодарского края от 15 декабря 2004 г. № 807-КЗ (с изм. на 30 декабря 2022 года) // АО «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/461607754> (дата обращения: 14.06.2023).
 28. О государственной социальной помощи в Мурманской области: закон Мурманской области от 23 декабря 2004 г. № 549-01-ЗМО (с изм. на 30 июня 2022 года) // АО «Кодекс» URL: <https://docs.cntd.ru/document/913508024> (дата обращения: 12.06.2023).
 29. О мерах социальной поддержки многодетных семей: закон Нижегородской области от 28 декабря 2004 г. № 158-3 (с изм. на 16 мая 2022 года) // АО «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/944922052> (дата обращения: 15.06.2023).
 30. О социальной поддержке граждан, имеющих детей: закон Новосибирской области от 29 декабря 2004 г. № 255-ОЗ (с изм. на 21 декабря 2022 года) // АО «Кодекс» URL: <https://docs.cntd.ru/document/5417482> (дата обращения: 07.06.2023).
 31. О социальной поддержке многодетных семей в Краснодарском крае: закон Краснодарского края от 22 февраля 2005 г. № 836-КЗ (с изм. на 30 декабря 2022 года) // АО «Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/901711591#/reg> (дата обращения: 15.06.2021).
 32. О социальной поддержке отдельных категорий граждан в целях реализации их права на образование: закон Нижегородской области от 30 декабря 2005 г. № 212-3 (с изм. на 6 февраля 2023 года) // АО «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/944925188> (дата обращения: 09.06.2023).
 33. О социальной поддержке многодетных семей в Свердловской области: закон Свердловской области от 20 ноября 2009 г. № 100-ОЗ (с изм. на 27 февраля 2023 года) // АО «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/895226485?marker> (дата обращения: 17.06.2023).
 34. О прожиточном минимуме и государственной социальной помощи в Краснодарском крае: закон Краснодарского края от 9 июня 2010 г. № 1980-КЗ (с изм. на 6 июля 2022 года) // АО «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/461602881> (дата обращения: 14.06.2023).
 35. О социальной поддержке многодетных семей на территории Новосибирской области: закон Новосибирской области от 06 октября 2010 г. № 533-ОЗ (с изм. на 16 декабря 2022 года) // АО «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/5442703> (дата обращения: 13.06.2023)

36. О дополнительных мерах социальной поддержки многодетных семей на территории Новосибирской области: закон Новосибирской области от 30 сентября 2011 г. № 125-ОЗ (с изм. на 27 апреля 2023 года) // АО «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/465702050?section=text> (дата обращения: 11.06.2023).
37. О социальной поддержке многодетных семей в Мурманской области: закон Мурманской области от 7 декабря 2011 г. № 1438-01-ЗМО (с изм. на 30 мая 2022 года) // АО «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/913522133> (дата обращения: 12.06.2023).
38. О социальной поддержке многодетных семей, проживающих на территории Приморского края: закон Приморского края от 23 ноября 2018 года № 392-КЗ (с изм. на 30 сентября 2022 года) // АО «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/550245874> (дата обращения: 07.06.2023).
39. Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в Краснодарском крае на 2023 год: постановление Губернатора Краснодарского края от 16 декабря 2022 № 961 // АО «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/406386011?section=text> (дата обращения: 09.06.2023).
40. Об утверждении Положения о порядке обеспечения полноценным питанием детей в возрасте до трех лет через специальные пункты питания (молочные кухни) по заключению врачей в городском округе город Нижний Новгород: постановление Правительства Нижегородской области от 30 декабря 2011 г. № 1125 (с изм. на 26 мая 2020 года) // АО «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/944957604> (дата обращения: 09.06.2023).
41. О порядке предоставления социальных услуг поставщиками социальных услуг в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре: постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 6 сентября 2014 г. № 326-п (с изм. на 28 октября 2022 года) // АО «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/411706247> (дата обращения: 12.02.2023).
42. Об утверждении порядка предоставления социальных услуг поставщиками социальных услуг в Ульяновской области: постановление Правительства Ульяновской области от 6 августа 2015 г. № 385-п (с изм. на 22 октября 2021 года) // АО «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/463710890> (дата обращения: 12.02.2023).
43. О прожиточном минимуме в Новосибирской области на 2023 год: Постановление Правительства Новосибирской области от 13 декабря 2022 № 589-п // АО «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/465754982?section=text> (дата обращения: 12.06.2023).
44. Об установлении величины прожиточного минимума в Свердловской области на 2023 год: постановление Правительства Свердловской области от 15.12.2022 № 864-ПП // АО «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/406388561> (дата обращения: 09.06.2023).
45. Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам насе-

- ния по Нижегородской области на 2023 год: постановление Правительства Нижегородской области от 16 декабря 2022 г. № 1080 // АО «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/571723431?section=text> (дата обращения: 10.06.2023).
46. О порядке и размере выплаты денежных средств на содержание детей, находящихся под опекой (попечительством): закон г. Москвы от 15 декабря 2004 г. № 87 (с изм. на 24 марта 2021 года) // АО «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/3656740?section=text> (дата обращения: 11.06.2023).
 47. Об утверждении стандартов социальных услуг: приказ Министерства социальной политики Свердловской области от 11 августа 2015 г. № 482 (с изм. на 11 января 2023 года) // АО «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/429016217?section=text> (дата обращения: 05.06.2023).
 48. Официальный сайт Росстата. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278934/> (дата обращения: 15.06.2023).
 49. Официальный сайт ЕМИСС Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31517> (дата обращения: 15.06.2023).
 50. Официальный сайт Министерства труда и социального развития Краснодарского края Краснодарский край. URL: <https://szn.krasnodar.ru/> (дата обращения: 10.06.2023).
 51. Официальный сайт Министерства социальной политики Нижегородской области. URL: <https://minsocium.ru/index.php/> (дата обращения: 10.06.2023).
 52. Официальный сайт Министерства труда и социального развития Новосибирской области. URL: <https://mtsr.nso.ru/page/2134#06> (дата обращения: 10.06.2023).
 53. Официальный сайт Министерства социальной политики Свердловской области. URL: <https://msp.midural.ru/> (дата обращения: 08.06.2023).
 54. Официальный сайт Министерства труда и социального развития Мурманской области. URL: <https://minsoc.gov-murman.ru/activities/msp/semyam-s-detmi/> (дата обращения: 08.06.2023).
 55. Официальный сайт Министерства труда и социальной политики Приморского края. URL: <https://soctrud.primorsky.ru/SocialProtection/SupportMeasures> (дата обращения: 08.06.2023).
 56. Прокофьева Л. М., Рыбальченко С. И. Поддержка семьи, материнства и детства в регионах России // Народонаселение. 2013. № 4 (62). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podderzhka-semi-materinstva-i-detstva-v-regionah-rossii> (дата обращения: 12.06.2023).
 57. Синица А. Л. Демографическая и семейная политика в современной социальной политике: теоретические подходы, цели, механизмы реализации и оценка результативности (часть 2) // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18 № 2. С. 189–200. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskaya-i-semeynaya-politika-v-sovremennoy-sotsialnoy-politike-teoreticheskie-podhody-tseli-mehanizmy-realizatsii-i-1> (дата обращения: 10.06.2023).

58. Трапезникова И. С., Новоселова К. С., Яницкий М. С. Оценка эффективности индивидуальных программ предоставления социальных услуг детям, оказавшимся в социально опасном положении // Научные труды Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы: мат-лы XIX Междунар. науч.-практ. конф. по вопросам социальной политики (Санкт-Петербург, 02–03 июня 2021 года). Вып. 1 / под ред. А. И. Балашова. СПб.: Санкт-Петербургское государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы», 2021. С. 18–27. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47972698_70550820.pdf (дата обращения: 11.02.2023).
59. Тучкова Э. Г. К вопросу о критериях дифференциации в социальном обеспечении // Проблемы дифференциации в правовом регулировании отношений в сфере труда и социального обеспечения: мат-лы пятой Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. К. Н. Гусова. М.: Проспект, 2009. С. 401–412.

ПРАВО РЕБЕНКА НА ИМЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРОБЛЕМНЫЙ АСПЕКТ

М. В. Громоздина

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
заведующая кафедрой гражданского
и предпринимательского права
кандидат юридических наук, доцент
m.v.gromozdina@nsuem.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о присвоении имени ребенку и особенностях его правового регулирования в современных условиях, также отмечаются некоторые проблемные аспекты, связанные с изменением имени ребенка и тенденций судебной практики.

Ключевые слова: дети, права, интересы, родители, имя.

Abstract. The article discusses the issue of naming a child and the peculiarities of its legal regulation in modern conditions, and also notes some problematic aspects associated with changing the name of a child and trends in judicial practice.

Key words: children, rights, interests, parents, name.

Право ребенка на имя — это право неимущественного характера, которое возникает в силу рождения и позволяет

индивидуализировать новорожденного человека. Без присвоения имени человек не может быть полноправным участником каких-либо правоотношений, он безлик. «Имянаречение» является очень важным этапом в жизни новорожденного человека. Как правило, имя ребенку дается его родителями.

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ)¹ в статье 19 закрепляет положение о том, что гражданин приобретает и осуществляет права и обязанности под своим именем.

Международные нормативные документы — Конвенция ООН о правах ребенка (1989 года)², Декларация прав ребенка³ (1959 года), Пакт о гражданских и политических правах⁴ (1966 года) также содержат положения об имени ребенка и важности их реализации в обществе. Например, пункт 1 статьи 7 Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. закрепляет правило, в соответствии с которым ребенок регистрируется сразу же после рождения и с момента рождения имеет право на имя. Имя ребенка подлежит регистрации в соответствии с Федеральным законом «Об актах гражданского состояния»⁵, включая фамилию, имя и отчество (пункт 1 статьи 58 Семейного кодекса РФ), которые должны быть указаны в свидетельстве о рождении. Таким образом, закон связывает факт рождения ребенка с возникновением и реализацией его права на получение имени.

В соответствии со статьей 18 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», указание в акте о рождении имени, отчества и фамилии ребенка является обязательным, в силу чего регистрация рождения ребенка оказывается одно-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. на 14.04.2023) (ред., дейст. с 28.04.2023). Ч. 1 // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI, 1993.

³ Декларация прав ребенка от 20.11.1959 // КонсультантПлюс.

⁴ Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // КонсультантПлюс.

⁵ Об актах гражданского состояния: федер. закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ // КонсультантПлюс.

временно и регистрацией его фамилии, имени и отчества. Как отмечает Т. В. Шершень, «... имя включает в себя собственно имя, данное ребенку при рождении, отчество (родовое имя) и фамилию. Выбор собственного имени ребенку — право его родителей. Они могут дать ребенку любое имя, которое только пожелают»¹. Однако на современном этапе имеются ограничения при выборе имени, введенные поправками в названный закон от 2017 года.

Появление на свет нового человека ставит перед родителями непростую задачу выбора имени новорожденного, ведь оно дается при рождении и следует за человеком всю его жизнь. Кто-то из родителей подходит к вопросу выбора имени очень ответственно, кто-то называет малыша, следуя традициям своей семьи, национальным обычаям или использует справочник имен, при выборе имени пользуется астрологическим гороскопом. Имя ребенку присваивается по соглашению родителей.

Запрещается запись имени ребенка, которое состоит из цифр, буквенно-цифровых обозначений, числительных, символов и не являющихся буквами знаков, за исключением знака «дефис», или их любой комбинации либо содержит бранные слова, указания на ранги, должности, титулы². Вместе с тем известны случаи присвоения детям некорректных имен как в России, так и за рубежом³. Итак, имена Король, Царь, Принцесса ребенку присвоить в силу законодательного запрета невозможно. Но ничто не запрещает присваивать ребенку разные варианты имени, например Наталия вместо Наталья

¹ Шершень Т. В. О праве ребенка на имя и учет его интересов при присвоении и перемене имени // Вестник Пермского университета. 2007. Вып. 8 (13). С. 97.

² Интересный факт: Илон Маск и певица Граймс назвали новорожденного сына X Æ A-12: в имени ребенка зашифровано название их любимого самолета-разведчика, математической переменной и искусственного интеллекта. К слову, неизвестно, как они действительно называют ребенка в семье.

³ В ряде государств (таких, например, как Швеция, где принят Закон «Об именах») законодательно закреплён запрет на присвоение имени, которое может вызвать трудности у их носителя или являются оскорбительными, например Лего, Гугл, Икея.

или Ксюша вместо Ксении. Нет ограничений и на количество имен, разделенных дефисом.

В качестве необычных имен новорожденных (данных до законодательного запрета) можно назвать такие как: Королевич Елисей, Дюймовочка, Царевна Несмеяна, Василиса Прекрасная и др. Возможно, что, по мнению родителей, такие имена выглядят оригинальными и сказочными, но имя дается ребенку для реальной жизни и должно быть комфортным как для носителя, так и для окружающих, чтобы дети не страдали от насмешек ровесников.

Бывает так, что мнения самих родителей относительно имени сына или дочери не совпадают. Мама хочет, например, назвать ребенка в честь своей бабушки Ефросиньей, а отец категорически против этого возражает и настаивает, что дочь необходимо назвать Варварой. Аргументация отца — как уменьшительно-ласкательно родители будут называть дочь. Если Варвара — это Варя, то как называть Ефросинью воспитателям в детском саду и самим родителям? Каждый из родителей имеет свою позицию, как назвать новорожденную. Для того чтобы разрешить спор, в интересах ребенка, рождение которого подлежит регистрации в течение месяца, в пункте 4 статьи 58 Семейного кодекса РФ предусмотрено, что при отсутствии соглашения между родителями относительно имени и (или) фамилии ребенка возникшие разногласия разрешаются органом опеки и попечительства. Достаточно часто происходят ситуации, в которых родители начинают процедуру перемены имени (фамилии) ребенка в связи с разводом супругов, обращаясь в суд по причине несогласия второго родителя. Суды действуют в интересах ребенка и, как правило, отказывают в подобных исках, отмечая, что «решение органа опеки и попечительства об отказе в изменении имени ребенку является законным и отвечает интересам несовершеннолетнего, так как с момента рождения ребенка истица соглашалась с выбранным именем, а после разлада в семье и прекращения брачных отношений с супругом подняла вопрос об изменении имени ребенка»¹.

¹ Апелляционное определение Московского областного суда от 10.06.2013 по делу № 33-12783/13 // КонсультантПлюс.

Бывают другие ситуации. Мать ребенка не состоит в браке, и отцовство ребенка не установлено, тогда имя ребенка и его отчество определяются ею, фамилия ребенка указывается по фамилии матери (пункт 5 статьи 58 Семейного кодекса РФ). При этом в случае, если законом субъекта Российской Федерации, основанным на нормах Семейного кодекса Российской Федерации, предусмотрен иной порядок присвоения фамилии и определения отчества ребенка, запись фамилии и отчества ребенка при государственной регистрации рождения производится в соответствии с законом субъекта Российской Федерации.

Регистрация найденного (подкинутого) ребенка осуществляется по заявлениям органов внутренних дел, органов опеки или попечительства или медицинской организации, которые должны быть поданы в течение семи дней с момента обнаружения ребенка¹. Сведения о фамилии, об имени и отчестве найденного (подкинутого) ребенка вносятся в запись акта о его рождении по указанию этих органов или организаций (ст. 14, 16, 18, 19 Федерального закона от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»).

Исходя из положений статьи 58 Семейного кодекса РФ ребенку, рожденному от лиц, состоящих в браке, присваивается фамилия его родителей, а отчество — по имени отца ребенка. Желание (мнение) родителей при присвоении фамилии и отчества ребенку не имеет значения в целом, за исключением случаев присвоения ребенку фамилии — отца или матери (по их выбору), а также двойной фамилии через дефис, но без изменения последовательности написания фамилий, если такая двойная фамилия уже была ранее присвоена полнородным братьям и сестрам. Фамилия не может состоять из более чем двух соединенных фамилий. Двойная фамилия может быть получена не только при регистрации рождения ребенка, но и вследствие ее изменения в результате вступле-

¹ В российской истории имеются примеры присвоения детям, которые были найдены, подкинуты или по другим причинам остались без попечения родителей, фамилии Кукушкин.

ния в брак. Примером носителя двойной фамилии является Уполномоченная по правам ребенка при Президенте РФ — Львова-Белова.

При отсутствии соглашения между родителями относительно имени и (или) фамилии ребенка, возникшие разногласия разрешаются органом опеки и попечительства. Безусловно, такие споры должны разрешаться только исходя из интересов ребенка. При этом во внимание могут приниматься самые разнообразные факторы, включая, например, неблагозвучность фамилии одного из родителей. Вопрос о неблагозвучности фамилии является весьма спорным и зависит от разных факторов, как-то: пол ребенка, территория проживания и др. Например, фамилия Пузикова для девочки, по мнению мамы, является неблагозвучной, поэтому сама она фамилию не меняла при вступлении в брак, а после расторжения брака просит органы ЗАГСа разрешить изменить фамилию дочери. Однако нельзя утверждать, что эта фамилия действительно (всем и всегда) «режет» слух, так как с позиции русского языка она вполне обычная.

При установлении отцовства лица, не состоящего в браке с матерью ребенка, подается совместное заявление родителей в орган ЗАГС (п. 3 ст. 48 Семейного кодекса Российской Федерации), в котором указывается, какую фамилию, имя и отчество будет носить ребенок после установления отцовства.

По вопросу изменения отчества и фамилии ребенка в случае установления отца ребенка, после того как он уже был зарегистрирован матерью в органах ЗАГС, имеются разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2017 года № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей (п. 34): при наличии между родителями спора по вопросу о фамилии и (или) отчестве ребенка после установления отцовства, если они не совпадают с фамилией и (или) именем лица, отцовство которого установлено, суд разрешает такой спор исходя из интересов ребенка.

Суды неоднократно подчеркивали, что детям, проживающим с матерью с рождения и носящим ее фамилию, такое совпадение (фамилий) отвечает их интересам¹, а также то, что наличие разных фамилий матери и ребенка, проживающего с ней, может вызвать определенные трудности в идентификации со стороны общества детей с совместно проживающим родителем, а также трудности правового, организационного и иного характера»².

Россия — многонациональная страна, поэтому исходя из обычаев ряда национальностей, отчество указывается по-другому³. Например, в Чечне и Ингушетии отчество предшествует имени. Тюркские имена образуются с помощью слов «оглы» или «улы». В соответствии с п. 3 ст. 49 Семейного кодекса Республики Татарстан отчество ребенку по соглашению родителей может быть присвоено путем прибавления к имени отца ребенка слова «улы» (для мальчика), слова «кызы» (для девочки)⁴. В соответствии с положениями ст. 58 Семейного кодекса РФ субъекты Российской Федерации имеют право принимать законы с учетом национальных обычаев, в том числе присваивать имена без отчества.

Дискуссионным является вопрос о нежелании матери указывать в свидетельстве о рождении ребенка сведений о его отце в связи с вероятным нарушением прав ребенка, согласно положению п. 3 ст. 17 Федерального закона «Об актах гражданского состояния». Есть мнения, что «сведения об отце, даже являющиеся фикцией, должны вноситься, чтобы избе-

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 31.01.2023 № 160-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина С. на нарушение его конституционных прав пунктом 5 статьи 58 и пунктом 2 статьи 59 Семейного кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс.

² Справка по результатам изучения судебной практики по материалам апелляционной инстанции по гражданским делам, рассмотренным Саратовским областным судом за первый квартал 2018 года // КонсультантПлюс.

³ Интересный факт: Конституционный суд Кыргызстана разрешил гражданам страны присваивать матчество вместо отчества в июне 2023 года, указав, что лица, достигшие 18-летнего возраста, могут выбирать между отчеством и матчеством. Решение вызвало критику в обществе, а потому Верховный суд в ноябре 2023 отменил свое решение.

⁴ Семейный кодекс Республики Татарстан от 13 января 2009 г. № 4-ЗРТ // СПС «Гарант».

жать психологического дискомфорта у ребенка»¹; «не противоречит ли узаконенная вольность со стороны матери естественным правам ребенка на фамилию, имя и отчество или его праву знать своих родителей»². Вполне обосновано было отмечено, что с русскими именами случился очевидный гендерный перекося: в имени ребенка есть указание только на отца (через отчество)³.

Литература

1. Демидова Г. С. Особенности внесения сведений об отце при государственной регистрации рождения ребенка // Цивилист. 2008. № 4. С. 73
2. Нестерова Т. И. Право ребенка на имя по законодательству Российской Федерации // Семейное и жилищное право, 2021. № 6.
3. Тарусина Н. Н., Сочнева О. И. Права детей. М.: Проспект. С. 13.
4. Шершень Т. В. О праве ребенка на имя и учет его интересов при присвоении и перемене имени // Вестник Пермского университета. 2007. Вып. 8 (13). С. 97.

СУБЪЕКТЫ СЕМЕЙНОГО ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ РАСШИРЕНИЯ ИХ КРУГА

В. В. Долинская

Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
профессор кафедры гражданского права
доктор юридических наук, профессор
член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ
civil-VVD@yandex.ru

Аннотация. Предложены классификации субъектов семейного права, обосновано включение в их число организаций, публично-правовых образований, семьи.

Ключевые слова: семейная дееспособность, семейная правоспособность, семейные правоотношения, семья, специальные субъекты семейных правоотношений, члены семьи.

¹ Нестерова Т. И. Право ребенка на имя по законодательству Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2021. № 6.

² Демидова Г. С. Особенности внесения сведений об отце при государственной регистрации рождения ребенка // Цивилист. 2008. № 4. С. 73.

³ Тарусина Н. Н., Сочнева О. И. Права детей. М.: Проспект. С. 13.

Abstract. Classifications of subjects of family law are proposed, the inclusion of organizations, public legal entities, families in their number is justified.

Key words: family dispositive legal capacity; family legal capacity; family legal relations; family; special subjects of family legal relations; family members.

Современный этап развития отечественного права характеризуется возрастающим интересом к проблемам семейных правоотношений. Прежде всего это вызвано повышением внимания государства к вопросам семьи, материнства и детства и обусловлено потребностью решения демографических и иных социальных проблем, существующих в нашей стране, и, соответственно, необходимостью совершенствования системы российского семейного законодательства. В Конституции РФ закреплено, что в Российской Федерации обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства и детства (ч. 2 ст. 7, ч. 1 ст. 38). В Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года в качестве одной из основных задач демографической политики Российской Федерации названо укрепление института семьи, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций семейных отношений¹.

При этом, несмотря на вековую историю семейного права, до сих пор не решен ряд вопросов по субъектам семейных правоотношений. В семейном законодательстве они прямо не поименованы. В отличие, например, от ГК в СК нет подраздела «Лица» (подраздел 2 раздела 1 ГК).

В доктрине нет единства мнений и относительно круга субъектов семейных отношений. Одни определяют перечень субъектов семейных отношений исходя из понятия семьи, данного в ст. 1 Федерального закона от 24.10.1997 №134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации»² (лица, связанные родством и (или) свойством, совместно прожи-

¹ Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 // СЗ РФ. 2007 № 42. Ст. 5009 (с изм.).

² СЗ РФ. 1997. № 43. Ст. 4904 (с изм.).

вающие и ведущие совместное хозяйство), и таким образом сужают его до физических лиц.

Другие связывают понятие субъектов именно с отношениями, регулируемыми семейным законодательством (ст. 2 СК). Однако данная общая норма а) содержит открытый перечень субъектов («и иными лицами»), б) использует некорректное деление: в одних случаях указывает и вид отношений, и лиц, между которыми они складываются, а в других случаях ограничивается только видом отношений, участников которых приходится устанавливать путем анализа других, специальных норм.

Итак, в ст. 2 СК поименованы следующие члены семьи:

- супруги, родители и дети (усыновители и усыновленные);
- другие родственники;
- иные лица.

В законодательстве также упоминаются бывшие супруги (ст. 90, 91 СК), родные братья и сестры (ст. 93 СК), дедушки и бабушки (ст. 94–95 СК), внуки (ст. 94–95 СК), воспитанники и фактические воспитатели (ст. 96 СК), пасынки и падчерицы (ст. 97 СК), отчим и мачеха (ст. 97 СК), опекуны и попечители (ст. 146, 148.1 СК), приемные родители и приемные дети (ст. 153 СК).

Помимо разрозненности норм, касающихся субъектов семейных правоотношений, проблему представляет мобильность состава таких лиц, обусловленная эволюцией общества и права. Возникают новые формы семейных правоотношений, в ряде случаев между новыми лицами.

Например, в 1995 г. в семейное законодательство было введено понятие «приемная семья» (гл. 21 СК). В пункте 1 «Положения о приемной семье», утвержденном постановлением Правительства РФ от 17.07.1996 № 829¹, она определялась как одна из форм устройства на воспитание детей, оставшихся без попечения родителей. В настоящее время приемная семья определяется как опека или попечительство над ребенком или детьми, которые осуществляются по договору о приемной

¹ СЗ РФ. 1996. № 31. Ст. 3721 (утрат. силу).

семье, заключаемому между органом опеки и попечительства и приемными родителями или приемным родителем, на срок, указанный в этом договоре (п. 1 ст. 152 СК).

В результате введения данного института появились новые специальные субъекты семейных правоотношений — приемные дети и приемные родители. При этом одни исследователи считают приемную семью разновидностью опеки (попечительства), другие — самостоятельной формой отношений, а законодатель устанавливает значимую специфику как этих отношений, так и правового статуса их участников, отличного от статуса детей и родителей в узком, классическом смысле слова [см., например: 9; 23].

Другая форма устройства детей, оставшихся без попечения родителей, — патронат, патронатное воспитание, патронатная семья (п. 1 ст. 14 Федерального закона от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»)¹ — предусмотрена законами субъектов РФ, такие законы приняты более чем в 40 субъектах (например, закон Алтайского края от 28.12.2009 «О патронатном сопровождении в Алтайском крае»)².

Патронатная семья имеет неоднозначную правовую природу (задействованы механизмы и административного, и гражданского, и семейного, и трудового права) [см., например: 5; 14, с. 198–202; 17]. Ее истоки можно обнаружить в российском дореволюционном, советском законодательстве первой половины XX в., она считается аналогом широко применяемой за рубежом формы помещения детей в фостеровские семьи.

В связи с развитием вспомогательных репродуктивных технологий встает вопрос о квалификации в качестве субъектов семейных правоотношений потенциальных родителей, донора спермы и суррогатной матери³.

¹ СЗ РФ 2008. № 17. Ст. 1755 (с изм.).

² Сборник законодательства Алтайского края, декабрь 2009 г. № 164, ч. 1. С. 115.

³ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закона от 21.11.2011. Ст. 55. № 323. URL: <http://pravo.gov.ru>, 22.11.2011; СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724 (с изм.).

Помимо медицинских, моральных и правовых вопросов аборта существует проблема квалификации эмбриона — субъект или объект права (в том числе в гражданском, семейном, уголовном праве) [см., например: 22; 24].

Таким образом, «заккрытие» перечня субъектов семейных правоотношений не будет решением проблемы.

Одним из методов познания является классификация понятий и явлений.

Ю. Ф. Беспалов предлагал, например, классифицировать субъектов семейных правоотношений на:

- кровных родственников;
- лиц, приравненных законом к кровным родственникам;
- свойственников;
- участников отношений суррогатного материнства;
- участников отношений по воспитанию и содержанию ребенка, оставшегося без попечения родителей [см.: 3].

Они различаются не только наименованием, но и правами и обязанностями, характером и объемом правосубъектности.

Можно также обратиться к классической триаде участников правоотношений: физические лица, юридические лица, публично-правовые образования [см.: 4].

Ранее в литературе по семейному праву подчеркивалось, что в семейных правоотношениях могут участвовать только физические лица [см.: 13, с. 47–48; 20, с. 42–44], а органы опеки и попечительства, например, рассматривались как субъекты административных правоотношений.

В настоящее время в п. 1 ст. 152 СК органы опеки и попечительства признаны стороной договора о приемной семье. Они также наделены правами и обязанностями в отношении детей, переданных на патронатное воспитание.

Правилами временной передачи детей, находящихся в организациях для детей — сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, — в семьи граждан, постоянно проживающих на территории Российской Федерации (утв. постановлением Правительства РФ от 19.05.2009 № 432)¹, предусмотрено право организаций, в которые помещены дети, лишившиеся

¹ СЗ РФ. 2009. № 21. Ст. 2581.

родительского попечения, временно (например, на период каникул, выходных или нерабочих праздничных дней) исключительно в интересах ребенка с целью обеспечения его воспитания и гармоничного развития передавать детей в семью граждан, постоянно проживающих на территории Российской Федерации. Временная передача ребенка в семью не является формой устройства ребенка в семью на воспитание, но отношения регулируются семейным законодательством.

Все это свидетельствует о наличии легальных оснований квалифицировать некоторые юридические лица в качестве субъектов семейного права.

Представляется, что публично-правовые образования также можно признать специальными субъектами семейно-правовых отношений. Упоминаемые в СК и иных актах государственные органы и органы местного самоуправления действуют не сами по себе как юридические лица, а от имени государства и муниципальных образований. Их акты — регистрация (например, брака, рождения), предписания (например, об отобрании ребенка) — как юридические факты в семейном праве также исходят от публично-правовых образований.

В 90-е гг. XX в. возобновилась дискуссия о семье в системе субъектов отношений. Ее истоки можно обнаружить в римском праве и Русской Правде. В 1949 г. обосновал признание семьи субъектом жилищного права О. П. Луцев [см.: 11]. В 60-х гг. XX в. доказал существование семьи как субъекта правоотношений в социальном обеспечении Е. И. Астрахан [см.: 2, с. 153]. Эта позиция была поддержана В. С. Андреевым и М. Л. Захаровым [см.: 1, с. 217–218; 19, с. 204]. В 1992 г. рабочая группа Екатеринбургского юридического института и Санкт-Петербургского университета под руководством Л. М. Звягинцевой (г. Екатеринбург) разработала и представила в Верховный Совет РФ проект закона РФ «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства», где среди прочего предусматривалось, что семья от своего имени и в интересах всех своих членов должна была вступать в правоотношения с различными субъектами через своего представителя; устанавливались взаимные права и обязанности семьи и государ-

ства, а также их взаимная ответственность, т. е. предусматривалась правосубъектность семьи [по: 18, с. 52–55].

За признание семьи субъектом права высказываются в настоящее время социологи [см., например: 6] и ряд юристов [см., например: 10; 18; 21, с. 42–43].

Мы предлагаем относить к квази-правосубъектным образованиям [см.: 7] наряду с поименованными в законодательстве (например, п. 1 ст. 225.10, ст. 225.11 АПК, ст. 53, 54, 65.2, 174 ГК, п. 2 ст. 11 НК, Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»¹, Федеральный закон от 29.12.2015 № 382 «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»²) и Общероссийском классификаторе организационно-правовых форм ОК 028-2012 (ОКОПФ), утв. Приказом Росстандарта от 16.10.2012 № 505-ст³, такое социально-правовое явление, как семья.

Для этого уже сейчас существует обоснование в источниках права, например:

- п. 3 ст. 16 Всеобщей декларация прав человека 1948 г., ст. 10 Международного Пакта об экономических, социальных и культурных правах от 16.12.1966⁴, ст. 23 Международного Пакта о гражданских и политических правах от 16.12.1966⁵;

- ч. II п. 1 ст. 1, п. 2 ст. 39, п. 2 ст. 45, п. 4 ст. 65 СК, гл. 20 УК РФ, Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей»⁶;

- постановление Правительства РФ от 15.10.2005 № 614 «Об утверждении Правил предоставления субвенций из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на реализацию передаваемых полномочий Российской Федерации по обеспечению жильем ветеранов, инвалидов и семей, имеющих детей-инвалидов»⁷;

¹ СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1930 (с изм.).

² <http://www.pravo.gov.ru> 29.12.2015; СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. 1). Ст. 2.

³ По: СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

⁶ СЗ РФ. 2007. № 1. Ст. 19 (с изм.).

⁷ СЗ РФ. 2005. № 43. Ст. 4399 (с изм.).

- законы субъектов Российской Федерации¹.

Нами разработано определение семьи — это общность физических лиц, не имеющая статуса юридического лица, но обладающая во внешних отношениях как единое целое, очевидное для третьих лиц, частичной правосубъектностью.

Для нее характерны:

- невозможность замены участников;
- целевое объединение;
- наличие общности имущества, участие в которой может не прекращать собственных правомочий участников, но являться предпосылкой более эффективной реализации права каждого из участников [см.: 8; 12, с. 41; 16, с. 61–62; 20, с. 43].

Эти доктринальные рассуждения могут лечь в основу совершенствования семейного законодательства Российской Федерации, что в рамках нормативно-правового обеспечения предусмотрено Концепцией государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, утв. распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р в качестве одного из способов реализации государственной семейной политики².

Литература

1. Андреев В. С. Право социального обеспечения в СССР. М., 1980.
2. Астрахан Е. И. Некоторые вопросы пенсионного правоотношения по советскому трудовому праву // Учен. зап. Вып. 14. ВИЮН. М., 1962.
3. Беспалов Ю. Ф. К вопросу о предмете семейного права // Семейное и жилищное право. 2013. № 6.
4. Гражданское право: Участники правоотношений: учеб. пособие / отв. ред. В. В. Долинская, В. Л. Слесарев (Сер. «Гражданское право» / науч. ред. В. Л. Слесарев). М., 2017.
5. Григорович Е. В. Искусственное оплодотворение и имплантация эмбриона (семейно-правовой аспект): дис. ...канд. юрид. наук. М., 1999.

¹ См., например: ст. 4, 12, 18, 20, 22, 23 Закона Республики Башкортостан от 05.11.1993 № ВС-21/19 «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства»; ст. 7–9, 12, 13, 47 Закона Кабардино-Балкарской Республики от 17.08.1996 № 21-РЗ «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства».

² Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 г. № 1618-р. <http://www.pravo.gov.ru>, 29.08.2014; СЗ РФ. 2014. № 35. Ст. 4811.

6. Дармодехин С. В. Государственная семейная политика в современной России: дис. ... д-ра социол. наук. М., 1997.
7. Долинская В. В. Проблемы квази-правосубъектных образований в частном праве // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сб. мат-лов к XII Ежегод. науч. чтением памяти проф. С. Н. Братуся / В. Ф. Яковлев, Т. Я. Хабриева, В. К. Андреев и др. М., 2017.
8. Долинская В. В. Семья в системе субъектов экономической деятельности: § 1 гл. 2 // Семейный бизнес в правовом пространстве России: моногр. / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М., 2020.
9. Доржиева С. В. Приемная семья. Прошлое, настоящее, будущее. М., 2018.
10. Иванов В. И., Харитонов Ю. С. О субъектах права по законодательству России // Гражданское право. 2012. № 3.
11. Луцев О. П. Семья как субъект права на жилплощадь в СССР. Алма-Ата, 1949.
12. Матвеев Г. К. Советское семейное право. М., 1978.
13. Матвеев Г. К. Советское семейное право. М., 1985.
14. Муратова С. А. Законодательное регулирование и правовая природа договора суррогатного материнства // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6.
15. Нечаева А. М. Семейное право. Курс лекций. М., 1998.
16. Нечаева А. М. Семья и закон. М., 1980.
17. Пестрикова А. А. Обязательства суррогатного материнства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
18. Рабец А. М. Проблемы правосубъектности семьи в семейном праве РФ // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2018. № 1 (54).
19. Советское пенсионное право / под ред. М. Л. Захарова. М., 1974.
20. Советское семейное право / под ред. В. А. Рясенцева. М., 1982.
21. Соловьев В. В. Правовое положение семьи военнослужащего в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
22. Федосеева Н. Н., Фролова Е. А. Проблема определения правового статуса эмбрионов в международном и российском праве // Медицинское право. 2008. № 1.
23. Цветков В. А. Приемная семья как форма устройства детей, оставшихся без попечения родителей, по законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005.
24. Eser Albin. The Legal Status of the Embryo in Comparative Perspective // International journal of medicine and law. 1992. № 11.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ ДЕТЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Н. С. Карцева

Новосибирский юридический институт (филиал)
Национального исследовательского
Томского государственного университета
доцент кафедры гражданского права
кандидат юридических наук, доцент
37korona@mail.ru

П. К. Комиссарова

Общество с ограниченной ответственностью «СТАТУС»
ведущий специалист
pkomissarova@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемным аспектам реализации прав и интересов детей, в частности на пребывание с близкими родственниками, материальное обеспечение и культурное развитие.

Ключевые слова: дети, права, интересы, близкие родственники, материнский капитал, нравственное развитие.

Abstract. The article is devoted to the problematic aspects of the realization of the rights and interests of children, in particular, to stay with close relatives, material support and cultural development.

Key words: children, rights, interests, close relatives, maternity capital, moral development.

Обеспечение прав и законных интересов детей, полноценная и эффективная их защита от факторов, негативно влияющих на формирование личности, а именно физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное ее развитие, являются приоритетным направлением в области государственной политики, что подтверждается наличием в законодательстве Российской Федерации определенной системы мер, направленных на создание благоприятных условий жизнедеятельности ребенка. Однако, как показывает правоприменительная практика, существующие положения нормативных правовых актов в сфере обеспечения прав детей не всегда отвечают потребностям современного общества,

семьи, а также интересам самих несовершеннолетних при непосредственной реализации ими своих прав.

Так, статьей 67 Семейного кодекса Российской Федерации [5] дедушкам, бабушкам, братьям, сестрам и другим родственникам гарантировано право на общение с ребенком. При этом широко известны случаи, когда, например, бабушке или дедушке воспитатели детского сада не разрешали забрать внука, причем несмотря на то, что в настоящий момент на законодательном уровне не закреплён перечень лиц, имеющих право забирать ребенка из дошкольного учреждения. Действия работников детского сада в этом случае являются законными, так как в соответствии с семейным законодательством только родители (законные представители) несут ответственность за своих детей, образовательная же организация, согласно статье 28 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [4], отвечает за жизнь и здоровье обучающихся непосредственно во время освоения образовательной программы. В связи с этим воспитатели детского сада вправе передавать детей только их родителям или законным представителям, так как иные лица не уполномочены нести ответственность за данного ребенка. Напомним, что по действующему законодательству законными представителями несовершеннолетних являются родители, усыновители, опекуны и попечители. Очевидно, что дедушки и бабушки без надлежащего оформления полномочий не имеют законного основания забирать внуков из детского сада. Указанная ситуация имеет продолжение, например, если внука оставляют на какое-то время погостить у близких родственников. Изменяется ли в этом случае правовой статус ребенка как временно пребывающего под их надзором?

Получается, что исходя из анализа действующего законодательства ребенок вообще не имеет права находиться в гостях у близких родственников в течение определенного периода времени, имея право лишь на общение с ними. В этой связи возникает вопрос: что вкладывает законодатель в понятие «общение с ребенком»? Оговоримся, на настоящий момент Верховным судом РФ не дано разъяснений по поводу объема

полномочий дедушек и бабушек по отношению к внукам, хотя официальное обращение с такой просьбой было направлено еще в 2021 году Советом при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства. Представляется, что указанное понятие не включает в себя возможность краткосрочного пребывания ребенка с близкими родственниками по месту их жительства либо нахождения, так как исследование различной литературы, содержащей анализ определения термина «общение», показало, что данное понятие подразумевает непосредственный обмен информацией вне зависимости от расстояния между собеседниками.

Итак, подчеркнем, временное пребывание ребенка с близкими родственниками с согласия родителей действующим законодательством хотя и не запрещается, но и в достаточной мере не регламентируется. В связи с чем возникает ситуация, когда, отправляя детей, например, на летний период к бабушке и дедушке, несовершеннолетний фактически остается без попечения родителей, так как проживает вне места жительства родителей, а забота о ребенке ложится на дедушку и бабушку, что противоречит законодательству, ведь, как уже было сказано выше, ответственность за жизнь и здоровье ребенка несут его родители (законные представители). Таким образом, в настоящее время внук или внучка не имеют права проводить, например, каникулы у бабушки и дедушки или же отправиться с ними на отдых по территории России, так как пребывание ребенка в течение определенного периода времени с близкими родственниками отдельно от родителей юридически приравнивается к оставлению ребенка без их попечения.

Однако, стоит отметить, что в России традиционно именно бабушки и дедушки зачастую выполняют роль родителей, пока последние находятся в командировке, на лечении или в других ситуациях, связанных с их отсутствием, не нарушая при этом интересы ребенка. Для разрешения существующих противоречий в 2020 г. в Государственную думу был внесен Законопроект № 1030390-7 «О внесении изменений в статью 55 Семейного кодекса Российской Федерации и ста-

тью 13 Федерального закона «Об опеке и попечительстве» [7], в котором была предпринята попытка обеспечить ребенку право с согласия родителей временно пребывать у дедушек, бабушек, совершеннолетних братьев, сестер и других близких родственников. Однако по состоянию на июнь 2023 года законопроект так и не был рассмотрен Государственной думой.

Таким образом, в период временного пребывания ребенка с близкими родственниками при условии, что родители на протяжении этого времени им интересуются, продолжают заботу о нем и не создают угрозу нарушения его прав и законных интересов, безусловно, нельзя говорить об изменении правового статуса ребенка, а именно об оставлении его без попечения родителей. Однако для решения проблем в правоприменительной практике и предупреждения попыток безосновательного вмешательства в жизнь семьи органов опеки и попечительства, в целях обеспечения полноценного развития ребенка в кругу близких родственников представляется необходимым принять указанный Законопроект, в соответствии с которым детям будет предоставлено право не только на общение с дедушками, бабушками, братьями, сестрами и другими близкими родственниками, но и на пребывание с ними.

Говоря об общении и пребывании ребенка с близкими родственниками, нельзя не отметить колоссальную помощь старшего поколения в воспитании детей. Так, по данным исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения (далее — ВЦИОМ) [8] бабушки и дедушки принимали участие в воспитании 74 % россиян, при этом более четверти граждан склонны доверять воспитание своих детей старшему поколению. Однако здесь следует признать, что современная молодежь нацелена на построение карьеры, в связи с чем все чаще прибегает к помощи своих родителей в заботе о детях. В настоящее время Трудовым кодексом Российской Федерации [6] предоставлено право использования отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет отцом ребенка, бабушкой, дедом, другим родственником или опекуном, фактически осуществляющим уход за ребенком, вместо матери. При этом предоставление какого-либо иного вида

отпуска, связанного с уходом за внуками, на данный момент законодательством не предусмотрено.

Как известно, в семьях нередко возникают ситуации, когда ребенок заболел, а родитель по тем или иным причинам не может отпроситься с работы или вовсе находится в командировке — и тогда на помощь проходит бабушка или дедушка. Но как быть, если они тоже работают? И здесь возникает проблема, связанная с отсутствием в законодательстве нормы, дающей право работающим бабушкам и дедушкам брать отпуск по уходу за внуками в случае, например, болезни родителей, их отъезда в командировку, болезни ребенка и так далее. В этой связи нельзя не обратить внимание на выводы, депутата Государственной думы Романа Романенко, основанные на анализе аналитического доклада АНО «Национальные приоритеты» и ВЦИОМ «Российская семья: как сохранить традиции и обрести новые смыслы?». Так, Роман Романенко предлагает введение дополнительного оплачиваемого отпуска по уходу за внуками для работающих пенсионеров, который они могли бы брать совместно с родителями [10]. Данное предложение видится обоснованным, так как направлено на защиту интересов детей. В связи с чем представляется необходимым предусмотреть в Трудовом кодексе Российской Федерации норму, регламентирующую право работающих бабушек и дедушек на дополнительный оплачиваемый отпуск по уходу за внуками, который может быть предоставлен по заявлению работника (бабушки/дедушки).

Другим важным аспектом в правовой регламентации защиты прав и интересов детей является проблема, связанная с реализацией права на распоряжение материнским капиталом. Как известно, средства материнского капитала выделяются как мера государственной поддержки семей, которые, очевидно, должны быть использованы в интересах ребенка (детей). Так, чаще всего указанные средства используются в целях улучшения жилищных условий. При этом, согласно Федеральному закону от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [3], в жилом помещении, приобретенном (построенном, реконструированном) с использованием средств мате-

ринского капитала, обязательно должны быть выделены доли на каждого члена семьи, в том числе на детей. Однако, на практике данное требование закона зачастую не выполняется или выполняется с различными нарушениями, что обусловлено закреплением в нем положения об определении размера долей по соглашению, которое может быть заключено в простой письменной форме. В связи с чем, как показало исследование, нередко нарушаются права детей путем, например, неправильного определения размера их долей в праве собственности, обусловленное неверным пониманием этого положения самими сторонами в отсутствии квалифицированной юридической помощи. Следует отметить, что до марта 2020 года при направлении средств материнского капитала на улучшение жилищных условий необходимо было предоставление нотариально удостоверенного обязательства об оформлении жилого помещения, приобретенного (построенного, реконструированного) с использованием средств материнского капитала, в общую собственность. Однако указанное положение было отменено Федеральным законом от 01.03.2020 № 35-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам, связанным с распоряжением средствами материнского (семейного) капитала» [2], что на практике привело к злоупотреблению правом на использование данной меры государственной поддержки и, как следствие, нарушению прав несовершеннолетних, которое выражается, например, в выделении на ребенка незначительной доли, совершенно не соответствующей размеру полученной выплаты. Также нельзя не обратить внимание на рост мошенничества в сфере использования выплат российским семьям, имеющих детей. По данным Агентства стратегических инициатив, число преступлений при покупке недвижимости с использованием материнского капитала с каждым годом растет, причем увеличение отмечается в 1,5–2 раза в год.

При этом заместитель председателя Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека Ирина Киркора отмечает, что «существующие правоприменительные проблемы ведут к ущемлению прав каждого члена семьи, в первую очередь детей. Нотариус — это гарант

безопасности совершенной сделки, именно его участие позволяет избежать мошеннических действий с такой недвижимостью» [9].

Таким образом, для решения рассматриваемой проблемы представляется необходимым внести изменения в пункт 4 статьи 10 Федерального закона от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», а именно дополнить его положением, согласно которому соглашение об определении долей в жилом помещении, приобретенном (построенном, реконструированном) с использованием средств материнского капитала, должно быть нотариально удостоверено. Возвращение такого положения в законодательство позволит минимизировать возможности осуществления мошеннических действий со средствами материнского капитала и, конечно же, защитить права и интересы несовершеннолетних детей.

Также важно обратить внимание на недостаточность мер, направленных на защиту прав и интересов детей в сфере психического и нравственного развития. Следует признать, что в современном обществе ненормативная лексика уже является привычным способом выражения своих мыслей. Нецензурные выражения, зачастую употребляют и несовершеннолетние, причем с малого возраста. Обусловлено это именно тем, что дети постоянно слышат данные слова в свободном употреблении у взрослых людей, в связи с чем не считают их использование в своей речи чем-то неправильным. При этом достаточно часто встречаются ситуации, когда совершеннолетние граждане употребляют ненормативную лексику в адрес детей. В этой связи директор Института изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования, член Общественной палаты Российской Федерации Наталья Агре полагает, что ненормативная лексика «сводит на нет всю ту работу, которую проводят воспитатели в детских садах, учителя в школах. Ведь воспитание — это не только комплекс определенных действий, но еще и культура речи» [11].

Оговоримся, что в соответствии со статьей 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) [1] нецензурная брань квалифициру-

ется как мелкое хулиганство, причем умысел правонарушителя должен быть направлен на нарушение общественного порядка. Однако в настоящий момент на законодательном уровне не закреплена ответственность именно за употребление ненормативной лексики в присутствии несовершеннолетних или же в их адрес. Представляется, что такой исход событий нарушает право молодого поколения на нормальное нравственное и психическое развитие. В связи с чем видится необходимым введение ответственности за употребление ненормативной лексики в присутствии несовершеннолетних граждан, а также использование нецензурной брани в их адрес. Указанные меры могут быть реализованы путем внесения изменений в статью 20.1 КоАП РФ, что поспособствует минимизации употребления нецензурных выражений старшим поколением и, как следствие, соблюдению прав и законных интересов детей в данной сфере, то есть культурному воспитанию будущего России.

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время существуют определенные проблемы в правовой регламентации защиты прав и интересов детей в Российской Федерации. Однако с учетом правоприменительного опыта в законодательство вносятся определенные изменения, учитывающие интересы детей и направленные на обеспечение законной реализации их прав. Безусловно, дети не должны быть ограничены в общении с близкими родственниками, а значит, право на пребывание с ними необходимо закрепить законодательно. Средства, выделяемые государством в целях поддержки семей с детьми, должны соответственно и использоваться в интересах детей. В обеспечение этого, законодательно должен быть закреплен механизм, позволяющий создать гарантии надлежащего обеспечения прав ребенка. Также нельзя забывать и о нравственном развитии детей, на которое оказывает влияние общество, зачастую употребляющее ненормативную лексику, при этом не задумываясь о непосредственном влиянии на молодое поколение. В связи с чем необходимо предусмотреть ответственность за такое противоправное поведение. Представляется, что совершенствование законодательства в указанных направлениях позволит

защитить права и интересы самой уязвимой категории населения — несовершеннолетних детей.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.06.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам, связанным с распоряжением средствами материнского (семейного) капитала: федер. закон от 01.03.2020 № 35-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: федер. закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (ред. от 28.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
7. О внесении изменений в статью 55 Семейного кодекса Российской Федерации и статью 13 Федерального закона «Об опеке и попечительстве»: проект федерального закона № 1030390-7 // Информационный ресурс Государственной Думы. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1030390-7> (дата обращения: 12.05.2023).
8. ВЦИОМ: Большая семья, или Деды и внуки // Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bolshaya-semya-ili-dedy-i-vnuki> (дата обращения: 15.05.2023).
9. Куликов В. В России могут ввести обязательную нотариальную форму для сделок с маткапиталом // Официальный сайт Российской газеты. URL: <https://rg.ru/2022/05/07/v-rossii-mogut-vvesti-obiazatelnuiu-notarialnuiu-formu-dlia-sdelok-s-matkapitalom.html> (дата обращения: 21.05.2023).
10. Проценко Л. Роман Романенко предложил включить «декрет для бабушек» в нацпроект «Демография» // Официальный сайт Российской газеты. URL: <https://rg.ru/2021/09/13/roman-romanenko-predlozhil-vkliuchit-dekret-dlia-babushek-v-nacproekt-demografiia.html> (дата обращения: 15.05.2023).
11. Член ОП РФ предложила ввести ответственность за употребление мата в присутствии детей // Российское информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/14771351> (дата обращения: 23.05.2023).

СУЩЕСТВЕННЫЕ УСЛОВИЯ СОГЛАШЕНИЯ ОБ УПЛАТЕ АЛИМЕНТОВ

К. В. Косарев

Кузбасский институт ФСИН России
старший преподаватель
кафедры Гражданско-правовых дисциплин
kirkos392@gmail.com

Аннотация. Нормами семейного права предусмотрено возникновение обязательств при наступлении определенных юридических фактов. Например, содержание несовершеннолетнего ребенка. Закон допускает два способа определения размера алиментов: договорной и судебный. Договорной выражается в заключении соглашения об уплате алиментов. Такое соглашение представляет собой договор. Целью написания данной статьи является рассмотрение условий соглашения об уплате алиментов. Автором предпринята попытка провести анализ судебной практики, научной литературы и законодательства зарубежных стран.

Ключевые слова: алименты, соглашение об уплате алиментов, договор, содержание соглашение об уплате алиментов.

Abstract. The norms of family law provide for the emergence of obligations upon the occurrence of certain legal facts. For example, the maintenance of a minor child. The law allows two ways to determine the amount of alimony; contractual and judicial. Contractual is expressed in the conclusion of an agreement on the payment of alimony. This agreement is a contract. The purpose of writing this article is to consider the terms of the agreement on the payment of alimony. The author made an attempt to analyze the judicial practice, scientific, literature and legislation of foreign countries.

Key words: alimony, agreement on the payment of alimony, contract, content of the agreement on the payment of alimony.

Вопросы правового регулирования алиментных обязательств имеют важное значение для семейных отношений. Однако некоторые из них носят неоднозначный и спорный характер. К таким вопросам, по мнению авторов, относится вопрос о содержании соглашения об уплате алиментов.

Законодатель допускает два пути оформления алиментных обязательств: судебный и договорной. Договорной путь предполагает заключение соглашения об уплате алиментов (далее — Соглашения), правовое регулирование которого содержится в главе 16 Семейного кодекса РФ (далее — СК РФ).

Однако следует обратить внимание на то, что не во всех правовых системах существует рассматриваемое соглашение, например аналогичный институт отсутствует во Франции. Т. А. Моисеенко и М. М. Меркулов отмечают, что «суд определяет место жительства ребенка с одним из родителей, на второго возлагает обязанности по материальному содержанию и общению с ребенком, но соглашение об уплате алиментов между родителями законодательством не предусматривается» [3].

В СК РФ отсутствует легальное определение соглашения об уплате алиментов. Вместо этого законодатель в ст. 99 СК РФ отмечает, что «Соглашение об уплате алиментов заключается между лицом, обязанным уплачивать алименты, и их получателем, а при недееспособности лица, обязанного уплачивать алименты, и (или) получателя алиментов — между законными представителями этих лиц».

С точки зрения правовой природы Соглашение представляет собой гражданско-правовой договор. Аналогичную позиция упоминается в доктрине [2]. Однако в литературе отмечают, что Соглашение не следует в полной мере отождествлять с гражданско-правовым договором, так как некоторые гражданско-правовые институты не применимы в отношении него, например «недопустимость залога требований об уплате алиментов, а также содержатся новации в отношении обязательств по уплате алиментов и т. д.» [5, с. 115].

Данный договор является односторонним, так как предполагает несение обязанности исключительно одним лицом. Безвозмездным, так как не предполагает встречного исполнения. И консенсуальным, так как считается заключенным с момента достижения соглашения в установленной законом форме. Следует отметить, что Соглашение подлежит обязательному нотариальному удостоверению, в противном случае соглашение считается ничтожным.

К сожалению, в СК РФ нет указаний относительно того, какие условия Соглашения являются существенными; исходя из системного анализа легальных дефиниций ст. 99 СК РФ можно прийти к выводу, что в соглашение необходимо включать условия:

- о предмете Соглашения;
- о размере алиментов;
- об условиях и порядке выплаты алиментов.

Существенным условием Соглашения является условие о размере алиментов. Закон допускает различные способы определения алиментов, отмечая, что «размер алиментов, устанавливаемый по соглашению об уплате алиментов на несовершеннолетних детей, не может быть ниже размера алиментов, которые они могли бы получить при взыскании алиментов в судебном порядке». При этом следует отметить, что в судебной практике часто рассматриваются дела, связанные со злоупотреблением прав.

Например, Альметьевским городским судом Республики Татарстан удовлетворен иск банка к ответчикам о признании недействительным соглашения об уплате алиментов. Судами было установлено, что с ответчика в пользу истца в возмещение ущерба взыскано более 56 млн руб., возбуждено исполнительное производство. После вынесения данного решения ответчики расторгли в судебном порядке брак, а также заключили соглашение об уплате алиментов на ребенка, по условиям которого один из ответчиков обязался ежемесячно перечислять другому ответчику алименты на содержание несовершеннолетнего ребенка, оставшегося проживать с ним, в размере 70 % ежемесячного дохода. Установив, что фактически ответчики и их несовершеннолетний ребенок проживают совместно и принимая во внимание другие обстоятельства дела, суд пришел к выводу о том, что соглашение об уплате алиментов является мнимой сделкой, совершенной с целью исключить возможность обращения взыскания на заработную плату ответчика [1].

Рассмотрим вопрос о том, является ли срок исполнения Соглашения существенным условием. В литературе можно встретить точку зрения о том, что «если соглашение на этот счет не содержит никаких указаний, то, по-видимому, в соответствующих случаях следует исходить из того, что алименты должны выплачиваться ежемесячно (это следует из существа обязательства (п. 2 ст. 314 ГК). По общему правилу, содержащемуся в Гражданском кодексе РФ (ст. 315), должник вправе

исполнить обязательство до указанного срока, если иное не установлено законом, иными правовыми актами или условиями обязательства либо не вытекает из его существа» [5, с. 118]. Однако мы не разделяем данной позиции, так как считаем, что условие о сроках выплаты, относится к условию о порядке выплаты, которые в соответствии со ст. 99 СК РФ можно рассматривать как существенные.

Из толкования ст. 104 СК РФ следует, что способ уплаты алиментов также является существенным условием. Стороны должны определить, как будут выплачиваться алименты. Законодатель допускает различные варианты: в долевом отношении, в виде твердой денежной суммы, путем предоставления имущества, комбинирование способов.

Следует отметить, что законодатель допускает включение в соглашение регулирования других вопросов, не только определения содержания, например порядка регулирования общения с ребенком. Аналогичный подход можно обнаружить в законодательстве США, которое допускает в «соглашение об уплате алиментов могут включаться несколько условий:

- а) разграничение родительских прав и обязанностей;
- б) полномочия, предоставляемые каждому из родителей;
- в) поочередное проживание ребенка с каждым из родителей, но это положение должно утверждаться судом и тогда родитель получает опекунский статус над ребенком;
- г) родитель, с которым проживает ребенок, не может сменить место жительства без согласия другого родителя;
- д) алиментные обязательства определяются по прожиточному минимуму каждого из родителей» [4].

Таким образом, соглашение об уплате алиментов в полной мере отражает основные начала частноправового регулирования, а именно свободу договора, и допускает включение различных условий и договоренностей его участников.

Литература

1. Бюллетень Верховного Суда РФ. № 7, июль, 2015.
2. Гражданское право: учеб.: в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. Т. 3.

3. Мосиенко Т. А., Меркулов М. М. Особенности заключения соглашения об уплате алиментов в России и за рубежом // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 4.
4. Розанова Е. В. Правовое регулирование расторжения брака (на примере регионального законодательства США) // Право и государство: теория и практика. 2017. № 5 (149). С. 78-84.
5. Семейное право: учеб. / Б. М. Гонгалов, П. В. Крашенинников, Л. Ю. Михеева и др.; под ред. П. В. Крашенинникова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019.

РОЛЬ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРАВ ДЕТЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

И. Г. Ломакина

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
кандидат юридических наук
casatka61@yandex.ru

Аннотация. Установление, закрепление и защита прав и свобод такой категории граждан, как дети, наряду с определением обязанностей лиц, осуществляющих воспитание детей в России, является одним из важнейших аспектов качественного развития законодательства нашей страны. К настоящему времени механизм защиты прав детей в Российской Федерации имеет как конституционно-правовое регулирование, так и отраслевое.

Ключевые слова: права детей, защита прав, законодательство, конституционно-правовое регулирование прав детей, несовершеннолетние.

Abstract. At the present stage of development, the Russian Federation pays considerable attention to the development and adoption of normative legal acts regulating the legal status of children. The definition and protection of the rights and freedoms of this category of citizens, along with the definition of the duties of persons responsible for raising children in Russia, is one of the most important aspects of the qualitative development of the legislation of our country. To date, the mechanism for protecting the rights of children in the Russian Federation has both constitutional and legal regulation and sectoral.

Key words: children's rights, protection of rights, legislation, constitutional and legal regulation of children's rights, minors.

В период подготовки празднования 30-летия принятия Конституции Российской Федерации и с учетом принятых к ней поправок в 2020 году весьма актуальным остается вопрос становления и совершенствования конституционно-правового статуса ребенка в современной России. Российская Федерация сохраняет тенденцию по расширению прав ребенка, созданию корректного механизма реализации этих прав и их защиты на фоне активно развивающихся социально-правовых отношений, усложнению образовательных стандартов в школах и других учебных заведениях для несовершеннолетних.

Защита и реализация прав и свобод детей в Российской Федерации — одна из важнейших задач органов государственной власти. Органы государственной власти, образования, здравоохранения, социальной защиты эффективно взаимодействуют друг с другом в целях защиты несовершеннолетних и их родителей от нарушения прав и свобод [1].

По российскому законодательству ребенком является лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет (совершеннолетия). Ребенок, как и любой субъект правоотношений, обладает определенным набором прав и обязанностей. В силу особенностей возраста и психики дети обладают также особыми правами (право жить и воспитываться в своей семье, право на общение с обоими родителями и другими родственниками, право ребенка на собственное имя и т. д.). Конституционно-правовые основы статуса несовершеннолетнего отдельно не закреплены в Конституции Российской Федерации, а устанавливаются исходя из общих положений правового статуса личности, закрепленного в данном документе. Это, в частности, подтверждает, что права человека в нашем государстве защищаются вне зависимости от возрастных признаков. Именно в соответствии с Конституцией РФ ребенок с самого рождения находится под охраной государства и обладает широким перечнем прав: жить и воспитываться в семье; общаться с родителями и другими родственниками; защищать свои права; выражать свое мнение; право на имя, отчество и фамилию; изменение фамилии и имени; право на имущество; право на медицинское обслуживание; право на образование.

Основным отраслевым источником, содержащим права и свободы детей как отдельной категории лиц, проживающих на территории Российской Федерации, является Семейный кодекс РФ [2]. Правам детей здесь посвящена целая глава (Права несовершеннолетних детей). Наиболее важными из них в отношении детей как особой категории можно отнести: право жить и воспитываться в своей семье, знать обоих родителей, право на заботу со стороны родителей и совместное с ними проживание и т. д.

Более того, закон называет в качестве гарантий обеспечения прав и свобод детей соблюдение родителями и другими лицами, осуществляющими воспитание несовершеннолетних, своих обязанностей по отношению к ним.

Федеральным Законом от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании» закреплён значительный перечень прав детей в сфере образования. К ним относят: право на обучение в соответствии с установленными федеральными государственными образовательными стандартами; право на ускоренный курс обучения; право на бесплатное использование библиотечных ресурсов; право на получение дополнительных образовательных услуг; создание детьми общественных объединений обучающихся; право на участие в управлении образовательным учреждением; право на обучение по индивидуальным учебным планам в пределах федеральных государственных образовательных стандартов; право на получение основного общего образования на родном языке и т. д.

Другим важнейшим законодательным актом в сфере регулирования прав и свобод детей является Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [3], закрепивший социально-правовые основы статуса ребенка и семей с детьми, напоминающий всем о том, что Российская Федерация — это социальное государство. Закон установил цели государственной политики в интересах детей, в том числе осуществление всех прав детей, предусмотренных Конституцией Российской Федерации; недопущение детской дискриминации; восстановление прав детей в случаях нарушений; содействие физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному

развитию детей, воспитанию в них патриотизма и гражданственности.

Помимо этого, конституционное регулирование прав детей осуществляется путем формирования в том числе и правовых позиций в решениях Конституционного Суда РФ [4].

В своей правовой деятельности Российская Федерация выработала ряд стратегий и планов, затрагивающих права детей, такие как недопущение дискриминации ребенка независимо от его положения или от положения его родителей, включая расу, пол, ориентацию, вероисповедание и другие факторы; защита приоритетных интересов и прав ребенка; защита основного права — права на жизнь, защита ребенка от любой формы насилия; право быть выслушанным на семейном и судебном уровнях, вовлечение детей в процесс принятия решений самостоятельно и в процессе семейных обсуждений; доступность качественного образования и воспитания детей, всестороннего культурного, физического, умственного и нравственного развития; создание действующей системы защиты прав ребенка [5]. В настоящий период времени продолжает формироваться, совершенствоваться и реализовываться концепция государства, направленная помимо реализации вышеупомянутых стратегий и планов также на регулирование прав ребенка в цифровой среде, создание свободной и безопасной информационной сети для несовершеннолетних, борьбу с сексуальной эксплуатацией и насилием над детьми.

Нельзя сказать, что спектр прав, предоставленных несовершеннолетним современным законодательством Российской Федерации, является полным [6]. В постоянно развивающейся правовой и информационной среде законодательным органам публичной власти важно быстро реагировать на изменения в социальных и правовых отношениях детей между собой и взрослыми гражданами, в правовом сознании детей, способствовать воспитанию и развитию ответственных граждан с высоким уровнем политической и правовой культуры. Не все концепции и стратегии в отношении развития прав детей можно назвать выполненными в силу ряда причин. Тем не менее Российская Федерация сохраняет направленность на расширение прав для данной категории граждан

и создания новых планов развития законодательства в сфере регулирования прав детей.

Литература

1. Булаков О. Н. К вопросу о защите конституционных прав детей в РФ // Наука. Общество. Государство. 2020. № 4. С. 25–32.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.
3. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: федер. закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3802.
4. По делу о проверке конституционности положений статей 1070 и 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 22 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в связи с жалобой гражданки А.: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29.11.2019 № 38-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 50. Ст. 7479.
5. Тихая Л. С. О некоторых аспектах защиты прав детей // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1. С. 66–70.
6. Рудь Ю. А. Проблемные аспекты защиты прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и пути их решения // Вопросы российской юстиции. 2020. № 9. С. 501–511.

ЗАКОННЫЙ БРАК: АРГУМЕНТЫ В ПОЛЬЗУ ЕГО ЛЕГИТИМАЦИИ

А. Г. Малинова

Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

доцент кафедры гражданского права
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Анализ применения понятия «гражданский брак» в общепотребительной и юридической лексике наглядно показывает, что содержание этого понятия за время его многовекового употребления претерпело глобальные изменения в общественном сознании: от легитимного значения до полного извращения первоначального смысла. И этот извращенный смысл самым негативным образом влияет на современное понимание брака, «размывает» его содержание, нивелирует различия между браком и гражданским браком. Для преодоления этих негативных последствий предлагается изменить формулировку

Семейного кодекса РФ о том, что «признается брак, заключенный только в органах записи актов гражданского состояния», на формулировку, смысл которой акцентирован на том, что только брак, зарегистрированный в органах записи актов гражданского состояния, является законным.

Ключевые слова: брак, гражданский брак, законный брак, фактические брачные отношения, акты гражданского состояния.

Abstract. An analysis of the application of the concept of “civil marriage” in common and legal vocabulary clearly shows that the content of this concept has undergone global changes in the public consciousness during its centuries-old use: from legitimate meaning to complete distortion of the original meaning. And this perverted meaning has the most negative effect on the modern understanding of marriage, “blurs” its content, levels the differences between marriage and civil marriage. To overcome these negative consequences, it is proposed to change the wording of the Family Code of the Russian Federation that “a marriage concluded only in the civil registry is recognized” to a wording whose meaning is focused on the fact that only a marriage registered in the civil registry is legal.

Key words: marriage, civil marriage, legal marriage, actual marital relations, acts of civil status.

Здесь не граница,
а Россия матушка, приходится
подумать о законном браке

А. П. Чехов [9, с. 130]

Термин «законный брак» уже давно широко используется в обыденном, или, как выразился еще в позапрошлом веке выдающийся отечественный драматург А. Н. Островский (1823–1886), в простонародном языке. «...Мы про *брак* разговаривали, то есть... про тот, который на простонародном языке *законным* называется» (курсив мой. — А. М.) [6, с. 316]. Несмотря на то что и в отечественном законодательстве, и в литературной и юридической лексике обширно применяются прилагательное «законный», к числу юридических терминов «законный брак» не относится.

На протяжении многих веков брак заключался в соответствии с национальными обычаями и традициями, а с возникновением религий, в соответствии с конфессиональными нормами и обрядами. Со временем возникла необходимость в регулировании брачных отношений между лицами, принадлежащими к разным конфессиям или не исповедующих

ни одну из них. Наиболее приемлемой для этого формой была признана регистрация брачного союза между такими лицами в органах светской власти. Такой брак получил название «гражданский брак». Впервые гражданский брак введен в XVI столетии в Нидерландах. В последующие столетия гражданский брак появился в большинстве европейских стран. Однако отечественная общественная мысль оценила эти новации без всякого снисхождения, например, видный идеолог панславизма Н. Я. Данилевский (1822–1885), рассматривая последствия гражданского брака, введенного в разных европейских государствах, открыто назвал их противохристианскими и противонравственными [2, с. 238].

В послереволюционном законодательстве термин «гражданский брак» появился уже на втором году советской власти. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 года в ст. 52 устанавливал, что «только гражданский (светский) брак, зарегистрированный в отделе записей актов гражданского состояния, порождает права и обязанности супругов...». Эта законодательная формулировка не расходилась и со словарным значением этого термина. Долгое время «гражданский брак» в словарных источниках русского языка означал только то, что это брак, заключенный в органах государственной власти без церковного обряда. Но уже в конце XIX в. эти же источники стали фиксировать и исключительно национальные особенности в общественном восприятии такого брака. Например, в популярной энциклопедии Брокгауза и Ефрона в статье, посвященной этому виду брака, говорилось: «Гражданский брак есть одно из юридических учреждений, относительно которых в русском обществе существуют крайне превратные представления: многие даже образованные люди называют гражданским браком простое незаконное сожитие или вообще союз, не освященный Церковью или же заключаемый на срок» [1].

В советское время в разговорной речи этот термин стал употребляться именно в таком «превратном» смысле, причем настолько широко, что в 1980–1990-е годы отдельные словари русского языка дополнительно зафиксировали новое значение этого термина: «Союз мужчины и женщины, не оформ-

ленный официально (регистрацией в загсе)» [7, с. 304]. Прежнее словарное значение гражданского брака — «свободное сожителство мужчины и женщины» — стало сопровождаться пометой «разговорное, устаревшее» [8, с. 342]. В немалой степени это связано с последствиями широкой дискуссии о браке, начавшейся сразу после революции. Активным участником этой дискуссии была нарком государственного призрения А. М. Коллонтай, которая считала, что общество должно научиться признавать все формы брачного общения, какие бы непривычные контуры они ни имели [4, с. 4–24].

Истинная же причина того, что слово «сожителство» со всеми его негативными оценками объявлено в повседневной лексике устаревшим для обозначения таких интимных отношений не столько в том, что общественное мнение стало относиться к таким отношениям безразлично, сколько в том, что сами стороны этих отношений предпочитают более пристойное название. И таким пристойным названием оказался термин «гражданский брак», наделенный новым значением.

Современная подоплека либеральной идеи о юридическом признании «фактических брачных отношений» в связи с резкой трансформацией гендерной идеологии [см.: 5, с. 102–110] содержит в себе тенденции, довольно неожиданные с точки зрения традиционной семейно-правовой проблематики. Сам этот термин — «фактические брачные отношения» — с юридической точки зрения является крайне неудачной конструкцией, но сумел пустить основательные корни в обыденном правосознании. Кроме этого термина, в современной литературе широко используются и другие термины данной тематики: «фактический брак», «классический фактический брак», «консенсуальный брак», «фактическое супружество», «внебрачная семья» и пр. Было бы заблуждением думать, что любой из этих терминов показывает только различие между ним и «официальным» или «законным браком» по признаку наличия или отсутствия государственной регистрации. Поистине разрушительное воздействие все эти термины производят на более глубоком смысловом уровне.

Социологические исследования показывают, что отношение общества к гражданскому браку становится все более

лояльным. Значительная часть населения, причем всех возрастных групп, рассматривает гражданский брак как пробный вариант брачного союза. Хотя никто не оспаривает мнение, что игнорирование гражданами требования государства о необходимости регистрации брака представляет угрозу самому браку. В этой связи нельзя не отметить положительное значение формулировок предыдущих кодифицированных актов о том, что регистрация брака устанавливается как в государственных и общественных интересах, так и с целью облегчить охрану личных и имущественных прав и интересов супругов и детей (ст. 1 Кодекса законов о браке, семье и опеке от 19.11.1926; ст. 13 Кодекса о браке и семье РСФСР от 30.07.1969).

Следует обратить внимание и на то, что поскольку меры государственной поддержки в основном направлены на многодетные семьи и на семьи с одиноким родителем, то они мало способствуют повышению престижа института брака. Между тем для государства очень важна статистика именно зарегистрированных браков, это необходимо не только для формирования государственных программ социальной поддержки семей, но и для решения многих иных задач.

К перечисленным аргументам необходимо добавить следующее: ситуация, требующая юридического признания внебрачного сожительства по самой логике ее возникновения, сопутствует, как правило, условиям и мотивам прекращения такого сожительства, а не его заключения. Потребность доказывать в судебном порядке факт сожительства с целью юридического признания этого сожительства браком, возникает либо в конфликтных ситуациях распада внебрачных отношений, либо безвестного отсутствия или смерти одного из сожителей.

По существу сегодня существует не столько проблема юридического признания внебрачных сожеств, сколько проблема правового регулирования последствий таких сожеств. Заметим, что главные из них уже подвержены такому регулированию. Так, последствия рождения детей, чьи родители не состоят в браке, урегулированы семейным законодательством с точки зрения приоритетной защиты интересов

ребенка. Другого рода последствия возникают в ситуации, когда одна из сторон внебрачного сожительства оказывается по каким-либо причинам в крайне неблагоприятном положении и нуждается не только в социальной помощи, но и в партнерской помощи со стороны сожителя. Однако решение этой социальной проблемы вряд ли способно осуществляться в рамках только семейного права. Заметим, что отечественный законодатель почти сто лет назад подчеркнул, что «лица, фактически состоящие в брачных отношениях, не зарегистрированных установленным порядком, вправе во всякое время оформить свои отношения путем регистрации с указанием срока фактической совместной жизни» (ст. 3 Кодекса законов о браке, семье и опеке от 19.11.1926). И хотя в ныне действующем кодексе эта формулировка уже не содержится, по-прежнему основным условием этого оформления является обоюдное добровольное согласие мужчины и женщины [см.: 3, с. 43].

Современная семейно-правовая доктрина, как и общественное мнение, достаточно либерально относятся к внебрачным сожительствам, сосредотачивая основное внимание на проблемах их возможного правового регулирования. Представляется, что современные условия наглядно показывают, что сегодня перед Россией стоят задачи защиты традиционных российских ценностей, среди которых важнейшими являются семья и брак. И здесь далеко не исчерпаны возможности юридической техники. Трудно не заметить стилистическую и логическую «размытость» следующей формулировки Семейного кодекса РФ: «Признается брак, заключенный только в органах записи актов гражданского состояния» (п. 2 ст. 1 СК РФ). Учитывая, что в отечественном законодательстве широчайшее применение нашло прилагательное «законный», предлагается использовать это прилагательное и в законодательном определении понятия «брак». Одним из нескольких вариантов могла бы стать следующая формулировка указанного пункта ст. 1 СК РФ: «Законным признается только брак, заключение которого зарегистрировано в органах записи актов гражданского состояния».

Литература

1. Гражданский брак // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: в 86 т. (Электронная версия). М.: ИДДК, 2002.
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Известия, 2003. 607 с.
3. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (учебно-практический) / О. Г. Алексеева, Л. В. Заец, Л. М. Звягинцева и др.; под общ. ред. С. А. Степанова. М.: Проспект, 2018. 352 с.
4. Крашенинников П. В. Вводный комментарий // Кодификация отечественного семейного права (1918–1969). М.: Статут, 2019. 256 с.
5. Малинова А. Г. Семейное право и псевдогендерная идеология // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 4. С. 102–110.
6. Островский А. Н. Бешеные деньги // Островский А. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 18 т. Т. 3. Сочинения. 1864–1870. Кострома: Костромаиздат, 2020. 656 с.
7. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1. М.: Русский язык, 1981. 698 с.
8. Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. Т. 1 / гл. ред. К. С. Горбачевич. 2-е изд. М.: Русский язык, 1991. 864 с.
9. Чехов А. П. Ариадна // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения в 18 т. Т. 9. Рассказы. Повести. 1894–1897. М.: Наука, 1083. С. 107–132.

СНОВА К ВОПРОСУ О МЕДИЦИНСКОМ ОБСЛЕДОВАНИИ ЛИЦ, ВСТУПАЮЩИХ В БРАК

Е. Ю. Марухно

Кузбасский институт ФСИН России (г. Новокузнецк)
преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
katja-marukhno@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается медицинское обследование лиц, вступающих в брак, в контексте развития традиционных семейных ценностей.

Ключевые слова: медицинское обследование лиц, брак, семейное право, традиционные семейные ценности.

Abstract. The article examines the medical examination of persons entering into marriage in the context of the development of traditional family values.

Key words: medical examination of persons, marriage, family law, traditional family values.

Проблема реализации п. 1 ст. 15 Семейного кодекса РФ (далее — СК РФ), закрепляющая возможность добровольного медицинского обследования лиц перед вступлением в брак, наукой постоянно освещается, однако практического применения, на наш взгляд, данной нормы семейного законодательства не имеется.

Лица, вступающие в брак на территории Российской Федерации, имеют возможность пройти медицинское обследование, получить консультирование по медико-генетическим вопросам планирования семьи непосредственно перед вступлением в брак. Однако механизм реализации п. 1 ст. 15 СК РФ законодателем не определен. Единственное, что четко понятно, что данное обследование для лиц «бесплатное». Здесь хотелось бы уточнить, что «бесплатным» в сфере социального обеспечения часто называют услуги, оказываемые по обязательному медицинскому страхованию медицинскими организациями государственной системы здравоохранения и муниципальной системы. Кроме того, законодатель закрепил привязку — по месту жительства лиц, вступающих в брак, можно обратиться с целью получения данных услуг.

В соответствии со ст. 51 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.04.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», каждый гражданин имеет право по медицинским показаниям на консультации без взимания платы по вопросам планирования семьи, наличия социально значимых заболеваний и заболеваний, представляющих опасность для окружающих, по медико-психологическим аспектам семейно-брачных отношений, а также на медико-генетические и другие консультации и обследования в медицинских организациях государственной системы здравоохранения в целях предупреждения возможных наследственных и врожденных заболеваний у потомства.

Медико-генетическое консультирование считается «наиболее эффективным видом профилактики наследственных болезней, направленное на предупреждение появления в семье больных с наследственной патологией» [3]. Цель консультирования — объяснить тип наследования, помочь семье принять решение относительно репродуктивного поведения, риску повторения генетической болезни у будущего поколения. Именно проспективное консультирование — это «наиболее эффективный вид профилактики наследственных болезней, позволяющий выявить риск рождения больного ребенка еще до наступления беременности.

По словам специалистов, проблема как врожденной, так и наследственной патологии продолжает оставаться не только актуальной, но в последние годы она приобрела угрожающий характер. Социальномедицинская значимость генетических заболеваний подтверждается статистикой: в России, по данным Департамента здравоохранения Москвы, ежегодно рождается около 30 тыс. детей с наследственными заболеваниями, среди них от 70 до 75 % инвалиды [1]. Наблюдается высокий уровень наследственной заболеваемости, в частности аномалии, деформации и хромосомные нарушения, в Приволжском, Северо-Западном и Сибирском федеральных округах. Так, по данным Медико-генетического научного центра Министерства здравоохранения Российской Федерации, в Чеченской Республике значительно более высокая частота тирозинемии I типа — один случай на 15 тыс. новорожденных. В то время как в мире эта болезнь встречается на порядок реже: один случай на 100–150 тыс. новорожденных. В Республике Дагестан частота мукополисахаридоза IV типа — один случай на 20 тыс. младенцев. А в мире — один случай на 300 тыс. новорожденных. В Республике Саха (Якутия) высокая частота спиноцеребеллярной атаксии I типа [2]. Согласно сообщениям генетиков, не всегда, но в большинстве случаев проблема возникла в связи с попытками жителей региона сохранить свою культуру и традиции, создавая семьи с лицами не близкими, но все же родственниками.

Общественная палата РФ 29 мая 2023 г. провела Московский международный демографический форум «Демография

и семейная политика 2030: опора на традиционные ценности». Приоритетные направления — повышение рождаемости и поддержка многодетности, укрепление традиционных семейных ценностей. Заместитель министра труда и социальной защиты РФ О. Ю. Баталина назвала «12 регионов России, в которых в 2022 году численность населения выросла. Это Алтай, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Саха (Якутия), Тыва, Чечня, Тюменская область, Ненецкий, Ханты-Мансийский, Чукотский, Ямало-Ненецкий автономные округа. Можно в целом выделить и весь Северокавказский федеральный округ» [4]. По словам О. Ю. Баталиной, *«в этих регионах сохраняются сильные национальные и религиозные традиции. Население Тывы и Якутии не обладает высокими доходами, но коренные народы придерживаются национально-религиозных ценностей, в том числе семейных. В регионах Северного Кавказа с совершенно другой культурой отношение к этим ценностям практически аналогичное».*

Медико-генетические службы вышеперечисленных регионов, естественно, проводят работу по профилю — с беременными женщинами, а программы по реализации норм ст. 15 СКРФ и ст. 51 ФЗ № 332-ФЗ среди граждан, вступающих в брак, остаются невостребованными. Причин, на наш взгляд, несколько: во-первых, общая безграмотность населения по вопросам генетики; во-вторых, отсутствие урегулированного механизма реализации ст. 15 СК РФ.

С целью укрепления института семьи и традиционных семейных ценностей представляется необходимым на законодательном уровне разработать механизм реализации права лиц, вступающих в брак, получить консультирование по медико-генетическим вопросам и вопросам планирования семьи по месту их жительства, то есть с учетом особенностей региона и труднодоступности населенных пунктов.

Литература

1. Материалы Департамента здравоохранения Москвы. URL: <https://mosgorzdrav.ru> (дата обращения: 30.05.2023).
2. Наследственные болезни России. URL: <https://www.vechnayamolodost.ru/articles/biomeditsina/nasledstvennye-bolezni-rossii/> (дата обращения: 30.05.2023).

3. Ощепкова О. М., Семинский И. Ж. Современные аспекты медико-генетического консультирования // Байкальский медицинский журнал. № 4. 2009. С. 5-9.
4. Форум «Демография и семейная политика 2030». URL: <https://deminform.ru/news/forum-demografiya-i-semeynaya-politika-2030> (дата обращения: 30.05.2023).

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОДИФИЦИРОВАННЫХ АКТАХ ГОСУДАРСТВ—ЧЛЕНОВ ЕАЭС

Т. М. Русенчик

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь
старший преподаватель
кафедры гражданского права
tarus-m@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу регулирования семейных отношений в Республике Беларусь и других странах—членах ЕАЭС. Целью статьи является выявление на основе анализа отраслевых кодифицированных актов государств—членов ЕАЭС теоретических и практических проблем регулирования семейных отношений и обоснование необходимости совершенствования действующего законодательства в указанной сфере. Автором вносится ряд предложений по совершенствованию Кодекса Республики Беларусь о браке и семье.

Ключевые слова: семейные отношения, кодифицированные акты, Кодекс Республики Беларусь о браке и семье, государства—члены ЕАЭС.

Abstract. The article includes a comparative analysis of the regulation of family relationships in the Republic of Belarus and other EAEU member states. Based on the analysis of the sectoral codified acts of the EAEU member states, the article aims to identify theoretical and practical problems of regulation of family relationships and justify the need to enhance the current legislation of the Republic of Belarus in this area. The author makes a number of suggestions aimed to improve the Code of the Republic of Belarus on Marriage and Family.

Key words: family relationships, codified acts, Code of the Republic of Belarus on Marriage and Family, EAEU member states.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) является интеграционным объединением на евразийском пространстве,

которое динамично развивается благодаря усилиям пяти государств — Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Российской Федерации. С учетом современных социальных и политических реалий важной интеграционной сферой является правовая сфера. Однако правовая интеграция в сфере отраслевых кодифицированных актов требует немалых усилий.

Тенденция активного обращения законодателя и авторов различных правовых реформ в отдельных государствах постсоветского пространства к опыту зарубежных стран и заимствованию новых для национального законодательства правовых институтов не во всех случаях дает положительный результат их применения [1, с. 181]. Семейное право является достаточно консервативной отраслью права, в связи с чем процесс его гармонизации в государствах-членах ЕАЭС объективно реален, но не может быть одномоментным.

Сравнительный анализ национальных кодифицированных актов государств-членов ЕАЭС (Семейный кодекс Армении от 8 декабря 2004 года № ЗР-123 (далее — СК Армении), Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 № 278-З (далее — КоБС Республики Беларусь), Кодекс Республики Казахстан О браке (супружестве) и семье от 26 декабря 2011 года № 518-IV ЗРК (далее — КоБС Казахстана), Семейный кодекс Кыргызской Республики от 30 августа 2003 года № 201 (далее — СК Киргизии), Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ (далее — СК РФ)), регулирующих семейные отношения, позволил сформировать общее представление о системе отрасли семейного права, о месте отдельных правоотношений в системе данной отрасли и национальных особенностях их регулирования. Полагаем, что данный анализ будет в том числе способствовать оценке перспектив гармонизации семейного права названных государств.

Кодифицированные акты государств-членов ЕАЭС имеют как общие положения, так и различия в регулировании семейных отношений. Сравнительный анализ наименований указанных кодифицированных актов позволил констатировать следующее. Кодексы трех государств (СК Армении, СК Кир-

гизии и СК РФ) имеют одинаковое наименование — Семейный кодекс, что акцентирует внимание на регулируемых отношениях. Наименование кодексов Республики Беларусь и Республики Казахстан отличается от указанных выше, делается акцент на «браке» и «семье» и имеется незначительное отличие между собой. В наименовании КоБС Казахстана есть дополнительный термин «супружество», который отсутствует в наименовании КоБС Республики Беларусь. Вместе с тем полагаем, что предметное содержание «кодекса о браке и семье» является более узким по значению, нежели «семейный кодекс».

Неоспоримым является факт, что предмет отрасли семейного права и предмет отрасли законодательства (семейного или о браке и семье в зависимости от государства) не совпадают. Отдельные вопросы в сфере семейных отношений регулируются при помощи норм морали и нравственности, то есть составляют предмет отрасли, но не предмет законодательства. Тогда как отношения, регулируемые в том числе в кодифицированных актах (например, глава 14 КоБС Казахстана, глава 18 СК РФ, раздел 5 КоБС Республики Беларусь), являются производными от семейных и по своей природе скорее административными.

Руководствуясь буквальным толкованием названий кодифицированных актов Республики Беларусь и Республики Казахстан, можно сделать вывод о том, что они должны содержать исключительно нормы, регулирующие отношения брака и семьи, хотя фактически это далеко не так. Сравнительный анализ структуры и содержания кодифицированных актов государств—членов ЕАЭС, в частности, показал, что и КоБС Республики Беларусь, и КоБС Казахстана регламентируют отношения, связанные с выявлением, учетом и устройством детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, детей, находящихся в социально опасном положении (глава 13 КоБС Республики Беларусь, раздел 4 КоБС Казахстана). Такая деятельность осуществляется уполномоченными органами, по своему существу носит административный характер, а следовательно, выходит за пределы и отношений семьи и тем более брака. Более того, законодатель Республики Казахстан уже

в структуре кодекса отграничивает эти отношения, выделяя их в самостоятельный раздел. Вместе с тем специфика КоБС Казахстана состоит в том, что в его структуре вопросы усыновления ребенка (глава 13) размещены в разделе 3 «Семья», тогда как иные формы защиты прав детей (ст. 116) находятся в разделе 4 «Опека или попечительство. Республиканский банк данных приемная и гостевая семья». Оба кодекса регулируют вопросы, связанные с регистрацией актов гражданского состояния (раздел 5 КоБС Республики Беларусь, раздел 6 КоБС Казахстана), которые также по своей природе не являются семейными.

Исходя из изложенного выше, можно сделать вывод о том, что названные отношения не являются ни отношениями брака, ни отношениями семьи в тесном смысле, но, будучи взаимосвязанными с семейными отношениями (вытекают из семейных или являются предпосылкой возникновения семейных), включены законодателем в содержание кодифицированных актов обоснованно. Вместе с тем полагаем, что что наименование и содержание отраслевых кодифицированных актов должно максимально совпадать (насколько это возможно, учитывая специфику семейного права). В связи с чем считаем, что *наименование кодифицированных актов Республики Беларусь и Республики Казахстан нуждается в уточнении*, что, помимо прочего, будет способствовать гармонизации законодательства в названной сфере в государствах-участниках ЕАЭС.

В отношении регулирования основания возникновения прав и обязанностей родителей и детей кодифицированные акты всех указанных стран имеют в целом схожие подходы, не лишённые отдельных особенностей. В частности, глава 9 СК Армении называется «Установление факта происхождения детей», а глава 11 СК Киргизии, глава 10 СК РФ и глава 8 КоБС Республики Беларусь называются «Установление происхождения детей». На наш взгляд, в СК Армении законодатель делает дискуссионный акцент на правовую природу происхождения детей, понимая и определяя его как юридический факт, а не как юридический состав, которым он является по своей сути и согласно доктрине семейного права. Название главы 8

КоБС Казахстана «Установление происхождения ребенка», по нашему мнению, является более корректным с точки зрения структуры правоотношений родителей и детей, поскольку отношения, возникающие между ними, представляют собой сложный комплекс субъектных связей двух уровней: между самими родителями и между родителями и ребенком. При этом родительско-детские отношения имеют персонализированный характер, то есть возникают между каждым родителем и каждым ребенком отдельно. Следовательно подход, *избранный законодателем Казахстана, несомненно, является наиболее предпочтительным.* Особенность КоБС Казахстана состоит в выделении вопросов, регулирующих отношения суррогатного материнства и применения вспомогательных репродуктивных методов и технологий в самостоятельную главу. В КоБС Республики Беларусь указанным вопросам посвящена всего лишь одна статья (ст. 52. Установление происхождения детей, родившихся в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий), что, по нашему мнению, не соответствует современным тенденциям по расширению применения вспомогательных репродуктивных технологий и необходимости их системной правовой регламентации, в частности в законодательстве Республики Беларусь до настоящего времени не определено понятие договора суррогатного материнства и его значение для возникновения правоотношения между родителями и ребенком. *Полагаем, что опыт Республики Казахстан по данному вопросу заслуживает одобрения и может быть востребован законодателями других государств—членов ЕАЭС.*

Учитывая изложенное, можно сделать следующие выводы.

1. Единство в подходах законодателей государств—членов ЕАЭС относительно наименования отраслевых кодифицированных актов, регулирующих семейные отношения, в настоящее время отсутствует. По нашему мнению, подходы белорусского и казахского законодателей не отражают в полной мере предмет регулирования в соотнесении с наименованием отраслевого кодекса, регулирующего семейные отношения.

В связи с чем считаем, что в целях гармонизации семейного законодательства в государствах—участниках ЕАЭС наименование кодекса Республики Беларусь необходимо изложить в следующей редакции — «Семейный кодекс Республики Беларусь».

2. Исходя из персонализированного характера родительско-детских отношений предлагаем название главы 8 КоБС Республики Беларусь изложить в следующей редакции — «Установление происхождения ребенка».

3. Учитывая высокую значимость применения вспомогательных репродуктивных технологий как способа реализации права на репродуктивное здоровье, а также потребность в системном регулировании применения вспомогательных репродуктивных технологий в Республике Беларусь, предлагаем дополнить КоБС Республики Беларусь главой 8-1 «Установление происхождения детей, родившихся в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий», с включением в ее содержание не только положений, регламентирующих собственно установление происхождения детей, родившихся в результате применения экстракорпорального оплодотворения, искусственной инсеминации и суррогатного материнства, но и понятие и содержание договора суррогатного материнства, а также правовые последствия его заключения.

Литература

1. Левушкин А. Н. Правоотношения между родителями и детьми как сфера семейно-правового регулирования: сравнительная характеристика семейного законодательства стран — участников Содружества Независимых Государств // Проблема гармонизации частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации. Науч. школа д-ра юрид. наук, проф. О. Ю. Ильиной: моногр. М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2015. 431 с.

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИИ СЕМЕЙНОГО ПРАВА (НА ПРИМЕРЕ ОПЕКИ И ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СУПРУГОВ)

Л. В. Саенко

Саратовская государственная юридическая академия
доцент кафедры гражданского права
кандидат юридических наук, доцент
saenko7@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные проблемы некоторых институтов семейного права Российской Федерации. Автором вносятся предложения по совершенствованию семейного законодательства в сфере опеки и имущественных отношений супругов, а также предлагается рассматривать институциализацию как процесс и механизм формирования семейного права на современном этапе.

Ключевые слова: институты семейного права, двойная опека.

Abstract. The article discusses the current problems of some institutions of family law of the Russian Federation. The author makes proposals to improve family legislation in the field of guardianship and property relations of spouses, and also proposes to consider institutionalization as a process and mechanism for the formation of family law at the present stage.

Key words: institutions of family law, double guardianship.

Теоретические проблемы институциализации современного семейного права непосредственно связаны с практическим применением законодательно установленных конструкций правового регулирования семейных отношений.

Тематика корректировки ключевых институтов семейного права и семейного законодательства в современный период остра как никогда. Представляется крайне необходимым теоретически осмыслить и практически разработать перспективные направления совершенствования семейного законодательства как на уровне субъектов, так и федерального.

Нельзя сказать, что такие разработки совсем не ведутся [1, с. 21–27], однако они представляют из себя отдельные научные подходы к развитию отдельных институтов. И приводят лишь к выводам о том, что «в большинстве своих институтов российское семейное законодательство нуждается не в шлифовке

отдельных норм, а в существенном изменении подходов к правовому регулированию меняющихся отношений, осложненных семейным элементом», с чем тем не менее сложно поспорить.

Доктринальные позиции по институционализации семейного права и семейного законодательства, по нашему мнению, не должны сводиться только к основным положениям, характеризующим историю возникновения и развития института, современное его состояние, актуальные проблемы и траекторию дальнейшего развития. Здесь необходим комплексный, концептуальный подход. Иначе за пределами научных разработок останутся многие семейно-правовые институциональные образования.

Также нельзя не учитывать, что процесс институционализации охватывает как личные неимущественные, так и имущественные отношения в семейном праве, отношения, осложненные иностранным элементом, оказание международно-правовой помощи по семейным делам.

Процесс этот сложный и не всегда идентично развивающийся. Обходя подробности его формирования, обратимся к примерам актуальных проблемных вопросов институтов опеки (как личных неимущественных отношений по семейному праву) и некоторых аспектов имущественных отношений между супругами.

Семейные правоотношения, как и многие другие, отличаются высоким уровнем динамичности, поэтому законодательство не успевает полностью подстраиваться под них. По причине этого действующие нормативно-правовые акты в данной сфере имеют некоторые пробелы, коллизии, вызывающие научный интерес.

На сегодняшний день актуальным является вопрос определения правовой сущности, так называемого семейного бизнеса. Он преимущественно охватывает сферу оказания услуг, продажу товаров в рамках малого и среднего предпринимательства. Здесь проблематика состоит в возможном разделе общего имущества супругов. Тогда непонятно, как будут раз-

деляться бизнес-активы (например, акции) и какие гарантии есть у второго супруга. Владение такими объектами имущественных отношений подразумевает не только получение прибыли от деятельности юридического лица, но и участие в управлении им. Многие авторы отмечают, что единое мнение по поводу того, что будет полагаться второму супругу — соразмерная денежная компенсация или право вступления в состав участников общества — отсутствует. Председатель Комитета ГД РФ по государственному строительству и законодательству Павел Крашенинников считает, что необходимо на законодательном уровне закрепить запрет на раздел бизнес-активов, в противном случае это может негативно сказаться на бизнесе. Следует закрепить правило о выплате соразмерной денежной компенсации второму супругу (либо в виде единовременной выплаты, либо в виде периодических платежей).

Вторая проблема, связанная с семейным бизнесом, — это возможность совместного банкротства супругов.

В действующем законодательстве не урегулирован вопрос возможности совместного банкротства супругов (за исключением ПП ВС РФ от 25 декабря 2018 г. № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан»).

Еще одна проблема, на которую также нельзя не обратить внимание, — это детско-родительские имущественные отношения, где есть целый ряд проблем. Порой СК РФ вступает в противоречия с ГК РФ. Речь идет о ст. 60 СК РФ, в частности о том, что «согласие ребенка» здесь «поглощается» волей родителей, которые всегда самостоятельно определяют так называемые границы своего поведения. Сам принцип «раздельности имущества детей и родителей» дает им право вступать между собой в различные обязательства, что, в свою очередь, и противоречит ГК РФ, прямо закрепляющему запрет на осуществление таких сделок (за определенным исключением).

Не составляют исключения в существовании актуальных проблем и личные неимущественные отношения. Так, напри-

мер, по нашему мнению, требует дополнительной проработки правовое регламентирование двойной опеки.

На законодательном уровне необходимо ввести механизм реализации укрепления родственно-свойственно-семейных связей как элемента традиционных семейных ценностей через институт опеки и попечительства — путем правового (законодательного) регулирования деятельности профессиональных опекунов. С этой целью возможно разработать модельный закон для применения его в субъектах либо соответствующее постановление Правительства Российской Федерации, регулирующие отношения, возникающие в связи с организацией и осуществлением в субъектах Российской Федерации деятельности по профессиональной опеке над несовершеннолетними, а также содержащее процедурные нормы, регламентирующие осуществление полномочий по организации и осуществлению деятельности по профессиональной опеке.

Предлагается следующая редакция норм:

НПА	Действующая редакция	Предложения по совершенствованию
п. 6 ст. 145 СК РФ	Устройство ребенка под опеку или попечительство допускается в соответствии с Федеральным законом «Об опеке и попечительстве» по договору об осуществлении опеки или попечительства, в том числе по договору о приемной семье, либо в случаях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, по договору о патронатной семье (патронате, патронатном воспитании)	Устройство ребенка под опеку или попечительство допускается в соответствии с Федеральным законом «Об опеке и попечительстве» по договору об осуществлении опеки или попечительства, в том числе по договору о приемной семье, либо в случаях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, по договору о патронатной семье (патронате, патронатном воспитании), либо по договору об осуществлении профессиональной опеки

Окончание табл.

НПА	Действующая редакция	Предложения по совершенствованию
п. 7 ст. 10 48-ФЗ	Орган опеки и попечительства исходя из интересов лица, нуждающегося в установлении над ним опеки или попечительства, может назначить ему нескольких опекунов или попечителей, в том числе при устройстве в семью на воспитание детей, оставшихся без попечения родителей	Орган опеки и попечительства исходя из интересов лица, нуждающегося в установлении над ним опеки или попечительства, может назначить ему нескольких опекунов или попечителей (профессиональных опекунов), в том числе при устройстве в семью на воспитание детей, оставшихся без попечения родителей
Ст. 11 120-ФЗ	Ст. 11 ч. 2 7) осуществляют иные полномочия, которые предусмотрены законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации	Расширение полномочий Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав в сфере надзорных функций за деятельностью профессиональных опекунов над несовершеннолетними возможно предусмотреть в законе субъекта «О профессиональной опеке над несовершеннолетними»
Законодательство субъекта РФ	—	Закон субъекта «О профессиональной опеке над несовершеннолетними»

Семейное законодательство Российской Федерации гарантирует каждому ребенку реализацию права жить и воспитываться в семье, насколько это возможно, право знать своих родителей, право на их заботу, право на совместное с ними проживание, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам (ст. 54 СК РФ). Сохранение семейных традиций как основы уклада семьи, передаваемых из поколения в поколения, соответствующее обычаям и исторически устоявшимся правилам, предполагает возможность воспитания детей всеми членами семьи.

Это указывает на необходимость совершенствования механизма, заложенного в п. 7 ст. 10 ФЗ «Об опеке и попечи-

тельстве» от 24.04.2008 № 48-ФЗ, представляющего возможность назначения нескольких опекунов, исходя из интересов лица, нуждающегося в установлении над ним опеки и попечительства.

Совершенствование данного механизма даст возможность решить проблему установления опеки над несовершеннолетними теми родственниками, с которыми у ребенка сложились тесные родственные связи и эмоциональные привязанности, но в силу объективных причин (состояние здоровья, престарелый возраст и иных) такие лица в полной мере не могут выполнять обязанности опекуна. В этом случае назначение второго профессионального опекуна позволит удовлетворить интересы несовершеннолетнего на воспитание родственниками и в то же время обеспечит права детей на получение социальных и иных государственных гарантий.

Итак, подводя итог рассуждениям об институционализации семейного права, можно отметить, что под ней следует понимать механизм, обеспечивающий набор постоянно повторяющихся и воспроизводящихся социальных отношений и социальных практик людей (например, институт брака, институт семьи), процесс превращения семейно-правовых отношений в институты, то есть в форму организации отношений с установленными правилами, нормами и их саморегуляцией. Э. Дюркгейм образно называл социальные институты фабриками воспроизводства общественных отношений [2].

В семейном праве выделяются:

Укрупненные институты: брак, алиментные обязательства, институт ответственности, права и обязанности супругов, формы воспитания детей, оставшихся без попечения родителей.

Комплексные институты: отобрание ребенка, собственность супругов (семейное и гражданское право); институт устройства детей, оставшихся без попечения родителей (семейное и административное право).

Подынституциональные образования: условия и порядок заключения брака, прекращения брака, недействительность брака, фиктивный брак; алиментные обязательства родителей и детей, алиментные обязательства супругов и бывших

супругов, алиментные обязательства других членов семьи; имущественные права и обязанности супругов; ограничение и лишение родительских прав, приемная семья, опека и попечительство, усыновление и удочерение.

Межотраслевые институты: институт опеки и попечительства, лишение и ограничение родительских прав.

Традиционные институты: институт семьи, права и обязанности родителей и детей, (законный режим имущества супругов). Новейшие институты: договорный режим имущества супругов (брачный договор), институт сожительства, фактическая полигамия, однополые партнерства, отобрание ребенка (изъятие из семьи), заместительные технологии (эко), суррогатное материнство.

Литература

1. Лебединская В. П. Основные тенденции развития ключевых институтов семейного права и семейного законодательства // Актуальные вопросы науки и образования в современных условиях: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Сер. Научный вестник. Изд-во: Северокавказское изд-во МИЛ, 2016. С. 21–27.
2. Социология. Словарь терминов. URL: <http://www.chemnet.ru/rus/teaching/sociology/dic.html> (дата обращения: 11.05.2023).

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ БАНКРОТСТВЕ СЕМЕЙНОГО БИЗНЕСА

Е. В. Токарева

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
кандидат юридических наук, доцент
tokareva2004@ngs.ru

Аннотация. В статье рассматриваются процессуальные аспекты банкротства семейного бизнеса. Основной акцент сделан на исследование процессуальных возможностей совместного банкротства супругов, являющихся владельцами семейного бизнеса, и особенностей доказывания по данной категории дел.

Ключевые слова: банкротство, семейный бизнес, совместное банкротство супругов, раздел имущества.

Abstract. The article discusses the procedural aspects of bankruptcy of a family business. The main focus is on the study of the procedural possibilities of joint bankruptcy of spouses who own a family business and the specifics of proving this category of cases.

Key words: bankruptcy, family business, joint bankruptcy of spouses, division of property.

Действующее законодательство не содержит легального определения понятия «семейный бизнес», что создает ряд определенных практических трудностей, вызванных необходимостью понимания и определения семьи в системе субъектов экономической деятельности, нахождения баланса публичных и частных интересов при реализации ряда семейных правоотношений, а также важности защиты интересов самих членов семьи, что будет способствовать стабильности гражданского оборота. Семейный бизнес в комплексном интегрированном виде может быть определен как предпринимательство в абсолютно любой, разрешенной законом форме организации бизнес-процессов в сфере экономической деятельности, в осуществлении которого участвуют два или более члена одной семьи или же большая часть активов, или когда контроль над организацией бизнеса принадлежит семье и ее членам [1]. Соответственно, семейный бизнес может существовать в различных формах (зачастую и смешанных): индивидуального предпринимательства, группы компаний, крестьянского (фермерского) хозяйства — и как и любой иной вид бизнеса имеет рисковый характер, что нередко приводит к неисполнению супругами, являющимися участниками (владельцами) данного бизнеса, обязательств перед своими кредиторами. Одним из самых негативных последствий такой ситуации является их банкротство.

В юридической литературе справедливо отмечается, что в зависимости от центра сосредоточения интересов участвующих в конкурсном процессе лиц представляется возможным выделить банкротство непосредственно семейного бизнеса как хозяйствующей корпорации и персональное банкротство участников корпорации, фактических бенефициаров бизнеса. В последнем случае бизнес является активом должника, подлежащим включению в конкурсную массу [2].

Действующий в настоящее время ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» предусматривает возможность признания несостоятельными (банкротами) не только юридических лиц, но и индивидуальных предпринимателей и физических лиц, что, несомненно, повышает его значимость, а последние направления законодателя в сфере банкротства физических лиц на практике показывают широкое принятие обществом процедуры банкротства, являющейся наиболее цивилизованным инструментом урегулирования неплатежеспособности должника. Вместе с тем ряд норм, регулирующих данный правовой механизм, до настоящего времени продолжает вызывать определенные сложности в их применении. Еще большее количество вопросов возникает в случаях осложнения таких правоотношений некими дополнительными условиями, к которым можно отнести наличие в них семейных связей, ведение бизнеса членами семьи, что позволяет по-иному подходить к решению ряда возникающих в данном случае вопросов.

Современная модель семьи в настоящее время не соответствует законодательно установленным подходам, основанным на применении среднестатистического, усредненного подхода, сформированного еще в советский период. По справедливому утверждению Е. С. Ганичевой, «для подобной модели семьи вполне справедливым можно считать правило, согласно которому имущество, приобретенное супругами в браке, является их совместной собственностью и они в равной мере могут участвовать в его использовании, а также в решении вопросов о распоряжении им, а в случае раздела имущества в судебном порядке доли супругов в этом имуществе по общему правилу признаются равными» [3]. В ситуациях, когда члены семьи заняты предпринимательской или иной приносящей доход деятельностью либо когда один из членов семьи имеет стабильно высокий доход, приводящий к изменению объема имущественной массы, относящейся согласно закону к совместной собственности супругов, законодательное регулирование воспринимается иначе, что побуждает законодателя искать новые механизмы урегулирования складывающихся правоотношений.

Статьей 34 Семейного кодекса РФ предусмотрен примерный перечень общего имущества супругов. В него входят доходы супругов от трудовой и предпринимательской деятельности, а также собственность, приобретенная на общие доходы. В этой связи вопросы совместного банкротства супругов приобретают все большую актуальность. Законодательство при этом не предусматривает возможности объединить дела о несостоятельности с разными должниками в одно. Однако о возможности объединения двух дел о несостоятельности супругов в одно заявил Верховный Суд РФ в п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» [4]. Такое право суда, по мнению высшей судебной инстанции, обуславливается только целями процессуальной экономии и упрощением порядка реализации имущества. Таким образом, на данный момент отсутствует единообразная судебная практика по вопросу объединения дел о несостоятельности супругов в одно. Часть судов отказывает, ссылаясь на отсутствие такой возможности в федеральном законодательстве, иные указывают, что подобное объединение является правом, а не обязанностью суда и производится в случае целесообразности процессуальной и иной экономии [5]. Однако имеется судебная практика, которая подтверждает возможность объединения двух дел о несостоятельности даже при нахождении их на разных этапах [6].

В ноябре 2019 года в Государственную думу был внесен законопроект № 835938-7 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Данным законопроектом предлагалось внести изменения в Закон о банкротстве, в том числе путем добавления ст. 213.33, которой предполагалась возможность подачи в арбитражный суд заявления о признании обоих супругов банкротами. Указанное правомочие по законопроекту предоставлялось супругам, их кредиторам и финансовому управляющему. Но в конечную версию законопроекта данное предложение не вошло. Возможно, это связано с тем фактом, что большая часть вопросов, связанных

с банкротством супругов, названным законопроектом, не разрешалась. Так, в частности, не был решен вопрос о порядке дальнейшего удовлетворения требований в случае, если требования конкурсной массы одного из супругов были погашены, не были подробно регламентированы условия удовлетворения такого заявления, порядок определения признаков неплатежеспособности и пр.

Вместе с тем ряд проблемных вопросов по данной тематике лежит именно в процессуальной плоскости и возникает не только в процессе рассмотрения дела, но уже и на стадии его возбуждения: допустимо ли совместное банкротство двух и более должников (в данном случае являющихся участниками (сособственниками) семейного бизнеса) и какое процессуальное положение будут занимать в данном случае банкротящиеся супруги? возможно ли объединение в одно производство двух дел о банкротстве, возбужденных в отношении супругов, являющихся участниками (собственниками) семейного бизнеса)? допустимо ли совместное банкротство супругов в ситуации, когда признаки банкротства, являющиеся основаниями для возбуждения производства по делу, наличествуют только у одного из супругов? как происходит распределение бремени доказывания общего характера обязательств при совместном банкротстве супругов? Данный перечень вопросов не является исчерпывающим, и ответить в рамках одной статьи даже на них не представляется возможным, поэтому остановимся лишь на некоторых из них.

Что мешает судам в настоящее время в подавляющем большинстве удовлетворять заявления о совместном банкротстве супругов? Отсутствие специального правового регулирования, допускающего множественность лиц в делах о банкротстве, вместе с тем позволяет сделать вывод и об отсутствии каких-либо императивных норм, запрещающих применить конструкцию процессуального соучастия при рассмотрении отдельных категорий дел о несостоятельности (банкротстве), что и дало возможность на данный момент сформировать такую немногочисленную судебную практику. Целиком соглашаясь с точкой зрения авторов, обосновывающих положительный эффект совместного банкротства супругов возмож-

ностью увеличения конкурсной массы за счет общего супружеского имущества, нивелированием рисков сокрытия общего супружеского имущества, путем включения его в конкурсную массу, экономией времени, минимизацией рисков приобретателя имущества должника-банкрота, снижением нагрузки для самых судов [7], хотелось бы высказать следующую мысль.

Анализ положений ст. 46 АПК РФ позволяет сделать вывод, что конструкция процессуального соучастия предопределена спецификой некоторых материально-правовых отношений, которые характеризуются множественностью лиц на стороне кредитора или должника, и основанием возникновения процессуального соучастия является однородный материально-правовой интерес в рассматриваемом деле [8]. Применительно к изучаемому нами вопросу множественность следует из факта обладания супругами общего имущества и наличия общих долговых обязательств, что обусловлено лично-доверительным характером отношений между ними и допускает в данном случае формирование единого реестра требований кредиторов, а также формирование конкурсной массы в рамках единого дела о банкротстве должника. Несмотря на имеющиеся недостатки процедуры совместного банкротства супругов, о которых упоминается на страницах юридической литературы [9], считаем необходимым отметить, что она способна упростить и сделать более эффективной процедуру банкротства в случаях осложнения данных правоотношений по субъектному составу, но только при условии ее надлежащего правового регулирования.

На страницах юридической литературы уже не раз отмечалось, что в части формирования конкурсной массы из совместного имущества супругов законодатель занял принципиально прокредиторскую позицию [10], основанную на положениях п. 4 ст. 213.1 ФЗ «О несостоятельности «банкротстве», п. 7 ст. 213.26 ФЗ «О несостоятельности «банкротстве», которыми установлено, что имущество гражданина (вне зависимости от того, является он индивидуальным предпринимателем или нет), принадлежащее ему на праве общей собственности с супругом (бывшим супругом), подлежит реализации в деле о банкротстве гражданина. В конкурсную массу вклю-

чается часть средств от реализации общего имущества супругов (бывших супругов), соответствующая доле гражданина в таком имуществе, остальная часть этих средств выплачивается супругу (бывшему супругу). Если при этом у супругов имеются общие обязательства (в том числе при наличии солидарных обязательств либо предоставлении одним супругом за другого поручительства или залога), причитающаяся супругу (бывшему супругу) часть выручки выплачивается после выплаты за счет денег супруга (бывшего супруга) по этим общим обязательствам. В таких случаях супруг (бывший супруг) вправе участвовать в деле о банкротстве гражданина при решении вопросов, связанных с реализацией общего имущества. Такая ситуация, на нашему мнению, является оправданной в случае банкротства одного из супругов и позволяет защитить права и интересы не только кредиторов банкротящегося супруга, но и права и интересы второго супруга. Однако насколько «рабочей» такая позиция будет в случае подачи совместного банкротства супругов, а тем более в случае подачи такого заявления кредиторами несостоятельных супругов?

Определением Верховного Суда РФ от 23.09.2014 № 4-КГ14-20 сформулирована презумпция режима общей совместной собственности супругов, смысл которой заключается в том, что ни один супруг в случае спора не обязан доказывать факт общности имущества, если оно нажито в период брака, так как в силу закона (п. 1. ст. 34 СК РФ) существует презумпция, что указанное имущество является совместной собственностью супругов. Иное может быть установлено брачным договором супругов (п. 1 ст. 33 СК РФ). Пунктом 2 ст. 45 Семейного кодекса РФ установлено, что взыскание обращается на общее имущество супругов по общим обязательствам супругов, а также по обязательствам одного из супругов, если судом установлено, что все полученное по обязательствам одним из супругов было использовано на нужды семьи. Таким образом, при совместном банкротстве для обращения взыскания на общее имущество супругов необходимо доказать наличие общего обязательства, а также факт того, что все полученное было использовано на нужды семьи. В п. 5 раздела 3 Обзора судебной практики № 1, утв. Президиумом Вер-

ховного Суда РФ 13.04.2016, указано, что бремя доказывания обстоятельств, вытекающих из п. 2 ст. 45 СК РФ, лежит на стороне, которая претендует на распределение долга, поскольку действующее законодательство не содержит положения о том, что согласие супруга предполагается в случае возникновения у одного из супругов долговых обязательств перед третьими лицами [11]. Полагаем, что такой подход является сомнительным с точки зрения сути складывающихся в данном случае отношений, а также противоречит позиции высшей судебной инстанции, сформулированной в указанном выше Определении Верховного Суда РФ от 23.09.2014 № 4-КГ14-20.

На практике доказательства того, что деньги потрачены на нужды семьи, за исключением расходования средств в рамках целевых займов, которые в безналичной форме перечислены на приобретение какого-либо товара, могут представить лишь супруги. Кредитор в данном случае практически лишен такой возможности, тогда как в силу положений ст. 65 АПК РФ именно на нем будет лежать обязанность доказать заявленное требование. Также кредиторы не могут обратиться к суду с ходатайством об истребовании данных доказательств, так как они могут элементарно не знать, какие конкретно доказательства должны быть истребованы, а это является определяющим в данном случае. В результате чего, в удовлетворении таких требований кредитор может быть отказано.

На страницах юридической литературы уже обращалось внимание на трудности, с которыми сталкиваются кредиторы при доказывании общего характера обязательств супругов, и в качестве решения данной проблемы было предложено перераспределить бремя доказывания между участниками процесса, возложив его на супруга, «возражающего против обращения взыскания на общее имущество» [12].

В доктрине процессуального права перераспределение обязанностей по доказыванию рассматривается в качестве доказательственной презумпции [13], существо которой состоит в том, что при особой трудности доказывания определенного факта закон освобождает сторону от этой обязанности, если доказан связанный с ними другой факт. Обязанность доказывания противоположного факта возлагается на другую сторону.

В связи с чем, указанная выше формулировка, допускающая перераспределение обязанностей по доказыванию по данной категории дел, в свете обозначенных выше проблем представляется нам не совсем точной. Более верной нам представляется точка зрения, исходящая из презумпции расходования денежных средств на нужды семьи, т. к. она не возлагает непосильное бремя доказывания на кредитора (как правило, должнику намного проще доказать, как он расходовал денежные средства) и исходит из ординарного уклада семейной жизни [14].

В заключение хотелось бы отметить, что перечень проблемных вопросов, обозначенных в рамках данной статьи, которые возникают при совместном банкротстве супругов, являющихся владельцами семейного бизнеса, не является исчерпывающим. Вместе с тем они свидетельствуют о важности и актуальности заявленной темы и определяют необходимость более тщательной теоретической и практической разработки данного правового механизма, что позволит соблюсти баланс интересов должников и кредиторов в делах о несостоятельности (банкротстве).

Литература

1. Левушкин А. Н., Надысева Э. Х. Переход семейного бизнеса по наследству // Наследственное право. 2021. № 3. С. 8–12.
2. Ремизова О. Н. Некоторые вопросы банкротства семейного бизнеса // Семейный бизнес в правовом пространстве России: моногр. / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2020. С. 366.
3. Ганичева Е. С. Особенности доказывания по делам о защите имущественных прав супругов и пути совершенствования обеспечивающего их реализацию законодательства // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 128.
4. О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан: постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11.04.2019 по делу № А40-205091/17 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Определение Арбитражного суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 11.02.2019 по делу № А81-3290/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Волгина О. А., Хисаимов Р. В. Совместное банкротство супругов в России: как осуществить его на практике и какая от этого польза // Закон. 2017. № 2. С. 67.

8. Соловых С. Ж. Множественность лиц в обязательстве как основание процессуального соучастия по делам о несостоятельности (банкротстве) // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 6. С. 45–48.
9. Невоструев А. Г., Карачева К. А. Рассмотрение арбитражным судом дел о банкротстве с участием нескольких должников // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 10. С. 40–45.
10. Карелина С. А., Фролов И. В. Семейный бизнес и проблемы формирования конкурсной массы в условиях финансовой несостоятельности (банкротства) супругов (бывших супругов): отечественный и зарубежный опыт // Семейный бизнес в правовом пространстве России: моногр. / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2020. С. 307.
11. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016) // СПС «КонсультантПлюс».
12. Олевинский Э. Ю. Правовое регулирование несостоятельности граждан — коротко о важном // Закон. 2015. № 12. С. 53–63.
13. Нахова Е. А. Доказательственное право в гражданском судопроизводстве: Общая часть: моногр. СПб.: ВВМ, 2012. С. 269–277.
14. Хлюстов П. В. Совместное имущество супругов: проблемы формирования конкурсной массы гражданина банкрота // Закон. 2015. № 12. С. 67.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БУЛЛИНГА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ РОССИИ

И. А. Толочкова

Саратовская государственная юридическая академия
старший преподаватель
irina_tolochkova@mail.ru

Аннотация. В статье изучается проблематика правового регулирования буллинга в образовательных организациях. Рассматривается проблема буллинга как социального феномена и особенности его новой «цифровой» формы — кибербуллинга — на примере школьной травли. Исследуя научную литературу и законодательство, автор приходит к выводу, что данная проблематика очень остро стоит на повестке дня не только в нашей стране, но и за рубежом. На сегодняшний день 25 % учеников сталкиваются с буллингом. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства в этой сфере.

Ключевые слова: буллинг, право на образование, обучающийся, образовательная организация.

Abstract. The article studies the problems of legal regulation of bullying in educational organizations. The problem of bullying as a social phenomenon and the features of its new “digital” form — cyberbullying — are considered on the example of school bullying. Examining the scientific literature and legislation, the author comes to the conclusion that this issue is very acute on the agenda not only in our country, but also abroad. To date, 25 % of students face bullying. Proposals have been formulated to improve legislation in this area.

Key words: bullying, right to education, student, educational organization.

Проблема буллинга стоит остро не только в нашей стране, но и по всему миру. В таких странах, как Норвегия, Финляндия, США, Италия и др., исследования данного аспекта проводятся уже не одно десятилетие. В России изучение проблематики происходит последние десятилетия. С каждым годом все больше ученых различных отраслей науки уделяют внимание данному вопросу. Большинство данных работ посвящены психологии, педагогике (анализируют и знакомят читателя с понятием «буллинг», приводят мировые статистические данные, обсуждают основные проблемы в области изучения буллинга и методы противодействия этому явлению).

Буллинг — систематическое издевательство, бойкот и игнорирование, порча личных вещей, запугивания, травля, распространение лживой, порочащей ребенка информации, использующей публичные оскорбления, в том числе и использованием сети «Интернет» (кибербуллинг), размещение видеороликов со сценами побоев, истязаний и иных насильственных действий в отношении малолетних детей и подростков, угрозы применения насилия и совершение иных действий, унижающих честь и достоинство.

Три характерные черты буллинга, которые его отличают от других форм агрессии: целенаправленность, систематичность, дисбаланс сил [3, с. 222]. Целенаправленность подразумевает под собой не безобидное подшучивание или случайный конфликт между двумя детьми, а действия, совершаемые в отношении конкретного лица, с целью причинить вред, обидеть, высмеять, унижить и т. д. Систематичность характеризуется повторяющимися действиями. Чаще всего при буллинге стороны конфликта не равны, т. е. обидчик сильнее физиче-

ски или морально, имеет более высокий социальный статус в группе. Обидчик, таким образом, вызывает страх у жертвы и хочет подчинить ее себе.

В связи с развитием сети «Интернет» и разработкой различных социальных сетей появился новый вид буллинга — кибербуллинг. При этом данный вид агрессии вызывает у детей не менее сильную тревогу, так как порочащая информация не исчезает, ее невозможно полностью удалить и отдельные фрагменты будут доступны пользователям сети по запросу.

Наиболее расширенное понятие кибербуллинга дала К. А. Барышева. По мнению автора, «кибербуллинг — явление, связанное с использованием электронной почты, мгновенных сообщений, вебстраниц, блогов, форумов и чатов, MMS- и SMS-сообщений, онлайн-игр и других информационных технологий коммуникации, с целью негативного воздействия на личность человека» [1, с. 62].

На сегодняшний день с травлей сталкиваются 25 % учеников школ [2, с. 19]. При этом каждый третий подросток встречается с буллингом чаще чем раз в месяц. Многие из обучающихся не сообщают об этом никому, переживают эту проблему наедине с собой, что в дальнейшем сказывается на здоровье, психологическом состоянии, реализации себя на работе, в общении с другими людьми.

В соответствии с п. 1 статьи 9 ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»¹ права ребенка не могут быть ущемлены при осуществлении деятельности в области образования ребенка как в семье, так и в организации, осуществляющей образовательную деятельность. В сфере образования основополагающим нормативно-правовым актом является ФЗ от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее — ФЗ «Об образовании...»). Данный акт определяет правовые основания для антибуллинговой деятельности.

Основополагающие принципы государственной политики и правового регулирования в сфере образования закреплены

¹ Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ // СЗ РФ от 3 августа 1998 г. № 31. Ст. 3802.

в пункте 3 части 1 статье 3 ФЗ «Об образовании...». Принцип гуманистического характера образования, приоритета жизни и здоровья человека, прав и свобод личности, свободного развития личности, воспитание взаимоуважения, гражданской ответственности, ответственности, правовой культуры. Необходимо также отметить, что данный закон определяет права и обязанности обучающихся и их родителей (законных представителей), в том числе право обучающихся на уважение человеческого достоинства, защиту от всех форм физического и психического насилия, оскорбления личности, охрану жизни и здоровья, на получение социально-педагогической и психологической помощи, бесплатной психолого-медико-педагогической коррекции. Обязанность обучающихся — уважать честь и достоинство других обучающихся и работников организации, осуществляющей образовательную деятельность, не создавать препятствий для получения образования другими обучающимися. Дисциплина в образовательной организации поддерживается на основе уважения человеческого достоинства всех ее участников (обучающихся и педагогов). Применение физического и (или) психического насилия не допускается.

На образовательные организации возлагается обязанность по созданию безопасных условий обучения, воспитания, присмотра и ухода за обучающимися, их содержания в соответствии с установленными нормами, обеспечивающими жизнь и здоровье обучающихся и работников образовательной организации, соблюдение прав и свобод обучающихся, родителей (законных представителей) несовершеннолетних, а также работников образовательной организации. Образовательные организации несут ответственность за обеспечение безопасности обучающегося во время пребывания в указанных организациях.

В связи с тем что буллинг это не разовая акция, а носит систематический характер, направленный на физическое и психологическое здоровье ребенка, подрывает его уверенность в безопасности нахождения в образовательной организации, связан с унижением его личности и достоинства, меры по противодействию школьного буллинга должны рассматриваться и закрепляться на государственном уровне.

Ряд правовых механизмов уже закреплены законом. В целях защиты прав обучающихся ФЗ «Об образовании...» предусматривает механизм обращения в комиссию по урегулированию споров между участниками образовательных организаций. Такая комиссия создается из равного числа представителей совершеннолетних обучающихся, родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся, работников организации, осуществляющей образовательную деятельность. Порядок создания, организации работы, принятия решений комиссией по урегулированию споров между участниками образовательных отношений и их исполнения устанавливается локальным нормативным актом, который принимается с учетом мнения советов обучающихся, советов родителей, а также представительных органов работников этой организации и (или) обучающихся в ней (при их наличии).

На сегодняшний момент в некоторых регионах России [4, с. 31–34] работает социально-просветительский проект «Азбука семьи». АНО «Азбука семьи» создана в целях укрепления традиционных семейных ценностей и ранней профилактики семейного неблагополучия. В данной организации работают психологи, педагоги, опытные родители и усыновители, которые помогают родителям и детям разобраться в себе и найти взаимопонимание в семье. Однако данная организация не может охватить всех нуждающихся, многие граждане просто даже не знают о существовании такой школы для родителей.

Семья, школа, в частности, учитель должны стать активными участниками процесса по профилактике буллинга. Однако широко известных комплексных программ противостояния травле нет.

В связи с этим считаем необходимым разработать на государственном уровне с привлечением педагогов, психологов, родителей программу государственного проекта «Школа родителей». Данная программа позволит объединить усилия семьи, школы, различных субъектов профилактики для более эффективного процесса организации воспитания ребенка в традиционных семейных ценностях.

Литература

1. Барышева К. А. Определение понятия и общественно опасной природы киберсталкинга // Адвокат. 2016. № 10. С. 62.
2. Бочавер А.А. Школьный опыт буллинга и актуальное благополучие у студентов // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26. № 2. С. 19.
3. Иванюшина В. А., Ходоренко Д. К., Александров Д. А. Распространенность буллинга: возрастные и гендерные различия, значимость размеров и типа школы // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. 2021. № 4. С. 222.
4. Саенко Л. В. Мичурина Е. С. О формах правового участия социально ориентированных некоммерческих организаций в реализации государственной семейной и молодежной политики: на примере Саратовской области // Гражданское право. 2022. № 6. С. 31–34.

СЕМЬЯ КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ: ВОПРОСЫ ГАРАНТИЙ

А. Ю. Гадбин

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
аспирант

Аннотация. В 2020 г. в Конституцию РФ внесены поправки, которые, в частности, были направлены на традиционное понимание семьи, а также укрепление ценностного понимания семьи как союза мужчины и женщины. В этом случае государство следует исторически сложившемуся подходу к определению семьи и ее месту в российской правовой системе.

Ключевые слова: семья, брак, конституционные поправки.

Abstract. In 2020, amendments were made to the Constitution of the Russian Federation, which, in particular, were aimed at the traditional understanding of the family, and also strengthened the value understanding of the family as a union of a man and a woman. In this case, the state follows the historically established approach to defining the family and its place in the Russian legal system.

Key words: family, marriage, constitutional amendments.

Конституция РФ как политико-правовой документ отражает наиболее значимые достижения российской государственности и права, адаптируя содержание основного

закона к потребностям гражданского общества, национальной безопасности и государственного суверенитета. Семья занимает в конституционном тексте самостоятельное место и рассматривается как ценность, защита которой обеспечивается с помощью механизма конституционно-правового регулирования, который продолжается в ряде иных отраслей отечественного права. Конституционная реформа 2020 г. стала отражением государственной политики, направленной на попытки ряда международных институций и государств навязать России свое видение семьи, которое разрушило бы ценностные устои, тесно связанные с отечественной историей и культурой.

Конституционные поправки 2020 г. направлены на закрепление на высшем государственном и конституционном уровне традиционного (исторически сложившегося) понимания брака как союза мужчины и женщины (п. «ж. 1» ст. 72 Конституции РФ). В результате Российская Федерация указала, что не признает браки в иных форматах, отрицает возможность государственной регистрации в пределах территории нашей страны однополых браков. Н. Н. Трусина отмечает, что такой «силовой» поход к разрешению поставленной проблемы защитил фундаментальное отечественное понимание брака, придав ему статус «конституционно-правовой поправки в сфере семьи, ориентированной на сохранение и следование традиционным семейным ценностям» [1, с. 33–52].

В большинстве случаев представители отечественной юридической науки поддерживают конституционные положения о браке как союзе мужчины и женщины. Так, В. В. Гошуляк отмечает, что стремление стран Запада к легализации однополых браков и расширению их семейных прав потребовало от Российской Федерации именно на конституционном уровне сделать «упор на традиционное понимание семьи, поскольку семья создается для рождения и воспитания детей» [2, с. 31–40], определив в качестве ориентира развития российского государства и общества сохранение фундаментальных семейных отношений. В научной литературе можно встретить и критическое отношение к императивному российскому пониманию брака. Например, А. А. Кондрашев такой подход

характеризует негативно — как «архаизацию традиционных ценностей, консервацию правовых институтов, внутреннюю изоляцию российского права» [3, с. 15–25].

Представляется, что, определив традиционное понимание брака на конституционном уровне, государство следовало устойчивой тенденции, которая всегда в той или иной степени отражалась в актах, имеющих основополагающее правовое значение. Причем тенденция сохранялась и до революции, и после нее. Так, в ст. 53 Конституции СССР 1977 г. юридическую гарантию на высшем уровне получило понимание брака только как союза мужчины и женщины. В определенной степени эта норма закрепила естественную для того времени дефиницию, но тем не менее обозначила подход на будущее, перечеркнув любые возможные дискуссии о содержании брака. В 1990-е гг. государственный строй существенно изменился, принимается Конституция РФ, либеральные ценности на короткое время начинают определять государственную идеологию. Однако на этом этапе традиционная парадигма при определении брака сохраняется. Она неоднократно подтверждалась решениями Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. В связи с тем что семейное право затрагивает межличностные отношения, их регулирование по мнению Конституционного Суда РФ должно осуществляться на основе традиционных представлений об этих ценностях [4]. В качестве второго обоснования признания на официальном уровне брака как только разнополого союза является социальное демографическое предназначение семьи, основная задача которой заключается в рождении и воспитании детей. Уже в 2021 г. была попытка ЕСПЧ «обязать» российские власти признать однополые браки. Очевидно, что она также не состоялась, российские органы всех ветвей федеральной и региональной власти поддержали отказ от исполнения данного Постановления ЕСПЧ на территории России в интересах обеспечения государственной идентичности и суверенитета. Важно, что конституционные поправки сподвигли ряд субъектов Российской Федерации к включению традиционного понимания брака в их уставы и конституции. В частности, это

произошло в Республиках Дагестан, Коми, Хакасии, Карелии, Новосибирской и Тульской областях.

Важно отметить, что анализируемую конституционную поправку не следует рассматривать только как фактор отторжения навязываемых «западных ценностей» и противостояния по данному вопросу со странами — приверженцами однополых браков. В то же время отдельные страны Западной Европы основной формой брака, аналогично российской концепции, признают союз мужчины и женщины, но следует уточнить, что не единственной. Либеральные страны предлагают использовать для характеристики иных форматов понятие «брачные союзы» или «гражданское партнерство», легализуя иные формы сожителства.

Таким образом, на всем протяжении формирования государственной позиции по вопросу признания или отрицания легализации нескольких вариантов брачных союзов Российская Федерация придерживается исторического традиционного понимания брака, гарантирует его на конституционном уровне и охраняет в рамках осуществления конституционного контроля.

Конституционный Суд Российской Федерации, оценивая поправку Конституции РФ 2020 года на этапе ее разработки, не увидел в ней дискриминационного характера и обозначил социально-экономическую, демографическую значимость таких конституционных преобразований. Именно только на такой формат понимания брака ориентирована российская государственная семейная политика.

Литература

1. Тарусина Н. Н. Семейные ценности под эгидой права: новое в традиции и традиция в новом // *Lex russica*. 2023. Т. 76. № 1. С. 33–52.
2. Гошуляк В. В. Защита семьи как предмет совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации // *Актуальные проблемы российского права*. 2023. № 4. С. 31–40.
3. Кондрашев А. А. Тенденции конституционного развития России в контексте конституционной реформы 2020 года // *Конституционное и муниципальное право*. 2021. № 11. С. 15–25.
4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2006 г. № 496-О.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНЫЕ РЕФОРМЫ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ»

РЕФОРМИРОВАНИЕ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОСУДИЯ

О. С. Головачук

Уральский государственный юридический университет
имени В. Ф. Яковлева
доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса
кандидат юридических наук
persival@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена судебной реформе в РФ. Особое внимание уделено созданию апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции в судебной системе РФ, анализу положительных аспектов данного процесса, а также выявлению имеющихся недостатков с целью предложения путей их преодоления.

Ключевые слова: судебная реформа, судебная система, апелляционные и кассационные суды, правосудие.

Abstract. The article is devoted to judicial reform in the Russian Federation. Special attention is paid to the creation of courts of appeal and cassation, the analysis of the positive aspects of this process and the identification of existing shortcomings in order to suggest ways to overcome them.

Key words: judicial reform, judicial system, courts of appeal and cassation, justice.

Основным документом, который определил главные задачи и важнейшие направления судебной реформы, является Концепция судебной реформы, утвержденная Постановлением Правительства РФ от 24 октября 1991 г. № 1801-1. Так, в соответствии с положениями Концепции, одна из задач

реформы — это утверждение судебной власти в государственном механизме как самостоятельной влиятельной силы, независимой в своей деятельности от властей законодательной и исполнительной. При этом в качестве путей решения обозначенной задачи (направлений реформаторской деятельности) выступают:

- создание федеральной судебной системы;
- признание права каждого лица на разбирательство его дела судом присяжных в случаях, установленных законом;
- расширение возможностей обжалования в суд неправомерных действий должностных лиц, установление судебного контроля за законностью применения мер пресечения и других мер процессуального принуждения;
- организация судопроизводства на принципах состязательности, равноправия сторон, презумпции невиновности подсудимого;
- дифференциацию форм судопроизводства;
- совершенствование системы гарантий независимости судей и подчинения их только закону, закрепление принципа их несменяемости.

С момента начала судебной реформы прошло уже более тридцати лет. За это время была «создана мощная база правового регулирования деятельности судебной системы нового формата» [3, с. 150]. Прежде всего, следует назвать Конституцию РФ, глава 7 которой посвящена судебной власти и прокуратуре. В указанной главе закреплены основополагающие начала функционирования судебной власти в нашей стране:

- правосудие осуществляется только судом;
- судебная система устанавливается Конституцией РФ и федеральными конституционными законами;
- судьи независимы и подчиняются Конституции РФ и федеральному закону;
- судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон и др.

В развитие конституционных положений были приняты федеральные конституционные законы «О судебной системе Российской Федерации», о высших судебных органах — Верховном Суде РФ и Конституционном Суде РФ, «О судах общей

юрисдикции», «О военных судах», а также федеральные законы «О статусе судей в Российской Федерации», «О мировых судьях в Российской Федерации», «О присяжных заседателях судов общей юрисдикции в Российской Федерации» и др. Вступили в действие российские процессуальные кодексы: УПК РФ, ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ.

Но процесс реформирования судебной системы, направленный на повышение ее эффективности, продолжается. В частности, речь идет о создании системы апелляционных и кассационных судов.

1 июля 2018 г. вступил в силу федеральный конституционный закон «О внесении изменений в федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции». А с 1 октября 2019 г. эти суды уже начали функционировать. С момента начала их деятельности прошло почти пять лет, поэтому можно подвести первые итоги и посмотреть, как отразилось появление этих судов на эффективности правосудия.

На сегодняшний день на территории РФ действует пять апелляционных судов общей юрисдикции и девять кассационных судов общей юрисдикции. Порядок пересмотра приговоров и иных решений по уголовным делам выглядит следующим образом. В соответствии со статьей 389.3 УПК РФ судебные решения, не вступившие в законную силу, могут быть обжалованы в апелляционном порядке. При этом жалобы и представления на решения мировых судей рассматриваются районными судами, на решения районных судов — судебными коллегиями по уголовным делам суда субъекта РФ. Если же обжалуется решение суда субъекта РФ, то дело будет рассматриваться соответствующим апелляционным судом общей юрисдикции.

Вступившие в законную силу решения по уголовным делам обжалуются в порядке, определенном статьей 401.3 УПК РФ. Так, согласно пункту 1 части 1 указанной статьи кассационным судом общей юрисдикции будут рассматриваться жалобы и представления на приговор и постановление мирового судьи; приговор, определение и постановление районного суда; приговор, определение и постановление суда субъ-

екта РФ, определение и постановление апелляционного суда общей юрисдикции, за исключением приговора или иного итогового судебного решения суда субъекта РФ, вынесенного в ходе производства по уголовному делу в качестве суда первой инстанции, а также приговора или иного итогового судебного решения апелляционного суда общей юрисдикции, вынесенного по результатам пересмотра такого решения.

Создание системы самостоятельных апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции направлено на обеспечение независимости и самостоятельности судей. Ранее, как отмечает Ю. А. Коршунов, в судах общей юрисдикции порой возникали ситуации, когда президиум областного суда рассматривал в кассационном порядке жалобы на апелляционные определения этого же суда [2, с. 72]. Благодаря реформе, подобные случаи исключены из судебной практики. Апелляционные и кассационные жалобы на решения рассматриваются разными судами, что обеспечивает независимость судей вышестоящих судебных инстанций при принятии ими решений.

Кроме того, апелляционные и кассационные суды территориально удалены от судов первой инстанции, что пресекает противозаконные попытки представителей властных структур соответствующего региона оказать влияние на судей, пересматривающих дело, и добиться принятия решения в своих интересах. Так, в апелляционном порядке жалобы и представления на решения Свердловского областного суда рассматривает 2-й апелляционный суд общей юрисдикции, территориально расположенный в г. Санкт-Петербург. Пересмотр решений, вынесенных судами, действующими на территории Свердловской области, осуществляет 7-й кассационный суд общей юрисдикции, находящийся в Челябинске.

Но ученые-процессуалисты и практические работники справедливо указывают на так называемую половинчатость реформы применительно к апелляционному производству [2]. В частности, специальные апелляционные суды рассматривают только жалобы и представления на не вступившие в законную силу решения судов субъектов РФ. Их юрисдикция не распространяется на решения мировых судей и районных

судов. В качестве одной из предполагаемых причин такого подхода называют «необходимость сохранения близких к населению апелляционных инстанций нижестоящих судов» [1, с. 190]. Но при этом сохраняется очень большая нагрузка на судей районных судов, которые наряду с рассмотрением дел в качестве суда первой инстанции должны заниматься пересмотром в апелляционном порядке решений мировых судей. Такая загруженность не может не сказаться на результатах деятельности данного звена судебной системы, а значит, и на эффективности правосудия в целом. Поэтому, на наш взгляд, необходимо при создании системы апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции руководствоваться единым принципом — передать рассмотрение не только всех кассационных, но и всех апелляционных жалоб специальным судам. Реализация данного предложения требует также увеличения общего количества апелляционных судов общей юрисдикции.

Проблема же доступности в таких случаях правосудия для населения успешно решается путем применения в уголовном судопроизводстве систем видео-конференц-связи.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что создание специальных апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции как один из этапов продолжающейся судебной реформы, безусловно, влечет повышение эффективности правосудия, так как обеспечивает реализацию принципа независимости судей, исключение незаконного воздействия на них со стороны представителей органов власти в регионах, снижает нагрузку на судей, что позволяет им больше внимания уделить каждому из рассматриваемых дел, а значит, вынести законное и обоснованное решение. В то же время необходимо дальнейшее совершенствование созданной системы в целях повышения эффективности правосудия.

Литература

1. Гайсин Н. И., Латыпова А. Р., Спиридонова П. И. Новая судебная система: положительные стороны, проблемы и возможные пути их решения // Образование и право. № 1. 2020. С. 188–192.
2. Коршунов Ю. А. Создание апелляционных и кассационных судов: некоторые итоги масштабной реформы // Юридическая наука. № 4. 2019. С. 71–74.
3. Радаева С. В. Судебные реформы в системе средств повышения эффективности правосудия // Образование и право. № 11. 2020. С. 147–152.

МЕРЫ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ИСПОЛНЕНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ДОКУМЕНТА: О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В. П. Скобелев

Белорусский государственный университет
заместитель декана по учебной работе
и образовательным инновациям юридического факультета
кандидат юридических наук, доцент
s_v_p@tut.by

Аннотация. В статье показано, что опись имущества должника не может являться самостоятельной мерой по обеспечению исполнения исполнительного документа.

Ключевые слова: исполнительное производство, исполнительный документ, обеспечительная мера, должник, опись имущества, арест имущества.

Abstract. The article shows that the inventory of the debtor's property cannot be an independent measure to ensure the execution of the executive document.

Key words: enforcement proceedings, executive document, interim measure, debtor, inventory of property, seizure of property.

Предусмотренные Законом Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З «Об исполнительном производстве» (далее — Закон об ИП) меры по обеспечению исполнения исполнительного документа являются одними из важнейших средств достижения целей, стоящих перед органами принудительного исполнения. Между тем правовое регулирование данных мер демонстрирует ряд проблем: присутствие дублирующих друг друга нормативных предписаний, не совсем корректная редакция отдельных норм, нечеткое отграничение обеспечительных мер от иных мероприятий, реализуемых в исполнительном производстве, и др. Закон Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 90-З «Об изменении законов по вопросам исполнительного производства» (далее — Закон № 90-З), которым в Закон об ИП были внесены большие корректировки, всех проблем, к сожалению, не решил, а в отечественной литературе [1–3; 5; 6] соответствующей проблематике должного внимания не уделяется.

Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» рассматривает дублирование нормативных правовых предписаний в качестве нежелательного для юридической сферы явления и ориентирует правотворческие органы на то, чтобы подобное явление в процессе их деятельности не допускалось (см. ч. 2 п. 3 ст. 28, п. 6 ст. 30, ч. 1 п. 37 приложения «Требования нормотворческой техники»). В данном контексте следует обратить внимание на перечень ч. 4 ст. 60 Закона об ИП, а именно проанализировать, не являются ли отдельные из упомянутых там мер по обеспечению исполнения исполнительного документа частными случаями (или составляющими элементами) других обеспечительных мер, перечисленных в этом же перечне.

В абз. 2 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП предусмотрена такая мера обеспечения исполнения исполнительного документа, как «арест наличных денежных средств и (или) иного имущества должника, принадлежащих ему и находящихся у него и (или) третьих лиц». Согласно ч. 2 ст. 82 Закона об ИП, «арест имущества состоит из его описи и включает запрет распоряжаться имуществом, а при необходимости — ограничение права пользоваться имуществом, изъятие имущества» (мы обращаемся к понятию ареста, закреплённому в главе 7 «Обращение взыскания на денежные средства и иное имущество должника» Закона об ИП, поскольку нормы Закона об ИП, посвященные обеспечительным мерам, понятия ареста не раскрывают, к тому же, думается, арест как способ обращения взыскания на имущество и арест как мера обеспечения исполнения по своей сути отличаться не могут), при этом арест имущества, если последнее судебным исполнителем не изымается, влечет передачу имущества на хранение должнику или иному лицу в соответствии со ст. 89 Закона об ИП.

В связи с изложенным создается впечатление того, что положения абз. 4 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП («опись и (или) изъятие имущества должника, находящегося у него и (или) третьих лиц, передача этого имущества на хранение в порядке, установленном статьей 89 настоящего Закона») дублируют предписания абз. 2 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП, поскольку опись и изъятие имущества являются составными элементами ареста,

а передача имущества на хранение представляет собой последствие ареста. Правда, указанное впечатление не столько однозначно, как это может показаться на первый взгляд, поскольку в Законе об ИП присутствуют положения, свидетельствующие, что опись имущества является самостоятельным по отношению к аресту имущества мероприятием в рамках исполнительного производства. Так, Закон об ИП рассматривает как нетождественные явления (потому что упоминает их через разделительный союз «или») производство описи имущества и наложение ареста на имущество (см. абз. 17 ст. 1, абз. 5, 9–11 ч. 1 ст. 86, ст. 89, ст. 90), акт описи имущества и акт ареста имущества (см. ст. 86), иск об исключении имущества из описи и иск об освобождении имущества от ареста (см. абз. 5 ст. 49, ст. 87).

По каким же критериям тогда следует отграничивать опись имущества от его ареста (с учетом того, что по своему содержательному наполнению опись имущества как самостоятельное исполнительное мероприятие ничем не отличается от описи имущества как одного из необходимых элементов любого налагаемого на имущество ареста)? Исходя из содержания ч. 4 ст. 82 Закона об ИП (где говорится, что «при обращении взыскания на имущество должника ... судебный исполнитель составляет: акт описи имущества — в случае, когда имущество не подлежит реализации; акт ареста имущества — в случае, когда имущество подлежит реализации»), можно сделать вывод, что критерий разграничения описи и ареста заключается в тех действиях, которые планируется осуществлять с имуществом должника: если имущество подлежит реализации, то на него должен налагаться арест, если же реализация имущества не предполагается, то тогда имущество следует описать.

Хотя, стоит заметить, сделанный вывод тоже не отличается однозначностью. Дело в том, что ст. 82 Закона об ИП (как видно из наименования статьи, а также содержания ее ч. 1–3, 5, 6) посвящена общим правилам наложения ареста на имущество должника, соответственно, есть все основания полагать, что положения четвертой части данной статьи тоже относятся к общим правилам наложения ареста на имущество, а именно

ч. 4 ст. 82 Закона об ИП регулирует вопрос, каким образом должен оформляться арест имущества в зависимости от того, подлежит имущество реализации или же нет, т. е. актом описи имущества тоже оформляется арест имущества (а не какое-то самостоятельное мероприятие в виде описи имущества), просто подобный способ оформления ареста рассчитан на ситуации, когда реализация арестованного имущества производиться не будет.

Еще один аргумент против сделанного нами вывода о критерии отграничения описи имущества от его ареста вытекает из абз. 2 ч. 1 ст. 90 Закона об ИП: изъятие описанного или арестованного имущества должника производится в том числе для «для реализации имущества в порядке, установленном настоящим Законом», т. е. получается, что имущество может быть передано для реализации не только тогда, когда оно было арестовано, но и тогда, когда оно было подвергнуто лишь описи. Мы вполне допускаем, что особенности содержания абз. 2 ч. 1 ст. 90 Закона об ИП, равно как и причины включения в ст. 82 Закона об ИП выбивающихся из контекста ее наименования и содержания правил по поводу акта описи имущества, обусловлены огрехами нормотворческой деятельности. Однако независимо от того, имеем мы здесь дело с нормотворческими огрехами или с проявлением действительной воли законодателя, констатировать необходимо одно: приведенные общие правила обращения взыскания на имущество должника не позволяют четко размежевать опись имущества как самостоятельное мероприятие и его арест.

В этой связи логично обратиться к тем положениям Закона об ИП, которые, регламентируя особенности реализации отдельных категорий исполнительных документов, тоже упоминают про осуществление именно описи (не ареста) имущества должника. Так, согласно ч. 2 ст. 113 Закона об ИП при исполнении исполнительного документа о передаче взыскателю конкретного индивидуально определенного имущества акт описи соответствующего имущества составляется судебным исполнителем в случае невозможности передачи данного имущества взыскателю. Однако из общего контекста ст. 113 Закона об ИП видно, что опись имущества здесь осуществля-

ется не в порядке обеспечения исполнения исполнительного документа (т. е. тогда, когда исполнение данного документа как таковое еще не началось), а в процессе непосредственной реализации исполнительного документа. Кроме того, здесь не соблюдается предусмотренное ч. 1 ст. 60 Закона об ИП условие применения обеспечительных мер — «если их непринятие может затруднить или сделать невозможным исполнение исполнительного документа», ведь опись имущества производится уже после изъятия его у должника, т. е. когда угроза возникновения затруднений исполнения или его невозможности уже миновала. То же самое нужно сказать и про опись имущества должника, осуществляемую при исполнении исполнительных документов о выселении должника, об освобождении нежилого помещения, о сносе капитального строения (здания, сооружения) или его части (см. ч. 6 ст. 117 Закона об ИП — «при исполнении исполнительных документов о выселении должника, об освобождении нежилого помещения, о сносе капитального строения (здания, сооружения), его части судебным исполнителем составляются акты о выселении должника, об освобождении нежилого помещения, о сносе капитального строения (здания, сооружения), его части и акт описи имущества. В случае отсутствия должника и (или) взыскателя при исполнении указанных исполнительных документов копии соответствующих актов направляются сторонам исполнительного производства не позднее дня, следующего за днем их составления»).

О производстве описи имущества в Законе об ИП говорится также применительно к случаям обращения взыскания на наличные денежные средства должника (ч. 2, 3 ст. 71 Закона об ИП; попутно отметим коллизию данных норм с положениями ч. 4 ст. 82 Закона об ИП, согласно которым обращение взыскания на наличные денежные средства отнесено к тем исключениям, когда составлению не подлежит ни акт ареста имущества, ни акт его описи; полагаем, что коллизия должна разрешаться в пользу норм ч. 2, 3 ст. 71 Закона об ИП), а также на денежные средства должника, находящиеся на хранении в банке и (или) небанковской кредитно-финансовой организации (ч. 2 ст. 72, ч. 3 ст. 73 Закона об ИП). Названные статьи

находятся в главе 7 Закона об ИП, посвященной общим правилам обращения взыскания на имущество должника, и уже из самого содержания данных статей видно, что опись производится при непосредственном обращении взыскания на денежные средства должника, т. е. речи про обеспечение исполнения исполнительного документа идти здесь не может.

Наконец, стоит сказать, что упоминание про опись имущества присутствует в абз. 7 ст. 10 Закона Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 440-З «О судебных исполнителях» (далее — Закон о СИ): при исполнении исполнительных документов судебный исполнитель обязан в том числе «исполнять определение суда, содержащее поручение судебному исполнителю произвести опись имущества по гражданскому делу об освобождении имущества от ареста (исключении из описи)». Данная норма была включена в Закон о СИ совсем недавно — Законом № 90-З. Дополняя Закон о СИ этой нормой, законодатель тем самым закрепил на законодательном уровне те разъяснения, которые в свое время были даны высшими судебными инстанциями страны.

Так, в ч. 2 п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 10 декабря 1993 г. № 12 «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел об освобождении имущества от ареста (исключении из описи)» (далее — Постановление ВС № 12) было разъяснено: «Если будет установлено, что в акт описи включено не все имущество, в том числе и находящееся в собственности должника с другими лицами, в целях правильного решения вопроса о том, подлежит ли удовлетворению иск, а если подлежит, то в каком размере, следует поручить судебному исполнителю составить дополнительный акт с оценкой оставшегося вне описи имущества». Идентичное указание было включено и в ч. 3 п. 12 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 28 октября 2005 г. № 25 «О практике рассмотрения хозяйственными судами дел об освобождении имущества от ареста (исключения из акта описи)» (далее — Постановление ВХС №25): «Если будет установлено, что в акт описи включено не все имущество, находящееся в собственности должника с другими лицами, в целях правильного решения

вопроса о том, подлежит ли удовлетворению иск, а если подлежит, то в каком размере, следует поручить судебному исполнителю, иному органу или должностному лицу, наложившим арест на имущество, составить дополнительный акт с оценкой оставшегося вне описи имущества».

На этот счет заметим, что, во-первых, мероприятие, предусмотренное абз. 7 ст. 10 Закона о СИ, не может быть квалифицировано в качестве меры по обеспечению исполнения исполнительного документа, оно занимает скорее некое промежуточное положение между мерами по обеспечению иска и мерами по обеспечению (собираанию) доказательств. Во-вторых, такая форма взаимодействия судов и судебных исполнителей как дача последним определенных поручений могла иметь место только до 1 января 2014 г., т. е. в период, когда судебные исполнители в Республике Беларусь организационно находились при судах и под их непосредственным подчинением (контролем). В этом плане весьма показательно, что разъяснения, содержащиеся в ч. 2 п. 8 Постановления ВС № 12 и ч. 3 п. 12 Постановления ВХС № 25, были даны именно в этот период. С 1 января 2014 г., после полного отмежевания судебных исполнителей от судов, данные субъекты (и на этот момент мы уже обращали внимание, давая оценку новелле абз. 7 ст. 10 Закона о СИ [4, с. 6]) не могут взаимодействовать в указанной форме — ни Закон об ИП, ни Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее — ГПК), ни Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее — ХПК) не закрепляют за судами полномочий давать поручения судебным исполнителям.

Таким образом, опись имущества должника не может являться самостоятельной мерой по обеспечению исполнения исполнительного документа. Применительно к мерам по обеспечению исполнения исполнительного документа опись имущества должника всегда выступает как составная часть ареста этого имущества, а значит, абз. 4 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП дублирует положения абз. 2 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП и потому является излишним. В то же время опись имущества должника может быть самостоятельным (отличным от ареста) мероприятием в рамках процедур непосредственного обращения взы-

скания на имущество должника, и в этой связи в Законе об ИП стоило бы более четко урегулировать отличия подобной описи от ареста имущества должника, в частности отличия не только по основаниям (условиям) ее применения, как это (пусть и не вполне удачным образом) сделано в ч. 4 ст. 82 Закона об ИП, но также и по последствиям применения, т. е. нормативно определить, какие именно правоограничения влечет включение имущества в опись (ведь коль скоро законодательство — ст. 87 Закона об ИП, ст. 470 ГПК, ст. 335 ХПК — допускает предъявление исков об исключении имущества из описи, то, очевидно, опись имущества какие-то последствия ограничительного плана влечет).

Литература

1. Бородулин А. А. Меры по обеспечению исполнения исполнительного документа: новеллы законодательства и особенности правоприменения // Судебный вестник Плюс: экономическое правосудие. 2017. № 8. С. 41–50.
2. Жданов В. Исполнительное производство: грядут масштабные изменения // Юридический мир. 2021. № 5. С. 15–29.
3. Исполнительное производство: проблемы правового регулирования: монография / Т. С. Таранова [и др.]; Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь; редкол.: Т. С. Таранова, Д. В. Гапоненко. Минск: Колорград, 2022. 349 с.
4. Скобелев В. Изменения в исполнительном производстве: комментарий к Закону от 06.01.2021 № 90-З // Судебная и арбитражная практика. 2021. № 7. С. 5–10.
5. Унукович Е. А. К вопросу применения обеспечительных мер в гражданском и хозяйственном судопроизводстве // Правовое регулирование осуществления и защиты прав физических и юридических лиц: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию проф. В. Ф. Чигира (Минск, 4–5 ноября 2014 г.) / редкол.: И. Н. Колядко (гл. ред.) [и др.]. Минск: Право и экономика, 2014. С. 476–478.
6. Авласович Р.А. Исполнительное производство до и после 15.07.2021 [электронный ресурс] [по сост. на 26.05.2021] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2023.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ

Р. А. Степаненко

Арбитражный суд Новосибирской области
судья
a45.rstepanenko@arbitr.ru

Аннотация. В настоящее время исследование процессов информатизации и цифровизации особенно актуально для понимания основных тенденций этих процессов и их влияния на осуществление правосудия. Статья посвящена внедрению цифровых технологий в судебную деятельность. Первооткрывателем цифровизации правосудия стали арбитражные суды, разработав специальную платформу «Мой Арбитр». В статье рассмотрены возможности и перспективы внедрения данного нововведения. Проанализирован международный опыт внедрения информатизации в судебную систему на примере Китайской Народной Республики.

Ключевые слова: информатизация, судебная деятельность, судебный процесс, электронное правосудие, информационные системы.

Abstract. Currently, the study of the processes of informatization and digitalization is especially relevant for understanding the main trends of these processes and their impact on the administration of justice. The article is devoted to the introduction of digital technologies in judicial activity. Arbitration courts became the discoverer of the digitalization of justice by developing a special platform “My Arbitrator”. The article discusses the possibilities and prospects for the introduction of this innovation. The international experience of the introduction of informatization into the judicial system is analyzed on the example of the People’s Republic of China.

Key words: informatization, judicial activity, judicial process, electronic justice, information systems.

В постинформационном обществе высокие технологии проникли во все сферы жизни, в том числе в регулирование общественных отношений. Судебная власть, призванная, с одной стороны, восстанавливать права, а с другой — разрешать социальные конфликты, также внедряет в свою деятельность продукты цифровой эпохи. В настоящее время исследование процессов информатизации и цифровизации особенно актуально для понимания основных тенденций этих процессов и их влияния на осуществление правосудия.

А. Н. Приженнокова утверждает: «Электронное правосудие — новая экономическая реальность в современном мире.

Наряду с этим в нашу жизнь пришло электронное правительство как часть электронного государства, электронный парламент, цифровое общество» [3, с. 240].

Термин «электронное правосудие» в настоящих реалиях уже не является новым. О. В. Брянцева понимает под ним «способ осуществления правосудия, основанный на использовании современных информационно-коммуникационных технологий и имеющий своей целью обеспечение гласности, открытости и доступности судопроизводства» [1, с. 98]. При этом термин «электронное правосудие» необходимо отделять от термина «цифровое правосудие»: в первом случае речь идет о свойствах носителя информации, во втором — о форме существования данных. Разница в терминах существенна, так как форма хранения информации определяет свойства среды. В частности, О. В. Колга отмечает, что «цифровое правосудие предполагает переход большей части коммуникаций в цифровую среду и, по крайней мере, равный статус с очно-бумажным взаимодействием, тогда как электронное правосудие предполагает в основном осуществление судами разрешения правовых конфликтов посредством информационно-коммуникационных технологий, прежде всего электронного документооборота и системы видео-конференц-связи, результаты которых отображаются в информационной системе» [2, с. 53].

Первооткрывателем цифровизации правосудия стали арбитражные суды, на данный момент практически все документы в суд можно подать посредством направления скана копий. При наличии электронной цифровой подписи можно подать все документы, ходатайства и заявления через систему «Мой Арбитр».

Программными целями цифровизации судебной системы является повышение доступности и открытости правосудия, повышение эффективности деятельности участников судебного процесса и судебной деятельности, снижение издержек участников процесса, в том числе суда, а также обеспечение и повышение уровня надежности и безопасности информационных систем.

Особую актуальность вопросы цифровизации правосудия получили с появлением коронавирусной инфекции, послед-

ствием которой стал карантинный режим и удаленная работа, в том числе и государственных органов. Именно в этот период обнаружились несовершенства в реализации гарантированного Конституцией Российской Федерации права на судебную защиту и доступ к суду в цифровой форме.

Появившееся нововведение в арбитражном судопроизводстве, выраженное в использовании технических средств информационных технологий для дистанционного участия в судебных заседаниях (онлайн-заседание), изначально было обусловлено жесткими рамками ограничительных мер ввиду распространения COVID-19, а в настоящее время успешно используется ежедневно.

Согласно статистическим данным, арбитражным судом Новосибирской области в 2022 году проведено 29 196 судебных заседаний путем использования системы онлайн-заседание.

Указанные статистические данные позволяют сделать вывод об эффективности внедренных цифровых технологий в процесс судопроизводства.

Одно из достоинств цифровизации — это обеспечение доступности и информативности судебной деятельности. На сегодняшний день у каждого судебного органа есть собственный сайт, и каждый пользователь интернета в свободном доступе может ознакомиться с информацией о суде, а также с результатами его деятельности. Более того, по средствам сайта «Картотека арбитражных дел» участники гражданских правоотношений могут проверить своих контрагентов на наличие споров, рассматриваемых в арбитражных судах Российской Федерации.

Самое глобальное достижение цифровизации правосудия, это автоматизированные системы. Именно с их введением появилась возможность удаленно направлять документы в арбитражный суд через систему «Мой Арбитр», знакомиться с материалами дела в электронном виде путем использования сайта «Картотека арбитражных дел». Очевидно, что цифровые технологии значительно облегчают процесс судопроизводства, что так необходимо в современных условиях.

В этой связи Совет судей Российской Федерации одобрил Концепцию информационной политики судебной системы

на 2020–2030 гг., направленную на выстраивание отношений общества и судебной власти, открытости и гласности судопроизводства, совершенствование способов доступа к информации о деятельности судов, беспристрастное освещение деятельности судов в СМИ.

В Концепции изложены мероприятия по совершенствованию информационной политики судебной системы, что необходимо для обеспечения развития информационной среды, внедрению современных информационных и коммуникационных технологий в судопроизводстве. Нынешние реалии требуют трансформации способов распространения информации, улучшения технического оснащения судов, эффективного функционирования сайтов судов и государственных автоматизированных систем.

Цифровизация оказала значительное влияние и на работу судебных органов. С 2010 года в арбитражных судах ведется аудиопротоколирование судебного заседания.

При этом оригинал аудиозаписи хранится на серверах суда, материальный носитель с аудиозаписью судебного заседания приобщается к материалам дела, а участвующие в деле лица вправе получить копию аудиозаписи на материальном носителе, при необходимости прослушать (ознакомиться) с аудиопротоколом судебного заседания путем использования сайта «Картотека арбитражных дел».

Указанное позволяет снизить нагрузку на работников аппарата суда, сократить время на подготовку протоколов судебных заседаний.

Согласно статистическим данным, в арбитражный суд Новосибирской области, по итогам 2022 года, не подано ни одного замечания на аудиозапись и протокол судебного заседания, что, в свою очередь, является основным показателем эффективности внедренных цифровых технологий в процесс судопроизводства.

Одним из значимых инструментов цифровизации судебного процесса служат комплексы ВКС.

Ходатайство об участии в судебном заседании путем использования систем ВКС может быть направлено в элек-

тронной форме через сервис «Мой Арбитр» в суд, в котором должно состояться слушание.

Согласно действующим нормам Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации «сторонам в любом случае необходимо находиться в суде, оборудованном системой ВКС», функционирующей по принципу связи «суд с судом» [5]. Это позволяет обеспечить идентификацию личности участника процесса и гарантировать безопасность используемых средств коммуникации. Очевидно, что в условиях «самоизоляции» наличие рассмотренного требования, по сути, означает невозможность реального удаленного участия в судебном заседании. Однако в настоящее время созданы и активно тестируются программные решения, позволяющие преодолеть указанную проблему. Предполагается, что в ближайшее время участники процесса смогут получить возможность «официальной» видео-конференц-связи с доступом к системе из любого места и удобной, а самое главное, эффективной системой электронной идентификации и «прозрачности» судебного процесса.

На сегодняшний день обсуждаются следующие нововведения:

- создание цифрового секретаря и чат-бота суда, которые будут призваны отвечать на все вопросы участников процесса, что позволит сделать ответы более оперативными и снизить количество жалоб на действия судей и других сотрудников суда;
- отказ от бумажных протоколов судебных заседаний с оставлением только аудиопротocolов, которые будут автоматически загружаться в систему «КАД. Арбитр» для доступа к ним участников процесса;
- основу будущего онлайн-правосудия будет составлять цифровая технология подготовки проектов судебных актов на базе материалов судебного дела;
- цифровизация судебного делопроизводства в скором будущем повлечет за собой полный отказ от бумажных исполнительных листов и переход на электронный документ — цифровой исполнительный лист.

Е. В. Бурдина пишет: «Международный опыт свидетельствует о расширении применения искусственного интеллекта в судебной системе, многообразии подходов и направлений, предлагаемых для решения задач, в условиях быстро развивающихся современных отношений. Не вызывает сомнения тот факт, что искусственный интеллект помогает повышать эффективность судебной деятельности, но требуется оценивать готовность профессионального сообщества к внедрению цифровых достижений» [4, с. 311]. Так, в Китайской Народной Республике (далее — КНР, Китай) внедрение информационных технологий в судебный процесс имеет государственное значение. На четвертом пленарном заседании Центрального комитета Коммунистической партии Китая 18-го созыва было четко заявлено, что «трудности правоприменения должны быть решены практически» и что «реализация интересов сторон должна обеспечиваться в соответствии с законом».

С развитием компьютерных технологий судебная практика отдает предпочтение способу рассмотрения дел в режиме онлайн. Этот способ позволяет как повысить эффективность рассмотрения дел, так и сократить судебные издержки. Так, План работы народных судов на 2019–2023 гг. предусматривает принцип «Обязательного применения информационных технологий» [6]. Он включает в себя обязательное требование использования в судебной деятельности информационных технологий. Специалисты отмечают, «в Китае рабочий стол каждого судьи интегрирован с системой "Умный суд", которая, как ассистент судьи-человека, позволяет выверить принимаемые решения на предмет их соответствия нормам закона и сгенерировать проект судебного акта. При этом окончательное решение принимает сам судья».

Е. В. Бурдина отмечает, что «в настоящее время в ряде регионов Китая вводится прототип интернет-суда с возможностью подачи заявок в режиме онлайн и рассмотрения дел по существу. Техническая возможность позволяет проводить судебные заседания, даже когда подозреваемый находится в Центре заключения районного отдела органа общественной безопасности» [4, с. 318].

И в заключение хотелось бы отметить особую важность и необходимость интеграции цифровых комплексов АИС «Судопроизводства» и ГАС «Правосудие» в единую цифровую инфраструктуру с целью оптимизации взаимодействия судов между собой, а также обеспечения доступности информационной среды.

Литература

1. Брянцева О. В., Солдаткина О. Л. Электронное правосудие в России: проблемы и пути решения // Вестник университета имени. 2019. № 12. С. 97–104.
2. Колга О. В., Калашникова Е. Б. «Цифровое» направление развития правосудия в России // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. ст. по мат-лам XVI Междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск). 2018. № 11 (15). С. 51–57.
3. Приженникова А. Н., Коляда Г. Ю. Цифровизация правосудия: теоретические и практические аспекты // Образование и право. 2020. № 2. С. 240–250.
4. Электронное правосудие: моногр. / Е. В. Бурдина [и др.]; под ред. Е. В. Бурдиной, С. В. Зуева. М.: РГУП, 2021. 344 с.
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
6. Мнение Верховного суда КНР об углублении реализации реформ и улучшении реализации долгосрочного механизма. Реализация рабочего плана Верховного суда на 2019–2023 гг.: утв. приказом № 16 от 2019 г. URL: <http://cour tapp.chinacourt.org/zixun-xiangqing-163022.html> (дата обращения: 14.06.2023)

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ РОССИИ И ИЗРАИЛЯ

Т. О. Третьякова

ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»

Санкт-Петербургский институт (филиал)
доцент кафедры предпринимательского права
кандидат социологических наук, доцент
tretyakova-t@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются особенности судебной реформы России 2018 года и судебной реформы Израиля 2023 года. Выявляются сходства и различия между ними.

Ключевые слова: судебная реформа России судебная реформа Израиля, модернизация права, судебная система, реформа, Верховный суд.

Abstract. The article analyzes the features of the judicial reform of Russia in 2018 and the judicial reform of Israel in 2023. Similarities and differences between them are revealed.

Key words: judicial reform of Russia judicial reform of Israel, modernization of law, judicial system, reform, Supreme Court.

В 2018 году в Российской Федерации была произведена судебная реформа. Новый виток российской судебной реформы пришелся на 2020 год и был основан на изменениях, внесенных в Конституцию Российской Федерации. Через несколько лет, в 2023 году, в Израиле была проведена похожая реформа, которая коснулась действующей в стране судебной системы и судопроизводства в целом.

Судебная система, сложившаяся в современной России, представляет собой сложную, многоуровневую организационно-правовую структуру органов власти, уполномоченных осуществлять правосудие, а также ветвь власти в правовом государстве. Отечественная судебная система является результатом исторической преемственности, отражает правовые традиции и обусловлена следующими факторами:

- федеративный фактор;
- светский фактор;
- фактор, обусловленный социальным характером российской государственности.

Нормативно-правовые базисы российского правосудия и судебной системы достаточно развиты, но при этом не кодифицированы. Благодаря этому система получила возможность динамичного и вариативного развития, а также возможности модернизации судебной власти. Действующая Конституция РФ устанавливает основополагающие принципы и условия правовой деятельности органов судебной власти. Данные принципы и условия довольно успешно претворяются в правовую жизнь современной России.

Однако отечественная юридическая доктрина уже длительное время настаивает на необходимости проведения государственной реформы российской модели правосудия в сфере защиты и обеспечения прав личности.

Изменение содержания судебной власти, усиление роли правосудия в укреплении российской государственности, появление новых способов и форм правовой деятельности комплексно влияет на структуру и отдельные компоненты отечественной Конституции. В правовой литературе подчеркнуто, что Конституция давно требует своего реформирования, которое может быть позитивным, нейтральным и регрессивным. Именно на сегодняшний день востребовано стабильное и эволюционное развитие российского общества, что обуславливает исключительно позитивное изменение содержания самой Конституции.

В силу вышеуказанных обстоятельств возникла необходимость реформирования Конституции, установление наиболее оптимальных параметров ее функционирования в условиях обновления внутренней и внешней политики российского государства. Связано это с тем, что судебная власть наиболее точно отражает правовые запросы и стремления общества, выступает показателем гарантирования прав человека, механизма взаимодействия различных государственных органов с активными участниками гражданского общества.

Ранее приведенное решение отражено в законе Российской Федерации от 14.03.2020 «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». 1 июля 2020 года состоялось общероссийское голосование, в результате которого были внесены существенные поправки в Конституцию РФ.

Голосование подобного формата на территории Российской Федерации было проведено впервые. Оно характеризуется особенностями одновременно процессуального и содержательного характера, что служит основанием для модернизации публичной власти и внедрения целого комплекса новых социально-правовых явлений и институтов. Судебная система также выступила предметом конституционных изменений, актуализировав тенденции и ресурсы в сфере организации государственной власти [5, с. 157–158].

В декабре 2023 года премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху, после своего возвращения на должность главы правительства, запустил реформу израильской судебной

системы. Для проведения судебной реформы в парламент внесен целый ряд законопроектов. Отмечается, что часть из них была принята сразу, в первом чтении.

Судебная реформа 2023 года предполагает следующие моменты:

1. Передача парламентскому большинству контроля над процессом выбора судей Верховного суда (подразумевается Высший суд справедливости, или БАГАЦ).

2. Потеря Верховным судом права на отмену решений правительства, которые прямо не противоречат действующему законодательству.

3. Появляется возможность для преодоления вето, наложенного Верховным судом на тот или иной закон. При этом исключены случаи, когда судьи приняли решение единогласно в расширенном составе. В ходе реформы были предложены различные варианты количества судей для того, чтобы сделать вето непреодолимым, и необходимое для оспаривания решения Верховного суда количество депутатов парламента.

4. Изменен статус юридических советников правительства и министерств, в чьи задачи также входили решения о правомочности действий структур, которые они курируют. Теперь мнение юридических советников носит исключительно консультативный характер и теряет свою самостоятельность — при утрате обязательности [6].

В результате проведения судебной реформы в России и судебной реформы в Израиле нашлись как их сторонники, так и противники.

К примеру, противники израильской судебной реформы 2023 года указывают на существенные минусы, а именно:

- судебная ветвь власти попадает в зависимость от законодательной и исполнительной ветвей власти;
- судебная реформа дискредитирует роль Верховного суда Израиля на международном уровне, что может, в свою очередь, привести к потоку исков против израильских силовиков в суды международного уровня [6].

Еще в период 8 декабря 2016 года IX Всероссийский съезд судей принял постановление «Об основных итогах функционирования судебной системы Российской Федерации и при-

оритетных направлениях ее развития на современном этапе». Данный документ был опубликован сразу же после принятия.

Его содержание активно освещалось в средствах массовой информации. Экспертное сообщество таким образом получило возможность для детального изучения нормативно-правового акта и его обсуждения, а также возможность представить свои предложения и замечания на различных площадках.

В постановлении подробно изложена та концепция реформирования судебной системы, которая и была предложена судейским сообществом. Она включает в себя следующие аспекты:

- создание кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции;
- сокращение круга гражданских дел, по которым обязательно составляются мотивированные решения;
- профессионализация судебного представительства и др.

Кроме того, в постановлении системно освещены следующие вопросы:

- совершенствование статуса судей;
- совершенствование деятельности органов судейского сообщества;
- организационное обеспечения работы судов.

То есть можно сделать заключение, что принятое постановление представляет собой объемный нормативно-правовой документ, на котором основана концепция реформирования судебной системы. Сделано это в ответ на замечания, высказываемые в адрес высшей судебной инстанции об отсутствии концепции судебной реформы. Приходится констатировать, что не все участники дискуссий о судебной реформе со стороны экспертного сообщества правильно поняли смысл и содержание предлагаемых изменений.

Отсюда также происходили распространенные в средствах массовой информации популистские лозунги противников судебной реформы, которые не учитывали реалии российского правосудия, свидетельствующие о том, что оппоненты не были ознакомлены с текстом предлагаемых законодательных инициатив [4, с. 135].

Реализованная в Российской Федерации судебная реформа — третья полномасштабная реформа системы правосудия за всю отечественную историю. Первая реформа была начата в 1864 г. и заключалась в попытке создать в России самостоятельную ветвь судебной власти.

Вторая судебная реформа проходила в 1990-е годы и имела сходные цели, а именно: создание подлинно независимого суда, самостоятельного судейского сообщества и системы судопроизводства, обеспечивающей высокий уровень правовой защищенности граждан и организаций. Несмотря на непростые внешние условия, этих целей удалось достичь в беспрецедентно сжатые сроки: едва ли в мире найдутся другие государства, где удалось сформировать независимый суд менее чем за десятилетие.

С 2014 года в Российской Федерации последовательно была реализована третья судебная реформа. В отличие от предыдущих изменений, данная судебная реформа не преследовала цель создания судебной власти. Как показывает история, судебная ветвь власти в России не только создана, но и состоялась в качестве важнейшего столпа государственного развития и общественной стабильности.

Проводимая в 2018 году судебная реформа была инициирована самим судейским сообществом, что подчеркивает силу и самостоятельность, которые присущи отечественной судебной ветви власти, способность судейского корпуса к саморазвитию. Судейское сообщество не замыкается в себе и не останавливается в своем развитии.

Сами судьи осознают, что отечественная судебная система, как и любая другая система, не является идеалом. Поэтому необходимо дальнейшее совершенствование отечественного правосудия. Возросшая законодательная активность Верховного Суда, реализуемая через постановления Пленума, привела к исторически закономерному результату. Именно высшая судебная инстанция стала главной движущей силой судебной реформы [4, с. 136].

До проведения судебной реформы в Израиле Верховный суд страны, совмещающий в себе функции Конституционного

суда, может квалифицировать положения основных законов, заменяющих конституцию страны:

- 13 основных законов;
- Декларация независимости Государства Израиль от 14 мая 1948 года.

Также Верховный суд имеет полное право не дать возможности функционирования другим законодательным актам, которые могут быть сочтены неконституционными. Верховный суд может накладывать вето на решения правительства, влиять на назначения высших должностных лиц [7].

В этом факте заключено существенное отличие высшей судебной инстанции в Российской Федерации и в Израиле. В России Верховный суд и Конституционный суд разделены, и последний является самой высшей инстанцией, куда можно обратиться, если решение Верховного суда противоречит основам Конституции РФ.

В Израиле и Верховный суд, и Конституционный суд соединены в одном лице. Это значит, что решения, вынесенные Верховным судом Израиля, являются окончательными, и нет никакой возможности их обжаловать. Отсутствие в израильском государстве конституции как таковой негативно сказывается на функциональности работы судов любых инстанций и законности решений, которые они выносят.

Поэтому не представляется удивительным тот факт, что суть предложенной премьер-министром Израиля реформы заключается в том, чтобы лишить Верховный суд возможности оказывать влияние на решения законодательных и исполнительных органов. Реформа предполагала в первом варианте введение положения, в соответствии с которым вето Верховного суда может быть преодолено парламентским большинством в 61 голос, т. е. большинством голосов в парламенте. Всего в израильском парламенте, Кнессете, заседает 120 депутатов. Связано это с тем, что парламент является однопалатным.

Также изначально планировалось, что решения о внесении поправок в закон или о его отмене должны приниматься не простым большинством голосов судей (всего предусматривается 15 голосов). Предусматривался особый порядок принятия таких решений (каков порядок, пока не точно не установлено).

Предлагалось также изменить состав назначающего судьей комитета. В настоящее время в нем девять членов, пять из них судьи и юристы, по два представителя от Кнессета и правительства. Число членов этого комитета должно было увеличиться до одиннадцати человек, восемь из которых должны были представлять интересы Кнессета. Еще предусматривалось проведение публичных слушаний кандидатов в Верховный суд в законодательной комиссии Кнессета.

Реформа, предлагаемая к проведению, уже нашла как сторонников, так и противников. В частности, высказываются опасения о том, что реформа станет угрозой для национальной безопасности страны, дестабилизирует обстановку и вызовет раскол в обществе.

Негативно высказываются о проводимой реформе и представители судебной системы. В частности, Председатель Верховного суда Израиля Эстер Хаут назвал проект судебной реформы «атакой на правосудие».

Президент Израиля Ицхак Герцог предложил претворить в жизнь подготовленный им вариант судебной реформы, более компромиссный, чем тот вариант, который рассматривался изначально, с позиции премьер-министра страны. Однако Б. Нетаньяху отверг президентский план. Премьер-министр высказал опасения, что предложенный президентом вариант проведения судебной реформы не сможет в должной мере обеспечить того баланса между ветвями власти, к которому стремится правящая коалиция.

Пока известно то, что президент страны предложил приостановить проведение судебной реформы. Однако министр национальной безопасности Израиля Итамар Бен-Гвир призвал премьер-министра Израиля не останавливать процесс проведения реформы судебной системы и «не сдаваться перед лицом анархии» [7].

На фоне высказываний противников реформы, которые ссылаются на недостатки проводимой реформы судебной системы, мы видим то, что такая реформа, в отличие от аналогичной проводимой над российской судебной системой не была в должной мере подготовлена. Отсутствуют варианты, которые были бы проработаны. Отсутствует работа комиссии,

в которую вошли бы судьи, — она рассмотрела бы все аспекты реформы, выявила достоинства и недостатки, предложила исправление некоторых моментов. Одним словом, проводимая в Израиле судебная реформа выглядит поспешной, не до конца проработанной, без учета важных моментов.

В России проведение судебной реформы, в отличие от Израиля, заняло далеко не один год. Ему предшествовало принятие ряда законов и иных нормативно-правовых актов, которые предусмотрели заранее все моменты, выявили все недостатки и недочеты, которые могут быть обнаружены в ходе судебной реформы и негативно повлиять на работу судов всех инстанций и функционирование отечественной системы правосудия в целом.

В Российской Федерации до проведения основной судебной реформы 2018 года и ее дополнений в 2020 году проводилась подготовительная реформа. 6 августа 2014 года со вступлением в силу Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 4-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» Верховный Суд Российской Федерации (далее — ВС РФ) стал единственным высшим судебным органом, который принимает окончательные решения по целому ряду спорных дел:

- гражданские дела;
- уголовные дела;
- административные дела;
- экономические споры.

Необходимость упразднения ВАС РФ и сопутствующая реструктуризация полномочий ВС РФ в части экономического правосудия обусловлены, прежде всего, давно назревшей необходимостью решения проблемы противоречия практики различных судов через призму масштабных экономических реформ, режима санкций, обширной системы контролирующих органов и высокого градуса бюрократии на местах. Проблема противоречия арбитражной практики является дополнительным рычагом давления на бизнес, что увеличивает дерегулирующее воздействие на сферу бизнеса.

Если смотреть на указанные факторы, представляется очевидным то, что выбор правильного пути реформирования судебной системы был исключительно необходим.

В экспертных кругах обсуждалось несколько стратегий по преодолению противоречий в судебной практике различных судов. Кроме упразднения Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее — ВАС РФ), высказывались также мнения о совместной работе ВАС РФ и ВС РФ над упразднением правоприменительных противоречий путем издания совместных постановлений пленумов.

Некоторыми экспертами-юристами также высказывалось мнение о создании нового органа государственной власти по разрешению проблем компетенции между ВС РФ и ВАС РФ, а именно Конфликтного Суда Российской Федерации. Упомянулся в качестве аргумента опыт французского судопроизводства в решении проблемы преодоления конфликтности судебной практики путем создания специального Конфликтного Суда, главной задачей которого стало бы разрешение споров о компетенции между ВС РФ и ВАС РФ. Отечественный законодатель в данном случае использовал сценарий упразднения ВАС РФ [3, с. 14].

Вышеуказанное обстоятельство выявляет сходство в роли высших судебных инстанций России и Израиля. До возникновения Верховного Суда РФ ряд споров решался как Высшим Арбитражным Судом, так и иными судами. Появление нового судебного органа положило конец чехарде и неразберихе, которые возникали на почве разрозненности рассматриваемых споров. Нечто схожее сейчас предлагается и в Израиле, а именно урезания некоторых функций Верховного суда, передачу ряда его полномочий иным уполномоченным органам.

Анализируя положительные и негативные стороны прошедшей судебной реформы, можно отметить то обстоятельство, что основной целью объединения Верховного Суда РФ и Высшего арбитражного Суда РФ являлась именно унификация судебной практики двух разных ветвей судебной власти. Можно высказать предположение о том, что одна из задач подобного объединения двух органов судебной власти заклю-

чалась в повышении уровня работы судов общей юрисдикции до уровня арбитражных судов.

Проблема различного подхода к ряду вопросов в судебной практике судов общей юрисдикции и арбитражных судов озвучивается в качестве основной причины данной судебной реформы. Когда реформа начиналась, многие юристы высказывали опасения, что не «арбитражи» рискуют потерять все лучшее, что в них было. Как показали дальнейшие события, подобные опасения не подтвердились.

Среди практикующих юристов также высказывалось мнение о том, чтобы Верховный суд позволил арбитражным судам пользоваться своими наработками как в организационных, технических вопросах, так и в сложившейся судебной практике в отработанном толковании норм права. В данном случае Верховный суд сохранил и продолжил использование всех сервисов ВАС. Доступ к ним теперь налажен через портал «Госуслуги».

Еще одно важное нововведение — судебные заседания с видео-конференц-связью, за последнее время количество подобных слушаний ощутимо возросло. Юристы и программисты высоко оценивают информационное обеспечение российских судов. Это уникальная система, которая не имеет аналогов в мире.

В настоящее время коллегия Верховного суда по экономическим спорам формирует единую судебную практику. Опираясь на нее, все суды нижестоящих инстанций затем выносят свои решения по однотипным делам. Формально они не обязаны этого делать, но все же мнение СКЭС часто учитывается, когда возникает вопрос, как следует трактовать ту или иную правоприменительную норму [1, с. 71–72].

Отличие израильской судебной реформы от российской также заключается в том, что в программе самой реформы конкретно не указывается техническое обеспечение процесса судопроизводства (подача искового заявления в электронной форме, заседание суда, решение, принятое судом и др.). Также нет опоры на конкретную судебную практику, при помощи которой возможно обоснование разделения в Израиле Верховного суда и суда, аналогичного Конституционному Суду Российской Федерации.

В России объединение двух органов — Высшего Арбитражного Суда и Верховного Суда — положительно сказалось на продуктивности судопроизводства и функционирования высшей судебной инстанции как таковой.

Прежде чем говорить конкретно и обоснованно о положительных и отрицательных моментах израильской судебной реформы 2023 года, стоит обратиться к той судебной системе, которая сложилась в Израиле в настоящий момент времени. Реформа опирается на существующую систему правосудия, то есть она предлагает внести изменения и дополнения в уже действующую и функционирующую систему.

Судебная система, действующая в Израиле, основывается на законодательной базе и на постановлениях, включая также те, которые функционировали еще до провозглашения государственного суверенитета. Отмечается при этом, что данные нормативно-правовые акты не должны противоречить Декларации независимости Израиля, а также законодательству, принятому и одобренному парламентом Кнессетом.

Кроме того, сохранили свою силу фрагменты права, господствующего в Османской империи (которая действовала вплоть до 1917 года), многие законы британской подмандатной территории Палестины и элементы, присущие британскому общему праву, еврейским религиозным установлениям, а также иным правовым системам.

Высшим органом судебной власти Израиля является Верховный суд, или Высший суд справедливости. Он был создан 15 сентября 1948 года, спустя пять месяцев после провозглашения государственного суверенитета. Возникновение высшего судебного органа пришлось на тяжелые условия, когда Израиль вел войну за независимость.

Высший суд справедливости представляет собой последнюю инстанцию, в которой рассматриваются гражданские и уголовные дела. Так как в стране отсутствует конституция в привычном нам понятии, Верховный суд Израиля выполняет и функции конституционного суда. Одно из важнейших направлений его деятельности — контроль над администра-

тивными актами и недопущение ущемления прав граждан государственными структурами.

Всего парламент Кнессет принял одиннадцать основных законов, включая и утвержденный в новой редакции в 1984 году Основной закон о судопроизводстве. В отличие от ряда стран Европы, в Израиле не существует закона о конституционном суде, поэтому конституционный суд как отдельная инстанция, полноценно функционирующая в структуре государственной власти, попросту отсутствует.

Согласно принятой практике, которая закрепляется в одном из положений Основного закона о судопроизводстве, функции контроля за доскональным соблюдением законов государственными институтами возложены на Верховный суд, который в таком случае выступает в качестве Высшего суда справедливости (БАГАЦ) [2, с. 18–19].

Говоря о деятельности Верховного суда Израиля в качестве Высшего суда справедливости, необходимо отметить четыре особенности:

1. Высший суд справедливости лишен права предварительного конституционного контроля. Говоря иными словами, судьи имеют право отказать в рассмотрении степени легальности законопроекта, который имеет шансы на принятие Кнессетом, пусть даже он и прошел утверждение в предварительном либо первом и втором чтениях.

2. Верховный суд Израиля не наделен функцией «абстрактного контроля», которая подразумевает возможность подачи запроса в суд о конституционности принятых законов и других нормативных актов независимо от их применения в конкретных правоотношениях.

3. Высший суд справедливости подчиняется принципу «связанной инициативы». Данный принцип в том, что суд имеет право на рассмотрение вопроса о конституционности законов и нормативных актов по собственной инициативе.

4. В отличие от конституционных судов, действующих в странах Европы, состав членов Верховного суда Израиля, задачей которого является конституционный надзор, практически не зависит от воли депутатов [2, с. 20–22].

Полноценно сложившаяся система израильского правосудия, функционирующая пусть и с существенными недостатками, привычна для израильского общества, являющегося традиционным по своему укладу жизни и культурным традициям. Возможно, поэтому жители страны не готовы принять судебную реформу, которая носит радикальный характер, призвана осуществиться в короткие сроки, без должной многолетней подготовки, и затронет все сферы жизни государства, все ветви власти — не только судебную, но и законодательную, и в некоторой степени исполнительную ветвь.

В заключение можно сделать выводы о том, что российская судебная реформа 2018 года и судебная реформа Израиля 2023 года имеют как ряд сходств, так и ряд отличий. И в России, и в Израиле действуют Верховные суды. И в России, и в Израиле действующая судебная система прошла длительный путь своего развития.

Однако различий при этом больше, чем сходства. В Израиле отсутствует привычный нашей стране конституционный суд, и его функции выполняет Высший суд справедливости. Сама реформа, проводимая в Израиле, не основана на должной многолетней подготовке и поэтому наталкивается на сопротивление со стороны общества. В России судебная реформа прошла довольно длительную подготовку, которая длилась много лет, состояла из нескольких этапов и осуществлялась одновременно с модернизацией законодательных актов, в частности Конституции Российской Федерации.

Литература

1. Григорьева А. Г., Высоцкая Л. П. Объединение судов: проблемы и перспективы развития // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 2. С. 70–75.
2. Изаксон Р. А. Верховный суд в системе высших органов власти государства Израиль // Сибирский юридический вестник. 2012. № 1 (56). С. 18–23.
3. Колесников Ю. А., Резниченко Д. Р. Судебная реформа 2014 года: итоги и последствия для экономического правосудия, актуальные риски и угрозы, меры по их минимизации // Евразийская адвокатура. 2017. № 3 (28). С. 13–17.
4. Момотов В. В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание (часть I) // Журнал российского права. 2018. Т. 6. № 10. С. 134–146.

5. Талаева А. А., Михнюкевич А. В. Судебная система в контексте конституционной реформы 2020 года: некоторые вопросы модернизации // Вопросы российской юстиции. 2020. № 9. С. 156–164.
6. Что нужно знать о судебной реформе, против которой протестуют в Израиле // Портал газеты «Коммерсант». 2023. 27 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5900348> (дата обращения: 06.05.2023).
7. Что известной о судебной реформе в Израиле // Портал газеты «ТАСС». 2023. 27 марта. URL: <https://tass.ru/info/17380235> (дата обращения: 07.05.2022).

К ВОПРОСУ О КОМПЕТЕНЦИИ В ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ — НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

М. П. Кушарова

Сибирский университет потребительской кооперации
доцент кафедры гражданского права
кандидат юридических наук

Аннотация. В статье обосновывается актуальность исследования компетенции арбитражных судов и ее влияние на разрешение экономических споров и иных публичных дел, их новые тенденции при осуществлении правосудия. В статье раскрываются понятия подведомственности и причины замены ее содержания на более широкое содержание компетенции, означающей круг вопросов и полномочий, в которых арбитражный суд обладает большими познаниями и авторитетностью при осуществлении защиты нарушенных прав и интересов юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, занимающихся экономической деятельностью.

Ключевые слова: арбитражный процесс, правосудие, компетенция, подведомственность, подсудность, распределение между судами дел и установление конкретного суда, который должен разрешить конкретно возникший спор.

Abstract. The article substantiates the relevance of the study of the competence of arbitration courts and its impact on the resolution of economic disputes and other public affairs, their new trends in the administration of justice. The article reveals the concepts of jurisdiction and the reasons for replacing its content with a broader content of competence, meaning the range of issues and powers in which the arbitration court has great knowledge and authority in protecting the violated rights and interests of legal entities and individual entrepreneurs engaged in economic activity.

Key words: arbitration process, justice, competence, jurisdiction, jurisdiction, distribution of cases between courts and the establishment of a specific court that should resolve a specific dispute.

Тема работы выбрана не случайно — в процессуальном праве России существует особенность, заключающаяся в том, что защиту нарушенных прав и законных интересов граждан и юридических лиц, а также предпринимателей рассматривают и разрешают два процесса — гражданский и арбитражный, и, несмотря на то, что они имеют много общего, по сути своей они различны. Арбитражный процесс в недалеком прошлом входил в систему гражданского процессуального права, однако в современном периоде является самостоятельным процессом и имеет самостоятельные предмет, метод и свои источники права.

В арбитражном процессе, так же как и в гражданском, с некоторых пор рассматривается понятие компетенции, составляющее подведомственность и подсудность дел, участников процесса, доказательства, возбуждение, рассмотрение дел в суде, но каждый элемент процесса имеет свою специфику, и в данном случае именно специфику арбитражного процесса.

В Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации понятие «компетенции» было введено в целую главу впервые в 2002 году, хотя используется оно обычно для определения юрисдикции органа, характеризующего его властную деятельность. *Компетенция* — (лат. *competentia*) (кн.) — рассматривается как: 1. Круг вопросов, явлений, в которых данное лицо обладает авторитетностью, познанием, опытом; а так же как: 2. Круг полномочий, область подлежащих чьему-нибудь ведению вопросов, явлений (право).

По мнению В. Ф. Яковлева, включение норм о подведомственности в главу 4 о компетенции оправдано, поскольку арбитражные суды осуществляют правосудие путем разрешения экономических споров и рассмотрения иных дел, отнесенных к их компетенции Конституцией РФ и иными федеральными законами [1]. С этим мнением нельзя не согласиться, поскольку *подведомственность* — есть разграничение компетенции, т. е. разграничение круга вопросов между различными органами, и суды вправе рассматривать и разрешать только те вопросы, которые отнесены к их ведению законодательными и иными нормативными правовыми актами, т. е. действовать

только в пределах собственной компетенции. Кроме того, ст. 4 ФКЗ «Об арбитражных судах в РФ» подтверждает этот тезис на уровне конституционного закона о возможности определения компетенции арбитражных судов РФ, а ст. 27 АПК РФ устанавливает подведомственность их дел, определяя механизм, позволяющий через характеристику правовых споров и иных дел разграничить дела между различными органами, в том числе определяет, будет ли дело разбираться в арбитражном суде либо в гражданском суде общей юрисдикции.

Компетенция в процессуальном праве с точки зрения правоповедения может быть судебной и территориальной. При этом судебная компетенция определяет, какой суд должен рассматривать определенный юридический спор в зависимости от его характера, субъектного состава и территориальной принадлежности и этот вопрос разрешался подведомственностью. Территориальная компетенция отвечает на вопросы подсудности, так как определяет, какой суд должен рассматривать юридический спор в зависимости от того, где произошло нарушение прав или законных интересов сторон. Кроме того, компетенция в процессуальном праве может быть различной в зависимости от вида процесса. Так, например, компетенция в гражданском процессе может отличаться от компетенции в административном или уголовном процессах. Важным аспектом компетенции в процессуальном праве является соблюдение правил ее установления. Судьи, прокуроры и другие участники судебного процесса должны строго соблюдать правила определения компетенции, чтобы избежать ошибок и нарушений прав и законных интересов сторон.

Несмотря на то что законодателем при принятии действующего АПК РФ в ст. 27 АПК РФ были учтены обстоятельства определения подведомственности исходя из критериев субъектного состава и характера спора, на практике при реализации этих норм зачастую возникали проблемы, что вызывало серьезные негативные последствия. Данные обстоятельства были вызваны тем, что оба основных критерия, поставленных во главу угла не имеют четкой законодательной определенности. Так, отсутствует законодательное понятие экономического спора и понятие это толкуется достаточно широко,

поскольку законодателем указано, что кроме экономических споров в компетенцию арбитражного суда входят и иные споры, в том числе и публичные. Так же как, например, в ряде случаев при применении законодательства об акционерных обществах и товариществах для определения подведомственности исходя из субъектного состава действуют два ее вида: так, при разрешении спора об обжаловании решения общего собрания акционеров решение может быть обжаловано акционером — юрлицом по месту нахождения общества в арбитражный суд, а когда оно обжалуется акционером — физическим лицом, заявление должно быть подано в суд общей юрисдикции. Такая же проблема возникает, когда разделу подлежит имущество при разделе семейного имущества и семейного бизнеса. При таких обстоятельствах суду бывает сложно определиться! Между тем эти критерии являются ключевыми при определении компетенции арбитражных судов, и в данном случае необходим был дополнительный критерий, который, как нам представляется, заслуживал внимания, — подход, при котором определяющее значение имеет сфера общественных отношений, в которых возник данный спор.

В Российской Федерации защиту гражданских прав и интересов осуществляют различные органы власти: суды общей юрисдикции, арбитражные и третейские суды, административные суды, а в предусмотренных законом случаях и административные органы. Согласно п. 1 ст. 118 Конституции РФ суды осуществляют правосудие, т. е. специфичную и только им свойственную функцию по рассмотрению и разрешению дел, отнесенных к их компетенции. Защита прав организаций и граждан-предпринимателей осуществляется в основном арбитражными судами, являющимися специализированными органами по разрешению споров в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Для этого и необходимо было разграничение дел по подведомственности, понятие которого на протяжении многих лет было основополагающим в процессуальном законодательстве, поскольку разграничивало полномочия арбитражных судов и судов общей юрисдикции, однако, как указано выше, приводило в судебной

практике к значительным сложностям! Дискуссион, реформы и реорганизации не утихали на протяжении многих лет. И это прослеживается по изменениям, вносимым в Арбитражный процессуальный Кодекс Российской Федерации.

С принятием Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 451) процессуальное законодательство было существенно изменено. Одним из самых существенных изменений стало преобразование термина «подведомственность» в термин «компетенция». Такая необходимость имела место еще в 2014 г., когда произошло слияние Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации. После данного объединения термин «подведомственность» потерял свою актуальность [2].

Отказ от термина, который на протяжении многих лет был основополагающим как в процессуальном законодательстве, так и судебной практике, разграничивал полномочия арбитражных судов и судов общей юрисдикции, привел сами суды к значительным сложностям. Это связано, прежде всего, с тем, что в постановлениях и определениях судов такие понятия, как «подведомственность» и «подсудность», используются в противоположных друг другу значениях. При рассмотрении действующей редакции АПК РФ можно с уверенностью сказать, что институт компетенции в свое содержание включает правила подведомственности и подсудности. Стоит отметить, что правила подведомственности являются первичными по отношению к правилам подсудности.

Стоит обратить внимание на то, что в Федеральном законе № 451 термин «подведомственность» заменяется на термин «компетенция», а ответственность разграничения полномочий между судами общей юрисдикции и арбитражными лежит на институте подсудности. Такое нововведение в процессуальном законодательстве закрепляет возможность передачи дел в соответствии с их подсудностью, то есть судам той же подсистемы, а также в соответствии с компетенцией, то есть судам другой подсистемы [3].

С учетом большого количества судов общей юрисдикции в АПК РФ закреплена норма для удобства передачи арбитражным судом дела в суд общей юрисдикции. В соответствии с ч. 4 ст. 39 АПК РФ, если арбитражный суд установит, что дело, принятое им на рассмотрение, относится к компетенции суда общей юрисдикции, то дело передается в суд общей юрисдикции без использования правил родовой и территориальной подсудности. Иными словами, дело передается в соответствующий областной, краевой или приравненный к ним суд субъекта.

Главной задачей института компетенции является точное распределение дел между судами общей юрисдикции и арбитражными судами с целью правильного, быстрого и эффективного их рассмотрения и разрешения. В п. 1 ст. 27 АПК РФ рассматриваются главные отграничения компетенций арбитражного суда и суда общей юрисдикции, к которым относятся: 1) предмет спора, который возник из экономических или предпринимательских правоотношений; 2) субъектный состав, то есть юридические лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, или же физические лица, имеющие статус ИП. Стоит обратить внимание на то, что по отношению к арбитражным судам суды общей юрисдикции имеют более широкий субъектный состав. На этом этапе мы сталкиваемся с некоторыми трудностями в определении компетенции. Так как споры, рассматриваемые в арбитражных судах, носят экономический характер, в законодательстве (как в гражданском, так и арбитражном) необходимо ввести точные трактовки понятий «экономический спор» и «иная экономическая деятельность». Значение данных понятий известно из теории государства и права, но законодательное регламентирование поможет точнее определить, к компетенции какого суда данное дело относится. В отношении субъектного состава необходимо обратить внимание на то, что в нормах АПК РФ [4] установлено правило, согласно которому гражданин, который обращается в арбитражный суд, должен иметь статус индивидуального предпринимателя, хотя в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» указано, что заявление о признании лица банкротом может подать гражданин, который является или являлся работником и имеет

требование о выплате выходного пособия или оплаты труда. При анализе компетенции особое внимание стоит уделить делам о банкротстве индивидуальных предпринимателей. В настоящее время к компетенции арбитражных судов относятся дела о банкротстве не только ИП, но и граждан, которые утратили данный статус и вместе с ним денежные обязательства, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности. Тонкая грань между компетенцией арбитражных судов и судов общей юрисдикции подталкивает к необходимости строгого разграничения компетенции судов. Облегчить задачу определения компетенции для судов и правоприменителей можно путем введения поправок в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)». Например, если лицо является индивидуальным предпринимателем, то дело относится к компетенции арбитражного суда, если лицо без статуса индивидуального предпринимателя — то к компетенции суда общей юрисдикции [5]. Такое разграничение поможет на практике легче ориентироваться в компетенции этих судов. Арбитражный суд рассматривает дела экономической направленности, а граждане, которые являются физическими лицами, и утратившие статус ИП, так же, как и юридические лица, должны обращаться в Арбитражный суд с заявлением о несостоятельности (банкротстве). В результате, арбитражные суды перегружены делами о банкротстве физических лиц, что замедляет рассмотрение других поданных в Арбитражный суд исков.

Тем не менее законодатель посчитал необходимым отказаться от институтов подведомственности и подсудности в пользу единого института компетенции суда. Такой подход не является новым. Как известно, глава 4 АПК РФ, включающая в себя нормы о подведомственности и подсудности дел арбитражным судам, называется «Компетенция арбитражных судов». Отныне действующая редакция АПК РФ не содержит понятия подведомственности, однако институт компетенции тесно взаимодействует с подсудностью и расширяет институт подсудности его видами. Полагаю, это более точное понятие, чем территориальная компетенции. Кроме того, понятие подсудности используется и в международном процессе и нет

необходимости заменять устоявшийся в международной практике термин «подсудности» на иной. Думается, что говорить о принятой, но еще не вступившей в силу редакции процессуальных кодексов, где институт компетенции будет единым и неделимым, преждевременно.

Приведенные определения позволяют сделать вывод о том, что термины «компетенция», «подведомственность» и «подсудность» не тождественны. Понятие компетенции является общим по отношению к двум другим, включает их в себя, но не является равнозначным и не заменяет понятия подведомственности и подсудности. Определение подведомственности и подсудности гражданских (в широком смысле) дел осуществляется по разным правилам, о некоторых из которых было сказано выше, и формальная замена двух понятий одним общим не исключит применение всех этих правил. В любом случае при определении «компетентного» суда придется определять и субъектный состав спора, и характер спорного правоотношения, и применять иные правила, которые в настоящее время являются правилами определения подсудности. Определение полномочий конкретного суда осуществляется с опорой на законодательство о судебной системе, однако оно же и предусматривает необходимость разграничения компетенции между уровнями и звеньями судебной системы через свойства рассматриваемых дел и перечень полномочий различных судов.

Подведомственность же — это свойство, с помощью которого определяется конкретный компетентный суд судебной системы Российской Федерации. Подсудность, в свою очередь, — это такое свойство рассматриваемого дела, которое позволяет определить компетентный суд первой инстанции. Применительно к судам, рассматривающим уголовные дела, А. М. Угренинова, разграничивая понятия компетенции и подсудности, отмечала: «То есть среди судов, которые компетентны рассматривать ту или иную категорию уголовных дел с соблюдением установленных правил о подсудности (посредством установления и сопоставления между собой предметного, территориального и персонального признаков подсудности), и определяется конкретный суд» [6].

Таким образом, компетенция в процессуальном праве играет важнейшую роль в обеспечении правосудия и защите прав и законных интересов граждан. Ее соблюдение является необходимым условием для эффективного разрешения юридических споров и поддержания правового порядка в обществе.

Нововведения, которые имеют право на свое существование в соответствии с принятием Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», имеют как положительные, так и отрицательные стороны. Есть некоторые проблемы, связанные с толкованием закона, возможной необходимостью его разъяснения, но они вполне решаемы. По мнению автора, многие проблемы имеют место только из-за того, что институт компетенции достаточно новый и к нему как минимум нужно привыкнуть.

Литература

1. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В. Ф. Яковлева, М. К. Юкова. М.: ООО «Городец-издат», 2003. С. 83.
2. Мещерякова А. Ф. Объединение Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации как направление развития судебной реформы и процессуального законодательства // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 7. С. 45–49.
3. Плешанов А. Г. Развитие принципов цивилистического процесса в свете намечающейся реформы процессуального законодательства России // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2018. № 3. С. 42–49.
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: принят Государственной Думой 14 июня 2002 г., одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 г. // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 04.06.2020 с изм. на 18.03.2023).
5. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон [принят Государственной Думой 27 сентября 2002 г., одобрен Советом Федерации 16 октября 2002 г.; ред. от 24 апреля 2020 г.] // Законы, кодексы, нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/doc/FZ-o-nesostojatelnosti-bankrotstve/?yc lid=3085533544155745146> (дата обращения: 04.06.2020).
6. Фокин Е. А. Доступность правосудия, качество закона и развитие арбитражного процессуального законодательства // Журнал российского права. 2018. № 12 (264). С. 120–129.

ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНОСТЬ КАК ОСНОВА СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 2019–2022 ГГ.

С. А. Митроченко

Новосибирский государственный университет
экономики управления
s.a.mitrochenko@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается экстерриториальный подход к формированию судебной системы в России, сформулированы причины и первые последствия проведенной реформы судоустройства. Результат реформы оценивается как формально положительный, однако выявлены снижение доступности правосудия для граждан и скорости исполнения судебного решения из-за охвата судами вышестоящих инстанций значительных территорий и недостаточного материально-технического и/или кадрового обеспечения нижестоящих судов, а также несоблюдение моноинстанционного подхода в связи с разделением кассации на первую и вторую.

Ключевые слова: судебная система, экстерриториальность, реформа судоустройства.

Abstract. The article examines the extraterritorial approach to the formation of the judicial system in Russia, the reasons and the first consequences of the reform of the judicial system are formulated.

Key words: judicial system, extraterritoriality, reform of the judicial system.

Стабильно функционирующая судебная система является основой демократического государственно-правового режима, поскольку в той ситуации, когда не действуют никакие другие механизмы, только судебная система может послужить государству и гражданскому обществу, защищая их от посягательства на гарантированные законом естественные права и свободы и предоставляя возможность добиться справедливости.

Поскольку право тесно связано с экономикой, судебная система служит не только верховенству права, но и формирует справедливую и предсказуемую правовую среду, в рамках которой обеспечивается защита субъективных прав и основных свобод граждан и объединений, что существенно влияет на темпы экономического роста. Обеспечение долгосрочной стабильности правовой системы и сохранение темпов экономического роста осуществляется, в том числе, путем совер-

шенствования судебной системы и повышения авторитета судебной власти. Именно поэтому вопрос о постоянном улучшении механизмов деятельности судебной системы не теряет своей актуальности в настоящее время.

В настоящий момент реформа судебной системы, направленная на изменение ее структуры с использованием экстерриториального подхода, формально завершена, а первичные результаты, отраженные в судебной практике, сформированы, в связи с чем представляется необходимым оценить, достигнут ли эффект, на который были нацелены проведенные изменения.

Для того чтобы произвести оценку результативности примененного к построению судебной системы экстерриториального подхода, необходимо в первую очередь обратиться к опыту прошлых лет.

Так, ранее понятие «принцип экстерриториальности» использовалось применительно к порядку действия национального права за пределами конкретного государства, однако наука права претерпевает колоссальные изменения, в связи с чем в настоящее время применение указанного понятия допущено и в отношении порядка организации судебной системы внутри отдельно взятого государства [11].

В настоящее же время принцип экстерриториальности применительно к организации судебной системы заключается в особом механизме распределения судебной нагрузки на территории государства — таким образом, чтобы границы судебных округов, сформированных для реализации судебной функции государственных органов, не совпадали с границами административно-территориального деления, предназначенного для наиболее качественной реализации функции исполнительной.

Что касается соотношения звеньев судебной системы и инстанций, то здесь может быть представлена модель полиинстанционности (один суд — несколько инстанций, одна инстанция — несколько звеньев судебной системы) или моноинстанционности (один суд — одна инстанция). Сложность российской судебной системы в этом смысле является классиче-

ским примером полиинстанционности судов, поскольку один суд, как правило, выполняет функции различных инстанций.

Однако, учитывая последние процессуальные и структурные изменения, внесенные в систему судов, нельзя не обратить внимание на переход к смешанной системе — в свете фундаментальных изменений, внесенных Федеральным конституционным законом от 29.07.2018 № 1-ФКЗ «О внесении изменений в федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» и Федеральным законом от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Изменения в структуре судов были в первую очередь направлены на увеличение влияния моноинстанционного подхода при рассмотрении дел, поскольку апелляционные и кассационные суды могут рассмотреть дела лишь после вынесения решения судом первой инстанции, хотя на уровне районных судов и судов субъекта РФ ситуация остается прежней и сочетает в себе рассмотрение дел в качестве суда первой и апелляционной инстанций в одном суде. Модель формирования судов «один суд — одна инстанция» зарекомендовала себя при рассмотрении дел арбитражными судами, поэтому логика законодателя для применения указанного метода и к системе судов общей юрисдикции в данном случае прослеживается достаточно четко [1; 2; 10].

Иными словами, введение экстерриториальности при формировании системы апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции прежде всего было обусловлено противоречиями, возникавшими в связи с несовершенством системы [8]. Так, при подаче апелляционной жалобы на решение, принятое районным и городским судом, необходимо было обращаться непосредственно в суд субъекта РФ. При этом кассационная жалоба на это судебное решение, а также на апелляционное определение суда субъекта РФ, подавалась в президиум этого же суда субъекта РФ. Некоторые категории дел рассматривались не районными и городскими судами, а судами областного уровня. Апелляционные жалобы на решения по таким делам подавались в Верховный Суд РФ, который

осуществлял и апелляционное, и кассационное, и надзорное производство по этим делам.

По мнению А. Г. Улетовой, упразднение Высшего Арбитражного Суда РФ в 2014 г., с которым Верховный Суд РФ связывает начало третьей судебной реформы, можно назвать серьезным шагом назад в развитии отечественной судебной системы, поскольку при всех известных преимуществах функционирования единого Верховного Суда РФ именно Высший Арбитражный Суд РФ и его Президиум выступали инициаторами внедрения лучших мировых достижений в сферу российского правосудия, включая применение общепризнанных принципов и норм международного права в правоприменительной деятельности арбитражных судов, формирование арбитражных судов на основе экстерриториального принципа судоустройства, исключение множественности надзорных инстанций в судебной системе, внедрение современных технологий в судопроизводство, а также исключение влияния высших должностных лиц суда на возбуждение надзорного производства [9].

Следовательно, начало третьей судебной реформы справедливо было бы исчислять с 1995 г., с момента принятия Федерального конституционного закона «Об арбитражных судах в Российской Федерации», который существенно изменил представления юридического сообщества о правосудии и сделал шаг к построению конкурентоспособной и эффективной судебной системы, — а также выделять это событие в числе наиболее значимых в истории права России [3].

При этом концепция судоустройства, реализованная в указанном выше Законе при формировании системы арбитражных судов, в полной мере не находит воплощения при модернизации системы судоустройства общих судов, учитывая неспособность системы апелляционных судов в полной мере обеспечить единообразие судебной практики и независимость судей от региональных структур власти в силу привязки большей части апелляционных судов к административному делению, сохранения модели совмещения нескольких судебных инстанций в одном суде, множества апелляционных судов-инстанций, а также неэффективного надзорного произ-

водства, сохраняющего дискреционные полномочия высших должностных лиц по возбуждению надзорного производства (ч. 3 ст. 391.5, ст. 391.11 ГПК РФ). Остается актуальным и другой аспект судебной реформы — справедливое, равномерное выделение апелляционных и кассационных округов, обеспечивающее (более-менее) равный доступ граждан к правосудию с учетом фактора территориальности, т. е. отдаленности участников споров от места постоянного нахождения соответствующих судов [9].

Итак, в рамках последней судебной реформы в связи с необходимостью возвести в абсолют реализацию принципа независимости судей кассационным судам были переданы кассационные полномочия, которые реализовывались президиумами судов субъекта РФ, а апелляционным судам — полномочия по рассмотрению апелляционных жалоб на судебные решения, принятые по первой инстанции судами субъекта РФ. Расположение апелляционных и кассационных судов в иных регионах, в свою очередь, было направлено на искоренение влияния региональных руководителей, председателей суда, коллег на принимаемое судом решение, что в целом должно поспособствовать законности и объективности правового результата.

Необходимо также обратить внимание на наличие Постановлений Пленума ВС РФ, в которых так или иначе разъясняется деятельность апелляционных и кассационных судов — как в части непосредственной организации их деятельности, так и в области применения ими процессуальных норм [4–7].

Предположительно, дальнейшее развитие судебной системы будет направлено на дальнейшее упрощение системы судов в целях унификации судебной практики и повышения эффективности судебной системы. Эффективность — это способность с минимальными издержками достичь поставленной цели. Цель правосудия состоит в правильном разрешении социального конфликта. Поэтому эффективная модель правосудия — это такая модель правосудия, при которой участники спора могут рассчитывать на качественное разрешение этого спора в разумный срок и с минимальными издержками.

По нашему мнению, оценка результативности проведенной судебной реформы может быть произведена на основе анализа данных судебной статистики на примере гражданских и административных дел, а именно: процента отмененных решений президиумами областных и равных им судов и процента отмененных кассационными судами общей юрисдикции решений (определений). Указанные данные покажут, насколько повысилось качество выносимых судами нижестоящих инстанций решений.

В качестве примера для анализа возьмем сведения о работе президиума Новосибирского областного суда (до реформы) и Восьмого кассационного суда общей юрисдикции (в настоящее время).

Согласно Справке о работе кассационной инстанции и президиума Новосибирского областного суда за 2018 год, в кассационную инстанцию Новосибирского областного суда по гражданским делам принято решение по 2692 жалобам. По результатам рассмотрения кассационных жалоб, на рассмотрение в президиум Новосибирского областного суда было передано 109 жалоб, что составило 4 % от общего числа [13].

Из рассмотренных было отменено решений суда первой инстанции — 30, изменено — 1, отменено определений суда апелляционной инстанции — 71, изменено — 5.

В свою очередь, согласно отчету Судебного Департамента при ВС РФ по работе кассационных судов общей юрисдикции за 2022 г., в Восьмой кассационный суд общей юрисдикции из Новосибирской области по административным делам было обжаловано 348 решений суда, из них отменено решений суда первой инстанции — 45, изменено — 2, отменено определений суда апелляционной инстанции — 9, изменено — 2. Таким образом, процент «неверных» решений составил 17 % [12].

По гражданским делам было обжаловано 3129 решений суда, из них отменено решений суда первой инстанции — 88, изменено — 3, отменено определений суда апелляционной инстанции — 216, изменено — 1. Таким образом, процент «неверных» решений составил 10 %.

С учетом изложенных данных видно, что после введения сплошной кассации процент удовлетворенных жалоб вырос,

а значит, формально результат реформы можно оценить как положительный.

При этом после реализации концепции реформы на практике появился ряд существенных проблем — например, снижение уровня доступности правосудия для граждан. С одной стороны, расширенная территория действия апелляционных и кассационных судов негативно сказывается на обеспечении доступа граждан к правосудию в связи с тем, что не каждый обладает необходимыми ресурсами для представления своих интересов в суде, далеко расположенном от основного места проживания. С другой стороны, в совокупности с положениями о расширении применения системы видео-конференц-связи и о создании при необходимости постоянных судебных присутствий данная проблема должна была быть устранена.

Как показывает практика, степень доступности правосудия снизилась, поскольку недостаточное материально-техническое обеспечение судов не позволяет проводить, например, несколько заседаний с участием разных судебных составов одновременно — залов суда, оснащенных для проведения заседания таким образом, не так много, в связи с чем судебные заседания не могут быть согласованы по времени и месту проведения между судами, а значит, и проведены с участием стороны, ходатайствующей о проведении судебного заседания таким образом. Иными словами, для этой стороны право на участие в судебном заседании лично не реализуется в полной мере.

Помимо доступности правосудия снизилась и скорость выдачи исполнительных листов по судебным решениям — судебная практика пошла по пути, согласно которому получение исполнительного листа невозможно до тех пор, пока дело, направленное вместе с апелляционной (кассационной) жалобой в суд апелляционной (кассационной) инстанции, не вернется в суд, рассматривавший дело в первой инстанции. Если по делу, рассмотренному, например, в Сахалинском областном суде, будет подана апелляционная жалоба, дело будет направлено в Пятый апелляционный суд, находящийся в г. Новосибирске. Большие расстояния и плохое транспортное сообщение между Сахалинским областным и Пятым апелляцион-

ным судами, медлительность сотрудников аппаратов обоих судов — справедливости ради стоит отметить, что медлительность связана с большим объемом поступающих дел при недостаточном кадровом обеспечении — влияет на скорость рассмотрения дела в апелляции, что, в свою очередь, затягивает процесс исполнения судебного решения. Для истца, заинтересованного в обратном, это представляется неустранимым препятствием для реализации права на защиту, удовлетворения своего интереса. Ответчику же, напротив, такая ситуация позволяет злоупотребить правом и, если ответчиком является юридическое лицо — инициировать собственную ликвидацию во избежание гражданско-правовой ответственности.

Принцип моноинстанционности, о котором говорилось выше, также не был реализован, так как кассация была фактически разделена на первую и вторую, при которой рассмотрением дел занимаются абсолютно разные суды — кассационный суд общей юрисдикции и Верховный Суд РФ в пределах своих полномочий. С одной стороны, это не позволило в полной мере перенять опыт арбитражных судов, в связи с чем основная целостность идеи была нарушена. С другой стороны, объем дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции, в разы превышает объем дел, рассматриваемых арбитражными судами, что в конечном итоге не позволяет обеспечить единообразие судебной практики кассационной инстанции. Тем не менее, как показывает практика, рассмотрение большинства дел завершается на стадии первой кассации, т. е. на уровне кассационного суда общей юрисдикции, что служит мощнейшим регулятором и в целом отражает результативность разделения кассационной инстанции на первую и вторую. К тому же, учитывая, что в надзорную инстанцию попадает очень небольшое количество дел, фактически рассмотрение дел заканчивается либо на первой, либо на второй кассации.

Таким образом, введенная система судов породила новые проблемы, в преодолении которых видится дальнейшее развитие самой системы судопроизводства. Однако специфическими будут и пути решения указанных вопросов — так, например, увеличение объемов организационно-технического обе-

спечения судов для расширения доступа к правосудию будет регулироваться посредством вливания в систему большего количества бюджетных средств, а значит, такой метод находится в большей степени вне рамок правового поля (разве что принятие федерального бюджета на следующий год оформляется Федеральным законом). При этом эффективность судебной системы в экономическом смысле достигнута не будет, поскольку это будет противоречить тенденции к сокращению расходов на содержание судебной системы. Расширить доступ граждан и их объединений к правосудию, улучшить качество выносимых решений при одновременном сокращении сроков рассмотрения дел и неизменной или даже сокращающейся численности судебного корпуса невозможно.

Литература

1. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции»: федер. конституционный закон от 29.07.2018 № 1-ФКЗ // СЗ РФ. 30.07.2018. № 31. Ст. 4811.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 28 ноября 2018 г.
3. Об арбитражных судах в Российской Федерации: федер. конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ // СЗ РФ. 01.05.1995. № 18. Ст. 1589.
4. О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 № 13 // Рос. газ. № 156. 17.07.2020.
5. О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2020 № 17 // Рос. газ. № 157. 20.07.2020.
6. О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16 // Рос. газ. № 144. 02.07.2021.
7. О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 17 // Рос. газ. № 144. 02.07.2021.

8. О внесении изменений в Федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции: пояснительная записка к проекту Федерального конституционного закона. URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/>
9. Андреева Т. К., Улетова Г. Д. Новый этап судебной реформы: конституционные возможности и вызовы // Вестник гражданского процесса. 2020. № 2.
10. Момотов В. В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание (часть I) // Журнал российского права. 2018. № 10. С. 137.
11. Самарин А. А. Экстерриториальное действие права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. 229 с.
12. Отчет Судебного Департамента при ВС РФ по работе кассационных судов общей юрисдикции за 2022 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7645>
13. Справка о работе кассационной инстанции и президиума Новосибирского областного суда за 2018 г. URL: http://oblsud.nsk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=303

РЕФОРМЫ СУДОУСТРОЙСТВА: МЕЖДУНАРОДНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ

А. В. Дементьева

Новосибирский государственный университет
экономики управления
DementevaA25@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассмотрены опыты реформ международного и национального судопроизводства и их влияние на изменение и развитие законодательства.

Ключевые слова: реформы судопроизводства, международный и национальный опыт.

Abstract. This article examines the experiences of international and national judicial reforms and their impact on the change and development of legislation.

Key words: judicial reforms, international and national experience.

Именно суды призваны стоять на страже закона, принципов и ценностей демократии, прав и свобод граждан. Изучение международного опыта процессуальной правопримени-

тельной практики дает возможность более глубоко рассматривать и совершенствовать судопроизводство в национальной судебной системе.

В настоящее время в международной правоприменительной практике наблюдается многочисленные случаи участия Российской Федерации, ее граждан, организаций в судебных разбирательствах, например в Европейском Суде по правам человека. При рассмотрении гражданских дел такие проблемы, как продолжительность процесса, загруженность судов, являются общими для многих стран. Технический прогресс, рыночные отношения позволяют брать опыты у тех государств, где эти проблемы решаются более эффективным методом (использование в судопроизводстве групповых исков для защиты прав потребителей, технических средств для возбуждения дела и обеспечения доказательств). Применение международного опыта в правоприменительной практике в России усиливает влияние на потребность проведения реформ судебной системы.

Быстро развивающаяся экономическая интеграция, международные отношения требуют единого межгосударственного регулирования важнейших вопросов судопроизводства: определение подсудности гражданских дел с иностранным элементом, признание и принудительное исполнение иностранных судебных решений. Изменение взаимоотношений общества и общественно-политической и правовой ситуации в нашей стране обозначило необходимостью изменение правосудия.

В России Петром Великим через формирование и модернизацию структуры государства была проведена первая реформа суда под влиянием немецкой, французской и шведской правовых систем. Указом Петра I от 8 февраля 1722 г. были утверждены инстанции судов. Петром Великим был отменен розыск, а суд сделан единственной формой процесса.

С именем Екатерины II связан следующий, наиболее яркий этап развития судебной системы: следствие было отделено от суда и передано в ведение полиции. В правление Екатерины II в России начал действовать Верховный уголовный суд. Он соз-

давался специальными высочайшими указами по особо важным делам. Однако в целом единой судебной системы в России создано не было.

Судебная реформа 1864 года достойна называться Великой судебной реформой. В Судебной реформе 1864 г. была изменена вся система судопроизводства и судоустройства, она была самой последовательной из всех. Ее подготовка велась в первой половине XIX в. до середины XIX в., суд составлял единое целое с административной системой, существенно зависел от нее. В ряде случаев различия административной и судебной форм репрессии были практически незаметны. Это касалось не только политической юстиции. Суд при осуществлении уголовного и гражданского судопроизводства не был в полной мере самостоятельным [6].

В своей статье М. Д. Карпачев описал так подготовку судебной реформы 1864 г.: «В 1858 г. юрист С. И. Зарудный вместе с группой единомышленников отправился за границу для изучения порядков судопроизводства в развитых странах Западной Европы. За время поездки они тщательно изучили судопроизводство западноевропейских государств: Англии, Италии, Швейцарии, Франции и других стран» [5, с. 31–35]. Опыт стран европейского правосудия был взят за основу реформирования российской судебной системы. Лидер юристов-реформаторов С. И. Зарудный убеждал: «Модернизация судебной системы должна заключаться в сохранении за Россией места среди великих держав цивилизованного мира, и основополагающие принципы отечественного судоустройства не должны отличаться от европейских».

Новая система российского судопроизводства была разработана в начале 1862 г., и 20 ноября 1864 г. Александр II подписал указ о введении в действие новых судебных уставов: устава гражданского и уголовного судопроизводства; устава о судебных местах; устава деятельности мировых судов. Этот исторический указ открывал новую эпоху в истории российского правосудия.

В судебной реформе 1864 г. принципы и процедуры судопроизводства поменялись: суд стал гласным, открытым и уст-

ным, с состязательным процессом, при котором стороны получили равные права на предоставление и опровержение доказательств; в уголовный процесс было введено судебное следствие, был создан институт присяжных. Судебная власть была полностью отделена от административной, судебное следствие было отделено от полицейского и стало процессуально независимым. Судьи общих судов стали несменяемыми, а мировые судьи — выборными на срок [6].

Опыт Японии, которая переняла систему правосудия у Германии во второй половине XIX в., существенно отличался от российского. Отношения между администрацией и обществом в японском варианте складывались достаточно гармонично, в том числе и по причине того, что император не видел угрозы в самостоятельной судебной системе [10].

В настоящее время в России принимаются законы и составляются концепции по изменению судопроизводства. При взаимодействии различных государств постоянно появляется необходимость реформирования судопроизводства.

В России и в других странах происходило и происходит изменение и дополнение в законодательстве. В нашей стране в 1922 г. судебная реформа закрепила основные принципы советской судебной системы. В 1936 г. Конституция СССР закрепила важные принципы судостроительства и судопроизводства, объединяя при этом все суды в единую систему. С 1991 г. в России последовательно проводится судебная реформа, ориентированная на открытое, скорое, доступное правосудие, снижение судебной нагрузки. Совершенствование судебной системы осуществлялось путем объединения Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в единый судебный орган для установления унифицированных правил судебного производства, для устранения разногласий в судебной правоприменительной практике. Утверждение конституционно-правовых основ арбитражного судопроизводства состоялось при изменении Конституции Российской Федерации. Также в России были восстановлены суды присяжных, которые утратили свои пол-

номочия в период с 2008 по 2013 г., и мировая юстиция, учреждено административное судопроизводство. В 1991 г. судебная реформа Российской Федерации и Конституция РФ, принятая 12 декабря 1993 г., закрепили ключевые нормы и принципы судоустройства, судопроизводства и статуса судьи [3].

В настоящее время наша страна занимает одно из ведущих мест в Европе по внедрению судами современных технологий, обеспечивающих доступность правосудия и дистанционную реализацию процессуальных прав участников судебного производства. Данные Европейской комиссии по эффективности правосудия Совета Европы представляют, что в России гражданские дела рассматриваются в пять раз быстрее чем в Европе, а административное — в 25 раз. Это возникает за счет совершенствования судебного производства, связанного с внедрением электронного правосудия: это аудиозапись судебных заседаний, использование видеоконференцсвязи, автоматическое разделение дел.

30 декабря 2021 года в Российской Федерации был принят № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», предоставляющий право в судопроизводстве применять документооборот в электронном виде через информационную систему «Единый портал государственных и муниципальных услуг». Этот закон о применении электронного документооборота в судопроизводстве позволяет реализовать сразу две важные задачи: повышение доступности правосудия для граждан, с одной стороны, и снижение нагрузки на судебную систему — с другой.

В Постановлении X Всероссийского съезда судей от 1 декабря 2022 г. № 1 «О развитии судебной системы Российской Федерации» отмечено международно-правовое сотрудничество между федеральными судами общей юрисдикции, зарубежными органами судебной власти, международными организациями и федеральными арбитражными судами, российскими органами судейского сообщества. В области организационного обеспечения деятельности судов в период с 2017 по 2022 г. с целью приобщения иностранного опыта посетило

337 судей из России. Более 20 зарубежных делегаций посетило Российскую Федерацию с целью изучения судоустройства нашей страны [2].

На пленарном заседании Совета судей Российской Федерации от 24.05.2022 Председателем Верховного суда России В. М. Лебедевым было сказано: «Востребованность электронных сервисов правосудия, доказавших свою незаменимость в период пандемии, продолжает расти и сейчас» [1, с. 1].

Реформы судопроизводства происходят и в других развивающихся странах.

В 1958 г. во Франции была реформирована судебная система, где уголовное судопроизводство было отделено от гражданства. С 2018 по 2022 год происходит преобразование судебной системы 1958 г.: происходит реформирование юстиции, объединение инстанций трибуналов в судебные трибуналы [4].

Реформа судебной системы в Англии в 2009 г. получила свою известность созданием Верховного суда Великобритании, который принял судебные полномочия палаты лордов [9].

В Германии устройство судебной системы происходит по отраслевому подходу, имеются пять отраслей правосудия: социальное, общее, финансовое, трудовое, административное [8].

Четверть заключенных мира приходится на долю США. На конференции американской ассоциации в Сан-Франциско, состоявшейся 13 августа 2013 года, Министр юстиции США Эрик Холдер заявил: «Необходима разгрузка тюрем, большинство американцев попадают в тюрьмы на слишком длительные сроки, совершенно не обоснованные соображениями охраны правопорядка». Законопроект реформы уголовного правосудия, направленный на то, чтобы разгрузить переполненные тюрьмы в США, окончательно одобрен Палатой представителей Конгресса. В законопроекте уголовного правосудия содержатся основные положения реформы: отмена обязательных минимальных сроков лишения свободы; предоставление судьям больше свободы действий при рассмотрении незначительных преступлений; отмена автоматически назна-

чаемых пожизненных сроков за третий приговор, выносимый за совершение насильственного преступления или незаконный оборот наркотиков; условно-досрочное освобождение за хорошее поведение, внедрение различных программ реинтеграции, улучшение условий содержания для женщин и несовершеннолетних [11].

В заключение можно сказать, что судебная система в любой стране имеет свои особенности, базирующиеся на собственных правовых традициях и законодательстве. Реформирование судопроизводства в разных странах происходит постепенно, дополняет новые формы, принципы и зарубежный опыт. В современное время реформирование судопроизводства основывается на технологической модернизации судов, активном внедрении цифровых технологий и расширении сферы применения электронного правосудия. Изменение национального судопроизводства происходит при заимствовании международного опыта через использование всего лучшего из их правоприменительной практики.

Рассмотрев международные и национальные опыты реформирования судопроизводства, следует рекомендовать судейскому сообществу в ближайшее время ускорить возможность отказа от составления протоколов судебного заседания в письменном виде в связи с проводимым в настоящее время аудиопроотоколированием.

Литература

1. Выступление Председателя Верховного Суда Российской Федерации Вячеслава Михайловича Лебедева на пленарном заседании Совета судей Российской Федерации 24 мая 2022 г. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/31149/> (дата обращения: 20.04.2023).
2. О развитии судебной системы Российской Федерации: постановление X Всероссийского съезда судей от 1 декабря 2022 г. № 1 // Гарант: справочная правовая система. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405810965/> (дата обращения: 16.04.2023).
3. Егоров С. А., Иванов А. Б. История государства и права России: в 2 ч. Ч. 1. IX — первая половина XIX века: учеб. и практикум для вузов / под общ. ред. В. Н. Карташова. 2-е изд. М.: Юрайт, 2023. 345 с.
4. Андреева И. А. Судебная система Франции на современном этапе // Труды Академии управления МВД России: Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 1. С. 136–144.

5. Карпачев М. Д. Судебная реформа 1864 г. В России: шаг на пути к правовому государству // Судебная власть и уголовный процесс: Judicial power and criminal procedure. 2014. № 26. С. 31–35.
6. Краковский К. П. Судебная реформа 1864 г. значение и историкоправовые оценки // Журнал российского права: Journal of Russian Law. 2014. Т. 2. № 12. С. 22–25.
7. Литвинский Д. В. О французской реформе, предсказанном правосудии и онлайн арбитраже // Интерактивная наука: Interactive science. 2022. № 14 С. 16–20. URL: https://zakon.ru/blog/2020/11/25/o_francuzskoj_reforme_v_sfere_pravosudiya (дата обращения: 17.04.2023).
8. Михайлова А. А. Судебные системы современных европейских государств // Интерактивная наука: Interactive science. 2022. № 8. С. 21–23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnye-sistemy-sovremennyh-evropeyskih-gosudarstv> (дата обращения: 18.04.2023).
9. Устюжанинова Е. А. Конституционная реформа 2005 года и ее влияние на систему административной юстиции Великобритании // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского: Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after. 2013. № 8. С. 15–19 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnaya-reforma-2005-goda-i-ee-vliyanie-na-sistemu-administrativnoy-yustitsii-velikobritanii> (дата обращения: 15.04.2023).
10. Загорнов А. А. Судебная реформа 1864 г. и капиталистическая модернизация Российской империи // Журнал российского права: Journal of Russian Law. 2019. № 11. С. 235–241. URL: <https://hist.bsu.by/images/stories/files/nauka/izdania/tif/4/Zagarnov.pdf> (дата обращения: 21.04.2023).
11. Юридический портал юристов адвокатов нотариусов: офиц. сайт. URL: <https://www.zakonia.ru/analytics/77/54561> (дата обращения: 18.04.2023).

ГЕНДЕРНЫЙ ДИСБАЛАНС В РОССИЙСКОМ СУДЕБНОМ КОРПУСЕ

В. В. Карпова

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
магистрант
Karpusha2017@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс феминизации судейского корпуса в России. Указываются причины гендерного дисбаланса, среди которых основной является модель рекрутинга.

Ключевые слова: судья, судейский корпус, феминизация, гендер, женщина, дисбаланс.

Abstract. The article discusses the process of feminization of the judiciary in Russia. The reasons for the gender imbalance are indicated, among which the recruiting model is the main one.

Key words: judge, judicial corps, feminization, gender, woman, imbalance.

Вопросы формирования судейского корпуса занимают одно из центральных мест при изучении судебной системы. Они представляют собой направления развития судейского общества во взаимосвязи с причинами, носящими исторический, политический и экономический характер. Целью исследования является выявление тенденций формирования судейского корпуса.

В результате реформы начала 2000-х годов произошел резкий рост числа вакансий в судебной системе, значительно увеличились зарплаты и улучшилось социальное обеспечение, что привело к росту престижа судейской профессии [5].

Так, судебная система РФ относительно недавно выстроилась как самостоятельный правовой институт, и то, какими способами она пополняется, организуется, развивается на протяжении определенного времени, позволяет делать некие выводы о том, существуют ли тенденции развития. Под судейским корпусом мы понимаем совокупность государственных должностных лиц, занимающих должности судей. В судейский корпус входят не только действующие судьи, но и пребывающие в отставке.

Судейский корпус должен состоять из судей, которые обладают особой квалификацией и высоким профессионализмом. При этом им также присущи такие качества, как повышенная ответственность, рассудительность и нравственность, ведь итогом судебной деятельности является вынесенное решение, которое должно соответствовать не только нормам права, но и справедливости.

Значимость напрямую выражается в том, что в лице судьи граждане видят государство со своей могущественной властью, умалить авторитет которого не позволительно.

Казалось бы, мы уже все знаем о профессии судьи, о структуре судебного корпуса, но вопросы формирования судебного корпуса изучали и продолжают изучать правоведы и представители науки.

Так, В. В. Волков с А. В. Дмитриевой посвятили научную статью под названием «Источники рекрутирования, гендер и профессиональные субкультуры в российской судебной системе» вопросам изучения судей как профессиональной группы [1].

Обращаясь к социальной стороне исследования судебного корпуса, авторы приводят довод о том, что на должность судьи вступают чаще женщины, а не мужчины.

Данная тенденция свойственна не только для России, но и для других постсоциалистических стран.

Причины перевеса женщин среди судей, а также вопросы феминизации судебного корпуса изучает и магистр факультета политических наук и социологии Е. А. Иванова в своем исследовании под названием «Гендерный дисбаланс в Российском судебном корпусе: феминизация профессии» [2].

Касаемо доводов относительно феминизации, многие судьи и ученые придерживаются позиции, которая заключается в том, что пол не может быть значимой характеристикой в судействе. Это предопределенно предрасположенностью профессии к независимости в целом. Судья не может судить по-разному, в зависимости от принадлежности его к определенному полу. На наш взгляд, это изначально искажает справедливость всего судебного процесса.

Существует довод о том, что женщины более эмоционально восприимчивы [3]. На наш взгляд, его нельзя признать в полной мере верным, т. к. эмоциональные черты присущи как женщинам, так и мужчинам, но в разной степени. Судья должен быть «бесполым», чтобы не иметь неподконтрольный эмоциональный эффект.

Так в чем же тогда причины гендерного дисбаланса?

При комплексном анализе причин мы часто забываем об источнике пополнения судейского корпуса.

Так, причины феминизации кроются в структурных механизмах, а именно в способе занятия должности. Источником формирования судейского корпуса является сам аппарат суда [4]. Объяснение этому следующее: помимо предшествующего опыта и обладания специальным уровнем знаний, гендерное различие формирует то, что работа секретаря или помощника относится по своему типу к офисной, которая в сознании людей давно присуща женщинам. Рассматривая эту карьерную лестницу, можно предположить, что мужчины в меньшей степени отдают ей предпочтение как способу прийти к должности. Это обусловлено тем, что мужчина исторически признан кормильцем. Зачастую заработная плата на занимаемой должности секретаря или помощника судьи не всегда удовлетворяет потребности. Данный вопрос уже касается экономической составляющей.

Таким образом, дисбаланс обусловлен рекрутингом из аппарата суда. Играет роль и то, что условия для работы не всегда являются престижными для мужчин. В каком-то смысле это замкнутый круг. Суть его в том, что, если основным источником пополнения кадров является аппарат суда, в котором наиболее удачно получается строить карьеру у женщин, профессия приобретает «женский окрас», а это, в свою очередь, не является престижным для мужчин. На наш взгляд, слово «престиж» не совсем верно отражает суть того, что мужчины уступают женщинам в количественном составе на должности судьи. Можем предположить, что мужчинам даже не всегда интересна должность судьи. Например, получив юридическое образование, мужчине намного интереснее будет работать в прокуратуре или юридических кампаниях.

Таким образом, на современном этапе развития судебного корпуса присутствует тенденция феминизации. Одной и главной причиной феминизации выступает модель рекрутинга, а именно то, что значительное число судей набирается из аппарата суда.

Какие могут быть последствия данного явления? Снижение престижа, заработной платы или ухудшение условий труда? Всего этого можно избежать при соблюдении таких условий, как быстрый рост занятости, наличие необходимого образования, стимулирование повышением заработной платы.

Литература

1. Волков В. В., Дмитриева А. В. Источники рекрутирования, гендер и профессиональные субкультуры в российской судебной системе // Социология власти. Т. 27. № 2. 2015.
2. Иванова Е. А. Гендерный дисбаланс в Российском судебном корпусе: феминизация профессии // Журнал исследований социальной политики. Т. 13. № 4. 2018.
3. Волков В. В., Дмитриева А. В., Поздняков М. Л., Титаев К. Д. Российские судьи: социологическое исследование профессии: моногр. / под ред. В. В. Волкова. М.: Норма: Инфра-М, 2018.
4. Дмитриева А. В., Савельев Д. А. Источники пополнения судебного корпуса РФ и роль аппарата судов. СПб.: Институт проблем правового применения, 2018.
5. Горбуз А. К., Краснов М. А., Мишина Е. А., Сатаров Г. А. Трансформация российской судебной власти. Опыт комплексного анализа. М.; СПб.: Норма, 2018.

СОДЕРЖАНИЕ

Международная научно-практическая конференция «Корпоративное право и корпоративное управление: проблемы гармонизации в российском праве»

Абакумова Е. Б.

Практическая проблематика приобретения
и прекращения полномочий единоличного
исполнительного органа хозяйственного общества 3

Берсенева Н. С.

Проблема реализации корпоративного управления
как элемента правового статуса публичных
акционерных обществ..... 12

Дорожнинская Е. А.

Проблемы совершения сделок с долями
в уставном капитале общества
с ограниченной ответственностью 17

Кеклиш А. Ю.

О приобретении обществом собственных акций..... 22

Кирилова Н. А.

Корпоративный договор:
проблемы гражданско-правовой ответственности
за его нарушение 27

Ковалёва Н. П.

Наследование имущественных прав участников
хозяйственных обществ 36

Краснова С. А.

Гражданско-правовые способы защиты от неправомерного
лишения права участия в управлении корпорацией:
виды и соотношение 42

Мачула М. В.

Проблемы обеспечения надлежащего исполнения
корпоративного договора 50

Федоров П. Е.

К вопросу о применении правила эстоппель
в правоотношениях по государственному
оборонному заказу 55

Чукреев А. А.

Исключение участника из непубличного хозяйственного
общества — ответственность независимо от вины? 60

**Международная научно-практическая конференция
«Эволюция семейного права:
традиции и ожидаемые новеллы
семейного законодательства»**

Балабушевич Г. К.

Отдельные вопросы семейного права
в федеральных государственных образовательных стандартах
основного общего и среднего общего образования..... 68

Брылякова Е. С.

Пробелы в институте алиментных обязательств
на современном этапе 75

Герасимова О. А.

Доля пережившего супруга в доле в уставном капитале ООО ... 81

Голосова Н. С.

К вопросу о региональной дифференциации
правового регулирования социальной защиты семей,
имеющих детей..... 92

Громоздина М. В.

Право ребенка на имя: теоретико-проблемный аспект117

Долинская В. В.

Субъекты семейного права:
проблемы расширения их круга.....124

Карцева Н. С., Комиссарова П. К.

Проблемные аспекты правового регулирования
обеспечения и защиты прав и интересов детей
в Российской Федерации.....133

Косарев К. В.

Существенные условия соглашения об уплате алиментов.....142

<i>Ломакина И. Г.</i> Роль конституционно-правового закрепления прав детей в Российской Федерации.....	146
<i>Малинова А. Г.</i> Законный брак: аргументы в пользу его легитимации	150
<i>Марухно Е. Ю.</i> Снова к вопросу о медицинском обследовании лиц, вступающих в брак	156
<i>Русенчик Т. М.</i> Отдельные вопросы правового регулирования семейных отношений в кодифицированных актах государств — членов ЕАЭС	160
<i>Саенко Л. В.</i> Актуальные аспекты институционализации семейного права (на примере опеки и имущественных отношений супругов) ...	166
<i>Токарева Е. В.</i> Процессуальные проблемы, возникающие при банкротстве семейного бизнеса	172
<i>Толочкова И. А.</i> Правовое регулирование буллинга в образовательных организациях России.....	181
<i>Гадбин А. Ю.</i> Семья как конституционная ценность: вопросы гарантий.....	186

**Международная научно-практическая конференция
«Правосудие и судебные реформы:
международный и национальный опыт»**

<i>Головачук О. С.</i> Реформирование судебной системы как средство повышения эффективности правосудия	190
<i>Скобелев В. П.</i> Меры по обеспечению исполнения исполнительного документа: о некоторых проблемах правового регулирования	195
<i>Степаненко Р. А.</i> Цифровые технологии в судебной деятельности: возможности и перспективы внедрения	203

<i>Третьякова Т. О.</i>	
Сравнительные аспекты судебной реформы России и Израиля.....	209
<i>Кушарова М. П.</i>	
К вопросу о компетенции в процессуальном праве — новые тенденции	223
<i>Митроченко С. А.</i>	
Экстерриториальность как основа судебной реформы 2019–2022 гг.	232
<i>Дементьева А. В.</i>	
Реформы судостроительства: международный и национальный опыт	241
<i>Карпова В. В.</i>	
Гендерный дисбаланс в российском судебном корпусе	249

Научное издание

ПРАВО И ЭКОНОМИКА: НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ И СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ

Сборник статей
по итогам V Новосибирского
международного юридического форума
(24–26 мая, 22–23 июня 2023 г.)

Часть 2

Корректор *Ю. Ю. Алехова*
Верстка *Ю. А. Кувшинова*
Дизайн обложки *А. Ю. Болдина*

Гарнитура PT Serif. Формат 60×84 ¹/₁₆. Усл.-печ. л. 14,88.
Подписано в печать 17.05.2024. Тираж 300 экз.

Новосибирский государственный университет экономики
и управления «НИНХ»
630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56.